

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

Том 18 № 4 (2021)

ЧАСТИ ЦЕЛОГО: ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК С ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ РОССИИ

Приглашенный редактор

Ирина Сергеевна Алексеева, профессор, РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4

<http://journals.rudn.ru/education-languages>

Научный журнал

Издается с 2004 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-73496 от 17.08.2018 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Бакhtикиреева У.М., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

Заместитель главного редактора, ответственный секретарь

Валикова О.А., доктор философии (PhD), научный сотрудник НУ, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: valikova-o@rudn.ru

Почетный редактор

Стивен Дж. Келлман, PhD, профессор, Техасский университет Сан-Антонио, США

Редакционная коллегия

Аминова Венера Рудалева — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Республика Татарстан, Россия

Валуцкая Ирина Ивановна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Московский государственный областной университет, Москва, Россия

Вахидова Марьям Адыевна — доктор филологических наук, почетный профессор Оксфордского университета, Чеченская Республика, Грозный, Россия

Джусутов Махаббат — доктор филологических наук, профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан
Едокимова Светлана — доктор филологических наук, профессор, профессор славистики и компаративной литературы, кафедра славянских языков, Университет Браун, Провиденс, США

Ефремов Николай Николаевич — доктор филологических наук, профессор, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Республика Саха, Якутск, Россия

Жаркыбекова Шолпан Кузаровна — доктор филологических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Астана, Казахстан

Канараджа Суреш — доктор филологии, профессор, кафедра прикладной лингвистики и английского языка; директор Центра миграционных исследований, Пенсильванский университет, США

Кибальник Сергей Акимович — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Кудбина Наталья Владимировна — доктор педагогических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

Куриленко Виктория Борисовна — доктор педагогических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Кучукова Зухра Ахметовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Республика Кабардино-Балкария, Нальчик, Россия

Ламаева Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН, Москва, Россия
Марусенко Михаил Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Маслова Валентина Авраамовна — доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Муди Эндрю — PhD, профессор, доцент, кафедра английского языка, Университет Макао, КНР

Муранская Наталия — доктор филологических наук, профессор, профессор русистики и компаративной литературы, факультет философии, Университет Константина Философа, Нитра, Словакия

Протасова Екатерина Юрьевна — доктор педагогических наук, доцент, лектор, Отделение современных языков Хельсинкского университета, Хельсинки, Финляндия

Прошина Зоя Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Смирнова Альфия Исламовна — доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук, Московский городской университет, Москва, Россия

Судейменова Элеонора Дюсеновна — доктор филологических наук, профессор, вице-президент МАПРЯЛ, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Гостанова Мадина Владимировна — доктор филологических наук, профессор, Центр евразийских исследований, Линчепингский Университет, Линчепинг, Швеция

Фирман Уильям — доктор политических наук, профессор, Центр евразийских исследований, Университет Индианы, Блумингтон, США

Хилханова Эржен Владимировна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Хугаев Ирлан Сергеевич — доктор филологических наук, профессор, заведующий Отделом культурной антропологии южных осетин, Владикавказский научный центр Российской академии наук, Владикавказ, Россия

Хухунь Георгий Теймуразович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики, Московский государственный областной университет, Москва, Россия

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, доцент Института гуманитарных наук, Московский городской университет, Москва, Россия

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

ISSN 2618-8988 (online); ISSN 2618-897X (print)

4 выпуска в год (ежеквартально)

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский

Индексирование: РИНЦ (НЭБ), DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, WorldCat, Dimensions.

Полные тексты: Cyberleninka, East View, Mendeley

Цель и тематика

В тематическое поле журнала входят актуальные проблемы билингвального образования, а также интегративные направления новейшей филологии: лингвокультурология, социалингвистика, политическая лингвистика, вопросы билингвизма, межкультурная коммуникация. На протяжении своей истории журнал презентовал стратегии эффективной лингводидактики, механизмы восприятия и усвоения иностранного языка в прагматическом аспекте, методики преподавания русского и иностранного языков и др.

Начиная с 2016 года журнал расширяет исследовательский контекст публикаций и приглашает к сотрудничеству специалистов в области русофонной и транслингвальной литературы, культурологов, философов и других представителей гуманитарного знания. Вместе с тем особое внимание уделяется краеугольным вопросам современного языкознания: Языку в Человеке и Человеку в Языке; Языку в поликультурном обществе; особенностям языкового сознания билингвальной личности; механизмам восприятия и усвоения второго языка в когнитивном и прагматическом аспектах и многим другим.

Миссия (сверхзадача) журнала — интегрировать лингвистический и экстралингвистический опыт специалистов разных стран и научных направлений с целью разработки универсальной стратегии толерантного взаимодействия между представителями различных языков и культур. Редколлегия журнала убеждена, что Язык (и свой, и чужой) может быть мостом к постижению другой культуры, ментальности, этнической сущности. Ослабление конфронтационного восприятия Другого и провозглашение самоценности каждого языка и каждого этноса в мультикультурном социуме — миссия журнала, решаемая на уровне конкретных исследовательских задач, среди которых:

- установление, описание, систематизация языковых фактов по заявленной проблематике;
- публикация результатов экспериментальных методик в рамках билингвального образования;
- исследование языковых процессов в поликультурном пространстве;
- изучение би- и транслингвальных практик в литературе и медиа и т.д.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions>

Электронный адрес: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru

Редактор: *И.В. Успенская*

Компьютерная верстка: *О.Г. Горюнова*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Тел.: (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Подписано в печать 09.12.2021. Выход в свет 15.12.2021. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonС».

Усл. печ. л. 12,58. Тираж 500 экз. Заказ № 1138. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

VOLUME 18 No. 4 (2021)

PARTS OF A WHOLE: TRANSLATION INTO RUSSIAN FROM THE LANGUAGES OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF RUSSIA

Guest Editor

Irina S. Alexeeva, Professor of the Department of Translation, Herzen State Pedagogical University of Russia

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4
<http://journals.rudn.ru/education-languages>
Founded in 2004

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Professor Dr. Uldanai Bakhtikireeva

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

VICE-EDITOR, EXECUTIVE SECRETARY

PhD Olga Valikova

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

E-mail: valikova-o@rudn.ru

Honorary Editor

Steven G. Kellman, PhD, Professor, University of Texas at San-Antonio, USA

EDITORIAL BOARD

Prof. Venera R. Amineva, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

Prof. Irina I. Valuytseva, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Prof. Mar'yam A. Vakhidova, Chechen Republic, Grozny, Russian Federation

Prof. Suresh Canagarajah, Pennsylvania State University, Philadelphia, United States

Prof. Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Language University, Tashkent, Uzbekistan

Prof. Svetlana Evdokimova, Brown University, Providence, United States

Prof. Nikolay N. Efremov, Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation

Prof. William Fierman, Indiana University, Bloomington, United States

Prof. Sergey A. Kibal'nik, Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Prof. Natal'ya V. Kulibina, The Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation

Dr. Viktoriya B. Kurilenko, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

Prof. Zukhra A. Kuchukova, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation

Prof. Chimiza K. Lamazhaa, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Prof. Mikhail A. Marusenko, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Prof. Valentina A. Maslova, Vitebsk State University, Vitebsk, Belarus

Prof. Andrew Moody, University of Macau, China, United States

Prof. Natal'ya Muranska, Constantine the Philosopher University, Nitra, Slovakia

Prof. Ekaterina Y. Protasova, University of Helsinki, Finland

Prof. Zoya G. Proshina, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Prof. Al'fiya I. Smirnova, Moscow City University, Moscow, Russian Federation

Prof. Eleonora D. Suleimenova, Kazakhstanian Association of Teachers of Russian Language and Literature, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Prof. Madina V. Tlostanova, Linköping University, Sweden

Dr. Erzhen V. Khilkhanova, Institute of Linguistics of RAS, Moscow, Russian Federation

Prof. Irlan S. Khugaev, Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz

Prof. Georgiy T. Khukhuni, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Dr. Eleonora F. Shafranskaya, Moscow City University, Moscow, Russian Federation

Prof. Sholpan K. Zharkynbekova, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

Published by the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

ISSN 2618-8988 (online); ISSN 2618-897X (print)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English, French, German, Spanish

Indexed by Russian Index of Science Citation (eLibrary.ru), DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, WorldCat, Dimensions.

Cyberleninka, East View, Mendeley.

Aim and Scope

The thematic field of the journal includes actual problems of translanguing literature, bilingual education, as well as integrative areas of modern philology: cultural linguistics, sociolinguistics, political linguistics, bilingualism issues, crosscultural communication.

During its ten-year history the Journal has been offering for discussion by the scientific community significant problems of modern linguistics: Language in Human and Human in Language; Language in a multicultural society; peculiarities of bilingual linguistic consciousness of the individual; mechanisms of perception and learning of L2 in the cognitive and pragmatic aspects; effective strategy of linguistic didactics and many others.

From 2016, the Journal extends the research context of publications and invites for cooperation specialists in the field of translanguing literature, culture experts, philosophers, and other representatives of the Humanities.

Mission (the supertask) of the Bulletin is to integrate linguistic and extra-linguistic experience of experts from different countries and scientific disciplines. We try to develop universal strategy of tolerant interaction between people of various languages and cultures. The Editorial Board believes that the Language (Own, and Others') may not be only the barrier, but also a bridge between cultures, mentalities and ethnic identities. Our Mission may be implemented in the research tasks as:

- identification, description, classification of linguistic facts of declared problematics;
- publication of the results of experimental methods of teaching and learning of second language;
- the study of language processes in multicultural environment;
- the study of bi- and translanguing practices in literature, media; etc.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at: [://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions](http://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions)

E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru

Editor *I.V. Uspenskaya*
Computer design: *O.G. Gorunova*

Address of the editorial board:
3, Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:
3, Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ/CONTENTS

ЧАСТИ ЦЕЛОГО: ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК С ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ РОССИИ / PARTS OF A WHOLE: TRANSLATION INTO RUSSIAN FROM THE LANGUAGES OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF RUSSIA

Алексеева И.С. Сорок сороков языков — и одна страна: перевод как средство коммуникации народов России / Alexeeva I.S. A Multitude of Languages — and One Country: Building up Communication among the Peoples of Russia through Translation	332
Маллаева З.М., Магомедов М.А., Халидова Р.Ш. Культурологический аспект перевода на русский язык произведений аварской художественной литературы: на примере книги Р. Гамзатова «Мой Дагестан» / Mallaeva Z.M., Magomedov M.A., Khalidova R.Sh. Culturological Aspect of Russian Interpretation of Avar Literary Works: Based On “My Dagestan” by R. Gamzatov	347
Васильева А.А. Перевод в Якутии как средство сохранения языка и культуры народа саха / Vasil’eva A.A. Translation in Yakutia as a Means of Preservation of the Sakha Language and Culture	358
Осипова М.В. Стратегии перевода текстов коренных малочисленных народов Дальнего Востока России / Osipova M.V. Strategies of the Texts Translation Published on the Languages of the Indigenous Peoples of the Russian Far East	368
Валькова Ю.Е., Разумовская В.А. Перевод в контексте сохранения языков и культур коренных народов Сибири / Valkova Yu.E., Razumovskaya V.A. Translation in the Context of Preserving Languages and Cultures of the Siberian Indigenous Population	393
Кужугет Ш.Ю., Сувандии Н.Д., Ламажаа Ч.К. Проблемы перевода концептов культуры на другой язык: на примере тувинских концептов культуры / Kuzhuget Sh.Yu., Suvandii N.D., Lamazhaa Ch.K. The Problem of Translating Cultural Concepts into Another Language: on the Example of Tuvan Cultural Concepts	405
Дашинимаева П.П. Способы репрезентации ориентального мышления этноса в переводе с бурятского на русский язык / Dashinimaeva P.P. Oriental Ethnic Mind: Ways to Represent It in Translation from Buryat into Russian	421
Зайцева Н.Г. Вепская художественная словесность — путь к возрождению народа («вверх по лестнице, ведущей вниз»?) / Zaytseva N.G. Vepsian Literature as an Aspiration to the Revival of the People (“Up the Stairs Leading Down”?)	433
Нуртдинова Г.М., Тахтарова С.С., Хабибуллина Э.К. Татарское литературное наследие в аспекте перевода / Nurtdnova G.M., Tahtarova S.S., Khabibullina E.K. Heritage of Tatar Literature from the Aspect of Translation	442
Баранникова Т.Б., Сулейманова Ф.Н. Стилистический контраст в организации художественных текстов в аспекте перевода: на материале лезгинского и русского языков / Barannikova T.B., Suleymanova F.N. Stylistic Contrast in the Organization of Literary Texts in the Aspect of Translation: Based on the Material of the Lezghin and Russian Languages	451
Бурцева А.А., Собакина И.В. Трудности при переводе клише официально-делового стиля с русского языка на якутский / Burtseva A.A., Sobakina I.V. The Cliché of the Official Business Style and its Transfer from Russian into the Yakut Language	460
Маркова Е.А. Поэзия Луизы Глик в переводе Екатерины Дайс: на материале стихотворения «Страница Персефона» из поэтического сборника «Аверно» / Markova E.A. Poetry by Louise Glück, Translated by Ekaterina Dies: “Wanderer Persephone” from the Poetry Collection “Averno”	468

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4-332-346

Редакционная статья

Сорок сороков языков — и одна страна: перевод как средство коммуникации народов России

И.С. Алексеева

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48
✉ i.s.alexeeva@gmail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблематика, исторический и культурный опыт в сфере поддержания и развития языков народов России через перевод, дается краткий ретроспективный обзор их поликультурного сосуществования, намечаются пути решения назревших проблем. Описаны модели реконструкции утраченного текстового наследия и стратегии перевода текстов малочисленных народов, а также модели системного поддержания качества перевода с языков народов России на русский язык. Подчеркивается важность русского языка как культурного посредника. Особое место уделено проблеме создания практико-ориентированных частных теорий перевода, усвоивших мировой транслатологический опыт и учитывающих специфику и средства сохранения в переводе этноцентрированного мышления. Статья является вводной к материалам номера.

Ключевые слова: языки малочисленных народов России, формирование национальных литератур, перевод через подстрочник, билингвальная среда, русский язык, литературный трилингвизм, практико-ориентированные частные теории перевода

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 26.07.2021

Дата принятия к печати: 26.09.2021

Модератор: У.М. Бахтикиева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Алексеева И.С. Сорок сороков языков — и одна страна: перевод как средство коммуникации народов России. 2021. Т. 18. № 4. С. 332–346. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4-332-346

© Алексеева И.С., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

A Multitude of Languages — and One Country: Building up Communication among the Peoples of Russia through Translation

I.S. Alexeeva

Herzen State Pedagogical University of Russia,
48, Moika River Embk, St. Petersburg, 191186, Russian Federation

✉ i.s.alexeeva@gmail.ru

Abstract. The article gives a survey of the problematics, historic and cultural practice of maintaining and developing the ethnic languages of Russia through translation; it retrospectively describes the history of polycultural co-existence (including the unified method of presentation for children's folk lore in S. Marshak's version) and outlines the ways of dealing with today's urgent problems of preserving ethnic language. The article describes the models of reconstructing the lost texts and the strategies of translating the texts of small ethnic groups, as well as the models of maintaining the quality of translation from Russia's ethnic languages into Russian. We especially stress the importance of the Russian language in its role of the cultural mediator. The article pays due attention to the need to develop specific practice-oriented theories of translation which would embrace the global experience in translatology and take into account the specificity of ethno-centric mentality and the ways to keep it in translation. The article is an introduction to the following materials in the volume.

Key words: languages of Russia's small peoples, formation of the national literatures, translation word for word, bilingual environment, the Russian language, literary tri-lingualism, specific practice-oriented translation theories

Article history:

Received: 26.07.2021

Accepted: 26.09.2021

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Alexeeva, I.S. "A Multitude of Languages — and One Country: Building up Communication among the Peoples of Russia through Translation". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (4), 332—346. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4-332-346

Специальный выпуск журнала «Полилингвильность и транскультурные практики» посвящен различным аспектам перевода с языков коренных народов России на русский язык, который является связующим «коммуникативным звеном» между гетерогенными по своему этно- и лингвосоставу сообществами, каждое из которых обладает собственной аутентичной спецификой. Тематическое единство номера обусловило отказ от привычной рубрикации содержания. Мы не ставили целью распределить статьи наших авторов по ключевым для журнала направлениям, так как исследования включают весьма разнородный

репрезентативный материал: литературный, культурологический, исторический и стилистический, нередко представленный в органичной комбинаторике. Отсюда — композиционное единство номера без классической сегментации. Наши авторы — представители и медиаторы различных этносов и их лингвокультур: аварской и якутской, тувинской и бурятской, вепсской, лезгинской, татарской. Языковое многообразие Дальнего Востока и коренных народов Сибири также стало объектом специального рассмотрения авторами настоящего номера, которые размышляют о том, возможно ли передать этнокультурное содержание средствами другого языка, какие проблемы возникают в процессе перевода и как их безболезненно решить.

Многоязычие в России создает неповторимый спектр картин мира, включает калейдоскоп культурных сценариев, позволяет взглянуть на мир с разных точек зрения и создает благоприятную атмосферу для его познания. Поэтому ни один язык нельзя потерять. Средоточием культуры народа является язык, самым эффективным средством сохранения культуры оказывается перевод, именно он позволяет культуре выйти во внешний мир, и прежде всего — перевод художественных произведений, отражающих душу народа. Таким образом, перевод — дело общечеловеческое.

Вместе с тем сохранение языка есть реализация конституционного права каждого народа на пользование своим языком, так что с этой точки зрения перевод как инструмент сохранения языков является делом общегосударственным.

Диалог с народами России сегодня активизировался и идет одновременно на множестве очных и виртуальных площадок [1]. Причина этого — гуманизация человечества, замена недоверия — доверием, конкуренции — сотрудничеством, территориального мышления — гуманистическим мышлением с антропологической доминантой.

Диалог, который мы начинаем на страницах этого номера нашего журнала, призван также выявить сложности и проблемы на пути гармонизации нашего сосуществования, обеспечить стремление к взаимопомощи четкими научными представлениями о стратегиях преодоления конфликтов и «слабых мест» — тех, которые запечатлены в языке и выявляются при переводе на другой язык.

Разумеется, мы только начинаем разговор, и за один раз невозможно обсудить все насущное и дать слово каждому народу.

Но — лиха беда начало.

От исторической ретроспективы — к концептуальной матрице

История поликультурного и многоязычного сосуществования российских народов уводит нас в незапамятные времена. Сегодня пестрая, подвижная карта поликультурности обогащается прежде всего за счет миграции. Каждый народ — это не только сложная картина культурного своеобразия, но и — что принципиально важно для развития мира — свой, особый алгоритм мышления и жизненных стратегий.

О чем же мы прежде всего задумываемся, оглядываясь назад, на наш поликультурный опыт? Соберем воедино некоторые основные сведения.

Записывать, обрабатывать и переводить тексты на языках народов России начали массово в XIX веке. До сих пор множество непереуведенных текстов хранит-

ся в архивах РАН. При этом в качестве научного аналитического метода широко использовался подстрочный перевод. Так перевод изначально становится базовым инструментом межкультурной коммуникации, в основном — в закрытых научных сообществах.

Для выхода к широкому читателю на протяжении всего XX века использовалась обработка подстрочника. Наиболее широко она стала применяться в советский период, прежде всего при создании произведений детской литературы, к которым относился и фольклор — как прозаический (сказки), так и поэтический (песни, загадки, эпосы, былины). Здесь утвердился, таким образом, двухступенчатый перевод с созданием промежуточного вторичного текста (Т1 — Т2 — Т3). Главным центром его формирования следует признать редакцию детской литературы Гослитиздата под руководством С.Я. Маршака в Ленинграде (см.: Автобиография Маршака: <http://chtoby-pomnili.net/page.php?id=674>) в 20—30 гг. XX в. на обработке мирового фольклора и адаптации взрослых книг для детей [3—5]. Здесь мы обнаруживаем следующие признаки:

- особый язык и особая техника передачи прозаического фольклора, ориентированные на детское восприятие;
- ослабленная этнографичность;
- снятие религиозных наслоений;
- уход в фантастический мир прошлого;
- трансляция вечных ценностей, наднациональных представлений о добре и зле.

Тексты маршаковской редакции — сокровищница устаревшей русской речи (сказовый порядок слов, интонационный рисунок сказочной фразы, историческая и национальная экзотичность реалий, богатый словарь архаичного просторечия) [2. С. 95—148].

Именно так выглядят сборники сказок и сказаний народов России последующих десятилетий: «Ненецкие сказки» (1954) — сборник-билингва, собрала и перевела на русский язык Н. Терещенко, пересказала З. Задунайская [6]; «Журавлиное перо. Сказки народов Крайнего Севера» (1968) — Н. Гессе, З. Задунайская [7]; «Калевала. Карело-финский эпос» (1975) — перевод Л. Бельского, обработка С. Хмельницкого, пересказ для детей А. Любарской [8]; «Огонь-камень. Сказки народов Тюменского Севера» (1981) — пересказ Н. Гессе, З. Задунайской [9] и др.

Итак, обработка фольклора народов России в этот период (20—80-е годы XX века) привела к созданию литературы для детей, которая погружала читателей в волшебный мир эпических героев, мир очень древних культур, далекий от современности и лишь в малой степени помогающий решать ее проблемы. Национальные черты передавались в декоративном, сглаженном виде, что, в сущности, облегчало контакты между народами, но не отражало реальных проблем и различий национальных культур — и опять-таки создавало иллюзию сходства, нивелирования различий. Основным назначением такой сказки была трансляция вечных ценностей, наднациональных представлений о добре и зле. Таким образом, маршаковская детская сказка, упрощаясь, лишаясь религиозных, познавательных, этнографических национальных черт, сближается по своему назначению с притчей. А идея притчи, напомним, не национальная, а интернациональная.

Обработка по подстрочнику становится практически основным методом при переводе произведений народов России на русский язык. Современные исследования отчетливо показывают самый главный недостаток этого метода в лингвокультурном аспекте: обработчик совершает ошибки при передаче реалий культуры, в том числе ситуативных, как это показывает анализ перевода книги Р. Гамзатова с аварского языка в обработке В. Солоухина (статья **З.М. Маллаевой** и др.). Поскольку имя «подстрочника» традиционно никогда не упоминалось, исследователи ошибочно принимают В. Солоухина за переводчика. На самом деле в таких случаях задействованы три человека и возникает два вторичных текста (Т2подстрочник и Т3обработка). Ошибки и неточности в передаче культурных реалий множатся, если переводной текст становится «пилотным» для переводов на другие языки, и в данном случае это именно так.

Если же не сосредоточиваться на методах перевода, а рассмотреть контакты культур в их становлении и в комплексе, как это делает в своей статье **А.А. Васильева**, то обнаружатся важные катализаторы культурного развития; их специфика поучительна: ведь если они сработали в русско-якутских связях, то их можно транспонировать и на другие культурные пары. Среди этих катализаторов выделяется национальный театр, а также переводчики — культурные пропагандисты, которые планомерно насыщали родную литературу переводными произведениями. Это способствовало выработке жанров якутской литературы, поскольку перед глазами были лучшие образцы. Так, классик якутской литературы XX века Тимофей Сметанин владеет жанрами стихотворной лирики и поэмы, короткого рассказа, повести, художественной публицистики, пишет и произведения для детей. Ценно, если при этом народ может предложить свой особенный жанр, который становится доминантным при формировании культурной картины. Для якутской литературы это жанр устного сказительства — олонхо; в Якутии сформировалась своя школа перевода олонхо на русский и английский языки. Ее богатый опыт может также быть использован другими народами при переводе своих произведений эпического характера.

К ретроспективному эссе А.А. Васильевой об истории перевода в Якутии примыкает обзор **М.В. Осиповой**, посвященный проблемам сохранения текстового наследия малочисленных народов Дальнего Востока. Описывая богатую историю сбора фольклора и преданий малочисленных народов, автор подчеркивает роль священнослужителей в формировании письменной культуры этих народов, а также роль ссыльных в изучении языков малочисленных народов, сборе и записи текстов, разработке алфавитов. Постепенно начинают разграничиваться пословный перевод как метод изучения текста и литературный перевод, несущий также и эстетическую функцию.

В контексте становления литератур малочисленных народов Дальнего Востока еще раз и очень специфическим образом всплывает имя С.Я. Маршака. Как известно, Маршак в 20—30-е годы был активным сторонником коллективного перевода; так, до сих пор популярны произведения для детей, написанные им совместно с Даниилом Хармсом («Тридцать четыре веселых чижа» и др.). По данным Осиповой, кропотливо исследующей различные пути обретения текстом художественного звучания, основоположник юкагирской литературы Тэки Одулок вместе с Маршаком пишет повесть «Жизнь Имтеургина Старшего» (1934).

В целом же формированию литераторов из числа коренных народов в советское время уделяется серьезное внимание, в частности, на это были направлены усилия Института народов Севера при РГПУ им. А.И. Герцена, и это было мощным средством сохранения языка.

Подытоживая ретроспективную часть, мы видим, что накоплен богатый опыт взаимодействия языков и культур народов России, пройдено много драматических страниц, и сегодня предстоит серьезное осмысление этого богатства, чтобы успешно двигаться дальше. Ряд материалов данного номера посвящен научному осмыслению исторического опыта на базе достижений современных гуманитарных наук.

Говоря о сохранении языков и культур коренных народов Сибири, **Ю.Е. Валькова** и **В.А. Разумовская** выдвигают идею необходимости обеспечения культурной памяти каждого народа этнотекстами и намечают пути сохранения культурного своеобразия коренных народов через перевод на русский язык, подчеркивая ценность совместной и равноправной деятельности ученых, переводчиков и носителей языка. Важна также ориентация на успешный опыт работы с собственной культурой в билингвальном сообществе, и здесь в качестве маяка выступает Якутия, где ведется не только работа с продвижением своих этнотекстов (олонхо), но развиваются двуязычные СМИ, на весь мир гремит якутское кино и т.п. Красочные примеры на материале селькупского, энского, эвенкийского языков с участием Томского и Сибирского федеральных университетов убеждают нас в продуктивности этого пути.

На фоне предметного разговора о методах и путях спасения языков коренных малочисленных народов России особенно рельефно выделяются проблемы языков более крупных, таких как татарский язык (статья **Г.М. Нуртдиновой**, **С.С. Тахтаровой**, **Э.К. Хабибуллиной** и др.). Развитие татарской литературы со своей уникальной стилистикой, жанровой структурой и содержательными доминантами будет осуществляться по четырем направлениям: обогащение через перевод с языков мира (а он часто осуществляется через подстрочник, и эту сторону литературного трилингвизма необходимо подробно изучить с точки зрения культурной интерференции и транслатологических техник); переводы на русский язык; популяризация в мире и переводы на разные языки мира; переводы на другие языки народов России.

Поскольку сегодня культурная работа и забота о сохранении языка в значительной степени смещается в регионы и инициатива проектов исходит от самих представителей региональных культур и ими же осуществляется, настало время задуматься о ситуации культурного трансфера, который осуществляют «натуральные билингвы». На примере тувинских концептов культуры этот вопрос обсуждают **Ш.Ю. Кужугет**, **Н.Д. Сувандии** и **Ч.К. Ламажаа**, привлекая редко обсуждаемый материал — научный культурологический текст и его перевод. Очевидная, казалось бы, идея привлечения для перевода переводчиков-билингвов, а также литературных обработчиков-билингвов не избавляет от ошибок именно в сфере передачи культурной специфики. Авторы статьи связывают это с наличием у билингвов доминантного языка и недостаточной предварительной компетентностью, причем не только в сфере культуры, продолжим мы мысль авторов, но и в сфере теории и практики перевода. Авторы справедливо говорят о необходимости

формирования переводческой рефлексии, которая позволит прогнозировать возможные ошибки.

Кстати, необходимость транслатологических обобщений напрашивается при любом ракурсе контрастивного или системного сопоставления оригинала и перевода, и тогда стилистический контраст, неизбежно сопровождающий перевод (например, в статье Т.Б. Баранниковой, Ф.Н. Сулеймановой о лезгинско-русских соответствиях), логично встроится в частную русскую теорию перевода и появится база для принятия решений в пользу приемов перевода, обеспечивающих эквивалентность передачи подлинника и адекватность его восприятия в другой культуре.

Наконец, статья крупного специалиста по психолингвистическим основам перевода — **П.П. Дашинимаевой** — представляет собой пример соединения учета культурных традиций, их транслатологического осмысления, использования в современной практике художественного перевода. Автор ставит вопрос о дидактическом применении результатов своего исследования. Речь идет о трехступенчатом эксперименте осознания разными поколениями бурят своей культуры. Задача идентификации этноцентрированного мышления автора на этапе предпереводческих действий и затем выработка способов его репрезентации — это не только углубление наших представлений о культурном трансфере, но и обеспечение в дальнейшем повышения качества перевода, которое необходимо передать будущим переводчикам. Эти соображения имеют и философский аспект — необходимость минимализации вариативности аксиологической картины мира.

Серьезной проблеме сохранения наследия одного из младописьменных языков России, помещенных в Красную книгу языков народов России, — вепского посвящена статья **Н.Г. Зайцевой**, которая затрагивает вопросы ревитализации эритажной культуры этноса и ретрансляции ее важнейших кодов в русских переводах. Несмотря на то, что численность вепского этноса ограничена, в его литературе продолжают появляться новые поэтические имена. В творчестве Ольги Жуковой, Алевтины Андреевой, Валентины Лебедевой, Нины Зайцевой просматривается тенденция к проявлению резистентности к внешним обстоятельствам, связанным с глобализацией: авторы стремятся сохранить и индивидуально-этническую, и культурную аутентичность и познакомить с собственными образами мира представителей других культур, в частности, через перевод.

Преодоление трудностей при переводе с лезгинского языка на русский — проблематика статьи **Т.Б. Баранниковой** и **Ф.Н. Сулеймановой**, которая ориентирована на практическое использование полученных результатов и может быть использована как руководство, в котором учитываются стилистические, культурологические и философские пресуппозиции исходного языка, необходимые переводчику на русский для адекватной передачи смыслов.

Сложной проблеме перевода клише официально-делового стиля с русского языка на якутский посвящена статья **А.А. Бурцевой** и **И.А. Собакиной**. На примере практического кейса авторы демонстрируют, как достигнуть точности перевода документов, играющих важную роль в жизни общества.

За пределами основной проблематики номера — статья **Е.А. Марковой**, посвященная переводу поэзии Нобелевского лауреата Луизы Глик на русский язык. Тем не менее она представляет ценность как с точки зрения художественного

«соизмерения» двух разных систем стихосложения при переводе, так и с точки зрения богатого ознакомительного материала с поэзией одного из самобытных поэтов мировой литературы.

Все включенные в тематический номер статьи — концептуальные элементы единой матрицы, о которой нам хотелось бы рассказать подробнее.

Концептуальная матрица моделей и средств поддержания и развития языков и литератур народов России включает целый ряд алгоритмов. Представим некоторые из них.

Нами и нашими коллегами (А.В. Бояркиной, В.В. Кабакчи, А.М. Антоновой) разработаны модели интерактивной поддержки, необходимые в таких случаях [10]. В целом, они сводятся к двум типам:

— интерактивная модель поддержки языков народов России через перевод на русский язык в вариантах А и Б под названием «Корни крепят крону» (ККК-модель);

— интерактивная модель иноязычного описания культур народов России также в вариантах А (внутренняя) и Б (внешняя) — «Интерлингвокультурологическая модель» (ИЛК-модель).

Интерактивная модель «Корни крепят крону» (ККК-модель)

Комплексная интерактивная модель поддержки языков и культур коренных народов «Корни крепят крону», основой которой является перевод на русский язык, разработана и апробирована в РАО и может быть использована для сохранения языков и культур народов России. Она основывается на совместных, солидарных усилиях специалистов из региона и авторов и нацелена на создание стабильной саморазвивающейся системы перевода текстов с коренного языка на русский, механизма подготовки переводческих кадров и является реализацией концепции внутривосударственного перевода, гармонизирующей ситуацию с языками Российской Федерации.

Описание модели

Интерактивная модель включает в себя шесть аспектов и четыре этапа реализации.

Первый, аналитический, аспект содержит: 1) сбор банка данных о словесных проявлениях культуры региона; 2) создание аналитической справки «Словесная культура языка региона России» (учебники, обучающие программы, переводы во всех парах языков, перечень печатных изданий, наличие и перечень передач электронных СМИ и т.п.); 3) выработка рекомендаций по продвижению словесной культуры в данном регионе.

Второй, научно-методический, аспект предполагает следующие мероприятия: 1) разработка концепции лекционных и практических занятий, а также мастер-классов, включающих практический тренинг русского языка; 2) подготовка вышеупомянутых очных мероприятий; 3) разработка и написание модельного интерактивного учебного пособия для данного региона; 4) написание сопроводительного материала к будущей антологии региональной литературы на русском языке (ретроспективный обзор истории перевода в регионе; вступительная статья к подготовленной антологии).

Третий аспект, организационно-отборочный, включает: 1) поиск базы для проведения мероприятий (университеты, колледжи, библиотеки, культурные центры); 2) формирование активного ядра взаимодействия в регионе, включающего преподавателей, студентов, библиотекарей, поэтов, политических деятелей, способных к взаимодействию и стремящихся укреплять свою культуру; 3) формирование редколлекции, которая отбирает литературные и фольклорные тексты для включения в антологию региональной литературы; 4) обучение потенциальных переводчиков с целью создания русской версии этнокультурных текстов.

Четвертый аспект, критико-аналитический, требует высокой филологической квалификации и осуществляется специалистами РАО, которые при необходимости привлекают внешних переводчиков и редакторов. Этот аспект предполагает: 1) оценку художественной, текстонормативной и стилистической специфики оригинала; 2) оценку достоинств, недостатков и потенциала первой версии перевода; 3) выполнение редакторской правки переводов на всех этапах подготовки их к печати; 4) определение необходимости и объема комментирования переведенных текстов; 5) принятие решений о включении текстов в окончательную версию антологии.

Для оценки некоторых аспектов подлинника привлекаются носители языка. Обработка текстов в рамках данного аспекта ведется на всех этапах реализации модели и служит надежным средством совершенствования и контроля качества переводной национальной литературы.

Пятый аспект, практический, делится на два модуля: очный и дистанционный. Очный реализуется в самом регионе и, в зависимости от поставленных задач и успеха их решения, может предполагать проведение одного (вариант А) или двух (вариант Б) трех-, пятидневных очных установочных семинара по теории и практике перевода с регионального языка РФ на русский язык в регионе. После этого в течение ближайших 2—6 месяцев проводится дистанционный модуль в виде 5—6 двух-, трехчасовых вебинаров с двумя активными площадками (одна — в РАО, вторая — в регионе), в ходе которых подвергаются обсуждению и редактированию до 300 страниц переведенного текста, обсуждаются реалии и вырабатывается единая форма иллюстрированного комментария культурных феноменов. Возможные при реализации данного аспекта мастер-классы по синхронному переводу с регионального языка являются факультативными и имеют своей целью мобилизацию местной активности в формировании переводческих кадров.

Шестой аспект, издательский, предполагает издательскую подготовку рукописи-билингва, ее издание в крупном издательстве, а также размещение фрагментов подготовленной книги на странице данного региона на Всероссийском портале образовательных ресурсов в сфере перевода, который открыт в РАО.

Каждый из четырех этапов реализации данной модели включает несколько описанных аспектов.

Первый этап — подготовительный, предусматривает все мероприятия аналитического аспекта, научно-методическую работу по подготовке занятий и пособия (часть 1), все организационно-отборочные мероприятия и, наконец, первичный критико-редакционный анализ первой версии переводов (в дистанционном режиме).

Второй этап — очный — реализация очного практического модуля, критический анализ и подготовка предварительной версии будущего подробного описания культурных реалий.

Третий этап — дистанционный — повышение квалификации региональных переводчиков, завершение работы по составлению антологии региональной литературы, изданию.

Четвертый этап — завершающий — доработка сопроводительного научного аппарата будущей антологии, заключительное внесение правки (третья редакция), публикация книги-билингва и выработка рекомендаций по дальнейшему развитию и укреплению региональной словесной культуры.

Эффективность модели 1

Реализация модели 1 позволяет за 1—2 года:

- наладить процесс сохранения текстов на языке коренных народов;
- с помощью идеологии «билингва» (двуязычные тексты) ознакомить жителей России с данным языком;
- наладить непрерывный мониторинг ситуации через портал;
- обучить переводчиков на местах, которые в свою очередь передадут навыки сохранения своих текстов через перевод следующим поколениям.

Данная модель апробирована в пяти регионах: Якутии, Бурятии, Чувашии, на Дальнем Востоке (Хабаровск), в Туве, с ней ознакомлены коллеги еще из двух регионов — Татарии, Башкирии.

Пример: особый случай реализации

Для литературы народов Хабаровского края была применена в 2019 году модель «Корни крепят крону». Жанровый состав литературы имел свои особенности: текстовый состав был представлен в основном стихами, сказками и мемуарной литературой. Несколько иным был и состав участников: среди 47 представителей восьми народов Хабаровского края преобладали так называемые аутенты, т.е. носители языка, приехавшие из дальних поселков и стойбищ, в том числе авторы или их родственники. Вот здесь и крылось основное своеобразие: зачастую оказывалось, что авторы сами переводили свои произведения на русский язык или, наоборот, писали изначально по-русски, а затем создавали версию на своем родном языке.

При этом можно констатировать, что авторы, несмотря на некоторую свободу в обращении с собственным текстом при переводе, — самые надежные переводчики. Видимо, тот уровень билингвизма, которым они обладают, позволяет им на двух языках и в двух культурах находить средства передачи всего художественного своеобозия своего творения.

Довольно часто авторские тексты обрабатываются другими носителями того же языка. Мы не владем полными данными о том, где обучались эти обработчики, но те изменения, которые они вносят в текст при обработке, обнаруживают сходство с унифицированной обработкой маршаковской редакции. Отмечены следующие черты:

- изменение стиля на более высокий, что придает языческому сюжету неуместный библейский оттенок: *коты, наши меньшие помощники и друзья / коты — братья наши меньшие*¹;

¹ Примеры приводятся по рукописи: Ангина (Лю) Н.Т. Ульчские сказки. Литературная обработка текста: Одзял Марина Андусовна.

— добавление оборотов речи из русской сказки: *Так они и жили сыновей растили;*
— опущение описательных компонентов, передающих психологизм повествования и не свойственных русской сказке и пр.: *Только сердце девичье еще пока молчало и не выделяло никого из них. / Только никто ей не нравился;*

— замена конкретных терминов быта на условные: *прилег на топчан / лег у очага.*

Вместе с тем все те немногие тексты, которые написаны или записаны со слов представителей народов Хабаровского края, настолько самобытны, что унификация здесь мешает видеть их уникальное очарование. Таким образом, примененная для сохранения текстового богатства этих народов интерактивная модель «Корни крепят крону» нуждается в дополнительном контроле на завершающих этапах издания текстов, но не для литературной обработки в духе народной сказки XX века, а с единственной целью — не дать пропасть уникальным несовершенствам подлинного народного сказа и подлинного авторского голоса. С этой точки зрения, возможно, стоит сохранять оригинальные обороты речи, которые на первый взгляд кажутся нарушением литературной нормы русского языка, например: *ведь в нем кипела нанайская, дерсуузаловская кровь* и пр.

Интерлингвокультурологическая модель (ИЛК-модель)

Интерактивная ИЛК-модель, т.е. модель иноязычного описания культур народов России также в вариантах А (внутренняя) и Б (внешняя) основывается на теории крупного ученого-лингвиста проф. В.В. Кабакчи [11; 12] и предполагает стройную систему описания, продвижения российских региональных культур как внутри страны (вариант А), так и во всем мире (вариант Б) с подвижным алгоритмом.

Описание модели

Модель представляет собой единую систему передачи компонентов культуры с иностранного языка на родной и наоборот и создание тем самым образа-проводника, образа-бренда, пропагандирующего культуру данного народа. Отправной точкой в модели В.В. Кабакчи служит описание русской культуры по-английски, которое осваивается как алгоритм и может быть перенесено на любую пару языков; для нашей страны здесь на первом месте пары языков русский-якутский, русский-бурятский, русский-тувинский.

Данная интерактивная модель включает в себя пять аспектов: научно-аналитический, научно-методический, организационно-отборочный, игровой (практический) и издательский, и четыре этапа реализации. Среди аспектов подробнее отметим только игровой, поскольку для него разработаны три конкурса: «Молодые Набоковы», «Молодые Айтматовы» и «Россия читает Россию» (последний — в стадии рассмотрения разработанной концепции, остальные — реализованы), а также игра для пропагандистов культуры: «ИЛК-Что?-Где?-Когда?».

Внедрение ИЛК-модели имеет несколько иную последовательность, поскольку в основе лежит не прецедентная схема прикладного характера, как в случае с ККК-моделью, а стройная авторская теория. Поэтому она внедряется по принципу концентрических сгущений, создавая все более устойчивую среду подготовки пропагандистов российской культуры. Таким образом, параллельно осуществляются работы в рамках первого, научно-аналитического, аспекта, который

сомкнут с пятым, издательским, и в рамках второго—четвертого аспектов (научно-методического, организационно-отборочного, игрового), где доминируют практико-прикладные цели.

Эффективность модели 2

ИЛК-модель в варианте А позволяет готовить пропагандистов русской культуры в среде региональных языков народов России (что немаловажно, так как стереотипы относительно русской культуры тоже следует преодолевать), а также пропагандистов региональных культур в русскоязычной среде; в дальней перспективе — подготовка «перекрестных» специалистов, которые смогут, например, по-бурятски рассказывать о тувинской культуре, и наоборот.

ИЛК-модель в варианте Б вполне успешно справляется с подготовкой грамотных пропагандистов-трансляторов российских культур в мировое пространство.

Завершая обзор, отметим, что обе модели (ККК и ИЛК) предназначены для широких групп населения и предполагают как профессиональную, так и волонтерскую деятельность.

Модели реконструкции

Помимо моделей, ориентированных на перевод и креативное словесное творчество вторичного характера, существуют также попытки реконструкции утраченных текстовых произведений коренных народов на основании сохранившихся фрагментов или же на основании косвенных следов в этнической памяти и текстов в третьих культурах.

Именно таким случаем является научная реконструкция вепсского эпоса «Вирантаназ» («Virantanaz» / рус. «Земля Вира») на основе вепсских причитаний и другого лингвистического материала, который выполнила сотрудница ИЯЛИ КарНЦ РАН в Петрозаводске Н.Г. Зайцева, создав самый крупный на сегодня связный текст на вепском языке, который близок к вымиранию, и зафиксировав, таким образом, его культурный след [13]. Знаменательно, что этот текст сразу начал восприниматься как факт вепсской культуры, и в этом качестве уже дважды переведен на эстонский язык, а также на русский, финский и французский языки. Следуя обычаям бытования и сохранения языков малочисленных народов, Н.Г. Зайцева наращивает объем вепсских повседневных библейских текстов (псалмы и пр.), а также эпосов родственных народов: в данном случае это перевод «Калевалы». Отметим, что реконструкция потребовалась не в последнюю очередь в связи с тем, что в течение долгого, более чем полувекового периода (1938—1989 годы) вепсы жили без письменности и их язык не поддерживался; возрождение письменности произошло в 1989 году. Радостно, что все эти уникальные факты становятся известны читателю благодаря публикации в этом номере.

Второй случай — это восстановление айнского эпоса «Песнь божества филина», выполненное этнографом, сотрудницей РАН из Хабаровска М.В. Осиповой [14] и сделанное с опорой на английский перевод [15]. Здесь мы сталкиваемся с любопытным культурным феноменом трилингвизма, когда сохранение текстового достояния проходит через язык-посредник, активно содействующий такому сохранению. Процессы культурной и филологической адаптации, тройной куль-

турной интерференции практически не изучены, хотя иногда это единственный путь сохранения культурного наследия какого-либо народа. В данном случае тексты народа айнов не записаны на русском языке, но существуют на английском и айновском языках; здесь было использовано авторское изложение эпоса Тири Юкиэ (Chiri Yukie 1903—1922).

* * *

Обзор проблем и трудностей на пути жизни и развития перевода с языков и на языки народов России выявил широкий диапазон возможностей, которые современность предлагает нам рассматривать как матрицу моделей, методов и технологий, позволяющую выбрать наиболее эффективный метод для каждого региона и для конкретного состояния языка.

Здесь возможны разные пути в зависимости от конкретной ситуации. В России есть крупные языки, такие, как татарский, где роль регионального языка поддерживается на всех уровнях, где много носителей языка, где своя сильная литература с развитой жанровой системой и где стоит обсуждать прежде всего проблемы качественного роста переводов и перспективу возможного выхода на мирового читателя. Модель просветительской поддержки и регионального равноправия — вот ориентир для таких языков.

И есть коренные языки малочисленных народов России, где речь идет о выживании самого языка. Носителей таких языков становится все меньше; особенно стремительно они теряют язык, когда перестают вести традиционный образ жизни. Жизнь в городах, в том числе обучение в интернатах вдали от дома постепенно заставляют носителей коренных языков отказываться от языка предков в пользу русского языка, так что языки малочисленные нуждаются в скорой — в том числе и всенародной — помощи. Перевод с этих языков (и на них), по видимому, еще очень долго будет обходиться одними только человеческими усилиями, без помощи искусственного интеллекта, тогда как крупные языки скоро будут обеспечены интеллектуальным (нейронным) переводом в большинстве необходимых сфер применения. Дело в том, что машинный перевод возможен только тогда, когда для каждого языка можно собрать обширные базы больших данных, а с языками малочисленных народов это в принципе сделать невозможно: на них произведено очень мало текстов.

Так, для находящихся в опасности языков народов Хабаровского края, Сибири, Камчатки необходимы срочные меры по записи устного наследия, восстановлению утраченной письменности (в случае, если она утрачена) и перевод текстов на русский язык и другие крупные языки мира.

Концептуальная матрица, включающая широкое разнообразие методов и средств культурного развития, позволяет каждому народу выработать свой маршрут — но обеспечен этот маршрут искренней помощью соседей по территории, дружественных народов.

В ходе этого процесса выявляются наиболее насущные задачи на будущее:

- изучить собранные архивные тексты народов России и перевести их на русский язык;
- начать широкомасштабное изучение литературной вторичности (перевод через подстрочник с обработкой);

— начать комплекс исследований литературного трилингвизма (переводы мировых шедевров на языки народов России через русский язык-посредник) и его роли в формировании национальных литератур;

— наладить обмен опытом, накопленный национальными школами перевода (Якутия);

— изучить специфику совместного творчества в процессе становления жанров национальных литератур;

— содействовать переводу с одного регионального языка на другой;

— разработать концепции частных теорий перевода для языков народов России.

Участники диалога культур, открываемого в этом номере, единодушны в одном: пришло время создания теории перевода с ориентацией на конкретные регионы России, с их природным билингвизмом и трилингвальным опытом освоения текстовой культуры человечества. Задача эта очень непростая. Самое существенное концептуальное изменение должно быть связано с выработкой концепции эквивалентности и расширением диапазона адекватных версий, рассчитанных на конкретных реципиентов. Серьезные коррективы ждут также раздел транслатологии текста, поскольку в каждом регионе свое жанровое разнообразие текстов, так, необычайно важную роль приобретает опыт синхронного театрального перевода, который еще ждет своих исследователей. А сформированная частная теория перевода поможет создать регионально адаптированные версии дидактической модели и обеспечить качественную подготовку переводчиков на местах, ведь практико-ориентированный вектор позволит неразрывно увязывать теорию, методику и практику.

Список литературы

1. Язык Севера // Материалы Всероссийской научной конференции. 18 марта 2020 г. М.: Политическая энциклопедия, 2020.
2. Алексеева И.С. Перевод литературы коренных малочисленных народов Севера // Человек Севера в поликультурном и переводческом пространстве: творческое наследие Анны Неркаги: монография. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2021.
3. Литературный Санкт-Петербург. XX век: энциклопедический словарь. В 3 т. Т. 1. СПб., 2015.
4. Любарская А.И. За гранью прошлых дней: заметки о Маршаке и его редакции // Нева. 1995. № 2. С. 162—171.
5. Любарская А.И. Он между нами жил // Детская литература. 1987. № 10. С. 15—21.
6. Ненецкие сказки. М.; Л., 1954.
7. Журавлиное перо. Сказки народов Крайнего Севера. М.; Л., 1968.
8. Калевала. Карело-финский эпос. Л.: Детская литература, 1975.
9. Огонь-камень. Сказки народов Тюменского Севера. М.; Л., 1981.
10. Alexeeva I.S., Antonova A.M., Kabakchi V.V. Foreword. Multilingualism: Fair Play // Multilingualism and Russia's Ethnic Cultures Through English, French, German, Russian and Other Languages: сб. статей. СПб., 2018. С. 5—9.
11. Кабакчи В.В. Англоязычное описание русской культуры. Russian Culture Through English: учеб. пособие для студ. высш. учебн. заведений. М.: Академия, 2009.
12. Кабакчи В.В., Белоглазова Е.В. Введение в интерлингвокультурологию. СПб., 2012.
13. Zaiceva N. Virantanaz: [vepsläine epos]: lapsile / Nina Zaiceva; [toim. Markku Nieminen; kuv. Irina Sotnikova]. Kuhmo: Juminkeko, 2012.
14. Philippi D.L. Song of the Owl God // Songs of Gods, Songs of Humans. The Epic Tradition of the Ainu. Tokyo: University of Tokyo Press, 1979. Pp. 137—148.

15. *Ма*. Антология-билингва словесного творчества коренных малочисленных народов Хабаровского края / сост. И.С. Алексеева, М.В. Осипова. (В печати)

References

1. Yazyk Severa. Conference Proceedings. Moscow, March, 18, 2020. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya publ., 2020. Print. (In Russ.)
2. Alekseeva, I.S. 2021. "Perevod literatury korennykh malochislennykh narodov Severa". In *Chelovek Severa v polikul'turnom i perevodcheskom prostranstve: tvorcheskoe nasledie Anny Nerkagi: monografiya*. Tyumen': Tyumen University publ. Print. (In Russ.)
3. *Literaturnyi Sankt-Peterburg. XX vek: entsiklopedicheskii slovar'*. V 3 t. 2015. Vol. 1. Saint Petersburg. Print. (In Russ.)
4. Lyubarskaya, A.I. 1995. "Za gran'yu proshlykh dnei: zametki o Marshake i ego redaktsii". *Neva* 2: 162—171. Print. (In Russ.)
5. Lyubarskaya, A.I. 1987. "On mezhdru nami zhil". *Detskaya literatura* 10: 15—21. Print. (In Russ.)
6. *Nenetskie skazki*. 1954. GUPI Minprosveshcheniya RSFSR, Moscow-Leningrad. Print. (In Russ.)
7. *Zhuravlinoe pero*. 1968. *Skazki narodov Krainego Severa*. Moscow-Leningrad. Print. (In Russ.)
8. Kalevala. Karelo-finskii epos. 1975. Leningrad: Detskaya literatura publ. Print. (In Russ.)
9. *Ogon'-kamen'*. 1981. *Skazki narodov Tyumenskogo Severa*. Moscow-Leningrad. Print. (In Russ.)
10. Alekseeva, I.S., Antonova A.M., Kabakchi V.V. 2018. "Foreword. Multilingualism: Fair Play". In *Multilingualism and Russia's Ethnic Cultures Through English, French, German, Russian and Other Languages: collection of articles*. Saint Petersburg. Print. (In Russ.)
11. Kabakchi, V.V. 2009. *Angloyazychnoe opisanie russkoi kul'tury. Russian Culture Through English: Manual for Students*. Moscow: Izdatel'skii tsentr "Akademiya" publ. Print. (In Russ.)
12. Kabakchi, V.V., Beloglazova E.V. 2012. *Vvedenie v interlingvokul'turologiyu*. Saint Petersburg : SPbGUEF publ. Print. (In Russ.)
13. Zaiceva, N. Virantanaz: [Vepslaïne epos]. 2012. Edited by Markku Nieminen. Kuhmo: Juminkeko publ. Print. (In Russ.)
14. Philippi, D.L. 1979. "Song of the Owl God". In *Songs of Gods, Songs of Humans. The Epic Tradition of the Ainu*. Tokyo: University of Tokyo Press. Pp. 137—148. Print.
15. *Ma*. *Antologiya-bilingva slovesnogo tvorchestva korennykh malochislennykh narodov Khabarovskogo kraja*. Edited by I.S. Alekseeva, M.V. Osipova. (In print)

Сведения об авторе:

Алексеева Ирина Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры перевода Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

E-mail: i.s.alexeeva@gmail.ru

ORCID ID: 0000-0001-8351-1700

Bio Note:

Irina S. Alexeeva is a Candidate of Philology, Professor of the Department of Translation, Herzen State Pedagogical University of Russia. E-mail: i.s.alexeeva@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-8351-1700

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4-347-357

Научная статья

Культурологический аспект перевода на русский язык произведений аварской художественной литературы: на примере книги Р. Гамзатова «Мой Дагестан»

З.М. Маллаева¹✉, М.А. Магомедов¹, Р.Ш. Халидова²

¹ Институт языка, литературы и искусств им. Г. Цадасы
Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук,
Российская Федерация, 367032, Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45

² Дагестанский государственный педагогический университет,
Российская Федерация, 367003, Махачкала, ул. Ярагского, 57

✉ logika55@mail.ru

Аннотация. Фоновые знания необходимы переводчику при решении проблемы культурной непереводимости. Материал для исследования взят из книги Р. Гамзатова «Мой Дагестан» на аварском языке и из его перевода на русский язык, сделанного Владимиром Солоухиным. В статье используется метод сопоставительного анализа переводного и оригинального текстов. Проведенное исследование позволяет заключить, что недостаточное владение переводчиком фоновыми знаниями и различия в этнокультурных ценностях привели к некоторым искажениям в русском варианте текста. Не всегда переводчик использует художественные образы, соответствующие оригиналу и дагестанскому менталитету, поэтому переводной текст не сохраняет художественные и эмоциональные впечатления, производимые подлинником. У переводчика возникают проблемы с перемещением оригинального текста Расула Гамзатова из одной языковой и культурной среды в другую не потому, что она является чужой для переводчика, а потому, что она осталась для него чуждой. Следует признать, что в переводном тексте невозможно избежать присутствия в той или иной форме индивидуальности переводчика. Но главное условие адекватного перевода заключается в сохранении в переводном тексте характерных черт оригинала. Этому индивидуальность переводчика не должна препятствовать.

Ключевые слова: эквивалентность перевода, фоновые знания, этнокультурные различия оригинального и переводного текста

© Маллаева З.М., Магомедов М.А., Халидова Р.Ш., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 26.07.2021

Дата принятия к печати: 26.09.2021

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Информация о финансировании:

Публикация подготовлена в рамках научного проекта РФФИ № 20-012-00380а.

Для цитирования:

Маллаева З.М., Магомедов М.А., Халидова Р.Ш. Культурологический аспект перевода на русский язык произведений аварской художественной литературы: на примере книги Р. Гамзатова «Мой Дагестан» // *Полилингвильность и транскультурные практики*. 2021. Т. 18. № 4. С. 347—357. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4-347-357

Research Article

Culturological Aspect of Russian Interpretation of Avar Literary Works: Based On “My Daghestan” by R. Gamzatov

Z.M. Mallaeva¹✉, M.A. Magomedov¹, R.Sh. Khalidova²

¹ G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art
of the Daghestan Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
45, M. Gadzhieva Str., Makhachkala, 367032, Russian Federation

² Daghestan State Pedagogical University,
57, Yaragskogo Str., Makhachkala, 367003, Russian Federation

✉ logika55@mail.ru

Abstract. The topic of this article is up-to-date due to the fact that the problems of adequate Russian interpretation of “My Daghestan” book by Rasul Gamzatov are not completely solved yet. Moreover, the urgency of further solvation of this problem is complicated by the fact that all translations of this book into other languages are done on the basis of its Russian version. Thus all the flops in the Russian interpretation are kept in the translations into other languages as well. The main objective of the article is to claim attention to the importance of original ethnic context for proper reflection of the cultural peculiarities. The source for research is taken from “My Daghestan” book by R. Gamzatov in the original (Avar), as well as from its Russian interpretation done by V. Soloukhin. The main approach in the research is the method of comparative analysis of the original text and its interpretation. The given research results in the conclusion that lack of ethnic cultural knowledge of the Avar language world picture as well as the differences between ethnic and cultural values led to some certain mistakes in

Russian interpretation of the text. In some cases the interpreter doesn't perform literary images corresponding to the original and to Daghestan mentality, instead leading to lack of original artistic and emotional impressions in the translation. The interpreter has also some difficulties with transmission of the original text by Rasul Gamzatov from one linguistic and cultural sphere into other, not though on the reason that it is unknown, but because it is strange for him. We should admit that while interpreting the text it is inevitable for the interpreter to use some of his individual thinking. But the best adequate interpretation needs maximum keeping to the characteristic features of the original. The individualism of the interpreter must not interfere.

Key words: equivalency of the interpretation, language background knowledge, ethnic and cultural differences between the original text and its interpretation

Article history:

Received: 26.07.2021

Accepted: 26.09.2021

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

Funding:

The publication was prepared within the framework of the RFBR scientific project No. 20-012-00380a.

For citation:

Mallaeva Z.M., Magomedov M.A., Khalidova R.Sh. 2021. "Culturological Aspect of Russian Interpretation of Avar Literary Works: Based On "My Daghestan" by R. Gamzatov". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (4), 347—357. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4-347-357

Введение

Сложности, возникающие при переводе художественного текста с языка одного типа на язык другого типа, многократно возрастают, когда языки оригинала и перевода принадлежат к разным культурам. В таком случае переводчик должен сочетать в себе качества переводчика, культуролога, историка, этнографа и обладать фоновыми знаниями, чтобы адекватно передать особенности другой культуры и при этом максимально сохранить содержание оригинального текста. Разные культуры создают для переводчика больше проблем, чем разные языки, тем более, что в таком случае различаются и литературные традиции. Так, для представителей русской культуры сравнение красивой женщины с куропаткой кажется нелепым, а в аварской поэзии и прозе оно довольно распространено. Куропатка, как это ни странно для европейцев, в дагестанской литературной традиции является символом грациозности женщины.

Обсуждение

Чтобы сохранить стиль определенной культуры и определенной эпохи, переводчик должен быть не только исследователем в данной области, но и в какой-то мере быть готовым принять эту культуру. Иначе оплошности в переводе художе-

ственного текста неизбежны. В качестве примера можно привести отрывок из книги Расула Гамзатова «Мой Дагестан»:

КечI ахИлалде цебе хъвалерб пандурги, концерт гъабилелде цебе бицунерб хабарги, пардав рагъилелде цебе цIалулеб лекцияги дида церего, вакъадасул малъгиял дурцасда гIадин, рихун рукIана¹ (стр. 8).

Дословный перевод, сделанный нами, звучит следующим образом:

И пандур, на котором долго играют, прежде чем спеть песню, и долгие выступления перед началом концерта, и лекция перед открытием занавеса мне давно надоели, как нравочения тестя зятю.

Переводчик неоправданно вмешивается в авторский текст, вводит нового персонажа, новые артефакты и вносит такие коррективы, которые смещают акценты и искажают смысл текста, ср.:

Вот певец взял в руки пандур. Я знаю, что у певца хороший голос, так зачем же он так долго и бездумно бренчит, прежде чем начать песню? То же самое скажу о докладе перед концертом, о лекции перед началом спектакля, о нудных поучениях, которыми *тесть угощает зятя, вместо того, чтобы сразу позвать к столу и налить чарку*² (здесь и далее выделено нами — З.М., М.М., Р.Х.).

Выделенная часть текста, добавленная переводчиком, не только не соответствует оригиналу, но и противоречит законам горского этикета, согласно которым тесть и зять, так же как и отец и сын, не могут сидеть за одним столом и выпивать. Поэтому такой перевод вызывает недоумение у дагестанских читателей. Недостаточное владение фоновыми знаниями и различия в культурных ценностях привели к искажениям в переводном тексте, в котором нарушаются нормы вежливости, принятые в дагестанской культуре.

Для успешного перевода текста переводчик должен хорошо знать реалии (исторические, социально-политические, географические, топонимические, культурные, артефактные, ментефактные, конфессиональные и др.) и этнокультурные традиции носителей переводимого языка, так называемые фоновые знания. Перевод предполагает взаимодействие не только языков, но и различных культур.

Каждый национальный язык формируется и развивается в рамках определенной этнической культуры, поэтому не может рассматриваться в отрыве от нее. Этнокультурные особенности каждого народа вербализуются в языке и даже при очень близком переводе не всегда понятны реципиентам — представителям другой культуры. Поэтому у специалистов по теории перевода нет разногласий в вопросе признания решающего значения фоновых знаний для решения проблемы культурной непереводаемости.

¹ Здесь и далее оригинал цитируется по: ХIамзатов Расул. Данде гъарурал асарал. Проза. Т. 4. Дир Дагъистан. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1975.

² Здесь и далее переводы цитируются по: Гамзатов Расул. Мой Дагестан: книга первая и вторая. Махачкала: Дагучпедгиз, 1985.

Отсутствием фоновых знаний можно объяснить казус, когда Гидатлинское общество в переводном тексте названо аулом Гидатли, что, естественно, не соответствует действительности:

Цебе маГарул цо-цо росабаль, яс росасе кьолеб мехаль, гьелгул разилги гьикьюлеб гадат букГинчЮ. Амма васасда гьикъичЮго ригьин цо гьидальес гурони гьабун раГуларо.

Гьидальгайищ нуж? Нужер хГукму раГула. Дир хГукму хАжатаб гьечЛебищ? (стр. 18).

Перевод В. Солоухина:

Когда-то, выдавая девушку замуж, не спрашивали ее согласия, как бы теперь сказали, ставили ее перед фактом. Говорили, что все решено. Но даже в те времена у нас в горах никто не посмел бы сыграть свадьбу своего сына без его согласия.

На это, говорят, решился однажды некий гидатлинец. Но разве мой уважаемый редактор журнала *из аула Гидатли*? Он все решил за меня... (стр. 13).

Такого аула не существует. Гидатлинское вольное общество располагалось на территории Нагорного Дагестана, в основном на территории нынешнего Шамильского района, состояло из ряда сельских общин, носителей гидского диалекта аварского языка. (Кстати, дагестанцы свои селения не называют аулами.)

Иногда переводчик допускает вмешательство в смысловое содержание текста, не только не соответствующее смыслу текста оригинала, но и неприемлемое с точки зрения менталитета дагестанцев, например:

Рукьалда кьоно барав, кьавулье рачГЧ хьвагГулеб жо бахинчГев, кьадаго юргьан бачГев, гьоркьан горде ретГинчГев, хьмал бусада гГурав, гГумруяль тохтирасда черх бихьичГев, я гьавураб, я хвараб сон льадаго льаларев дир гьаримав инсул эмен (стр. 26).

Перевод В. Солоухина:

Во двор моего дедушки ни разу не заходило ни одно четвероногое животное, кроме разве собаки да кошки. Едва ли он когда-нибудь спал под одеялом, едва ли он знал, что такое нижнее белье. Ни один доктор в мире не мог бы похвастаться тем, что осматривал Магомета, заглядывал ему в рот, шупал пульс, заставлял дышать его то глубже, то реже и вообще видел его тело. Никто не знал также у нас в ауле точных дат его рождения и смерти (стр. 22).

Буквальный перевод:

Запиривший дом приставлением большого камня, никогда во двор которого не заходила хвостом машущая скотина, никогда не накрывавший себя одеялом, никогда не надевавший нижнее белье, выросший на матрасе, заполненном сушеной травой, тело которого не осматривал ни один врач, ни год рождения, ни год смерти никому не известный, бедный отец моего отца.

Собаку и кошку переводчик добавил «от себя». Кошку-то еще можно было добавить (хотя речь идет однозначно о скотине), но собак во дворе мусульмане не держали, так как в исламе слюна и шерсть собаки считаются нечистыми (скверной). Это не мешает мусульманам заботливо относиться к собакам, их можно держать только для охраны скота и охоты.

Фоновые знания как обязательный компонент культурной картины мира представляют одновременно и важнейшую составляющую профессиональной компетенции переводчика. Особенно возрастает роль фоновых знаний при переводе культурообусловленного текста, например:

АбутГалибица абула: бихъараб хъабарча гIадго букъулеб мехаль, гъеб мусруялде буссунгутIизе кIалдиб кквезе кьолеб гIучI буго цеберагIи (стр. 9).

Перевод:

Абуталиб сказал: «Предисловие к книге — это та же соломинка, которую суеверная горянка держит в зубах, латая мужу тулуп. Ведь если не держать в это время соломинку в зубах, тулуп, согласно поверью, может обернуться саваном» (стр. 8).

В данном тексте переводчик исказил два важных момента: 1) соломинку держат в зубах только тогда, когда зашивают надетую одежду, а не всякую; 2) не суеверная горянка держит в зубах соломинку, а тот, на котором зашивают одежду. Поэтому более адекватным будет перевод:

Абуталиб говорит: «Предисловие — это соломинка, которую *дают* держать в зубах тому, на ком латают (надетым) тулуп, чтобы он не превратился в саван».

Безусловно, перевод — это творческий процесс, и здесь индивидуальность переводчика — неизбежный компонент переводного текста. Однако это не должно нарушать главное условие перевода — сохранение в переводе характерных черт оригинала. Для сохранения в переводном тексте художественного и эмоционального впечатления от подлинника переводчик должен использовать соответствующие оригиналу и менталитету (дагестанскому — в данном случае) художественные образы.

При наличии заметных культурных различий А.Д. Швейцер считает целесообразным создать на основе первичного переводного текста «вторичный текст (метатекст), заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде... Процесс, характеризуемый установкой на передачу коммуникативного эффекта первичного текста, частично модифицируемой различиями между двумя языками, двумя культурами и двумя коммуникативными ситуациями» [1. С. 75].

В следующем примере дополнения переводчика противоречат нормам речевого этикета дагестанцев:

Блокноталдаса: Москвалда цIалулев мехаль инсуца дие гIарац битIун бачIун букIана хасалоялде пальто босеян. Гьудубе-гъанибе ун, пальто босичIого, гIарацги хвезабун вуссана дун.

Инсуца аскIоб гьелъул бицен ккараб мехаль, дун шай пальто босичIебали, гIарац кибе арабали, цоцаде данде кколарел баянал кьезе лъугъана.

Инсуца дие кIиги суал кьуна:

- Пальто босаниш?
- БосичIо.
- ГIарац бугиш?
- ГьечIо... (стр. 10).

Данный текст переведен на русский язык с неоправданными дополнениями переводчика:

Из записной книжки. Когда я был московским студентом, отец прислал мне денег на зимнее пальто. Получилось так, что деньги я истратил, а пальто не купил. *На зимние каникулы в Дагестан пришлось ехать в том же, в чем уехал летом в Москву.*

Дома я стал оправдываться перед отцом, *на ходу сочиняя всякие небылицы, одну менее и беспомощнее другой. Когда я окончательно запутался, отец перебил меня, сказав:*

— *Остановись, Расул. Я хочу задать тебе два вопроса.*

— *Задавай.*

— Пальто купил?

— Не купил.

— Деньги истратил?

— Истратил (стр. 11).

Курсивом выделен текст, добавленный переводчиком.

Проблема в том, что в такой ситуации сын никогда не скажет отцу «задавай», поскольку это будет воспринято как проявление неуважения к отцу и нарушение традиционного аварского (дагестанского) речевого этикета. К сожалению, это свидетельствует о том, что переводчик не знаком с дагестанским менталитетом.

Еще пример:

Дица лъалиниса ханжар бахъулеб буго. МагIарулаз абула: бахъанищ ханжар — къабе, къабунисх ханжар — къотIе. Амма къабилалде цебе цин рекIун бугишали балагъизе ккола (стр. 9).

Перевод:

Горцы говорят: «Не вынимай кинжал без надобности. А если вынул — бей! *Бей так, чтобы сразу убить наповал и всадника и коня.*»

Вы правы, горцы! И все же. Прежде чем обнажить кинжал, вы должны быть уверены, что он хорошо заточен (стр. 9).

Везде в переводе вместо «аварцы» употреблено слово «горцы». Это неправильно. Когда пишет *магIарулаз*, Расул Гамзатов имеет в виду аварцев, а не всех горцев. Этноним *магIарулаз* переводится на русский язык с аварского только как *аварец*, а не как *горец*. Лексема *магIарулаз* «аварец» этимологически восходит к слову *мегIер* «гора», но эта связь утрачена, и ныне слово *магIарулаз* не обладает семантикой «горец».

Переводчик добавил здесь фразу *Бей так, чтобы сразу убить наповал и всадника, и коня*, которой нет в оригинале. Коня-то за что убивать? К чему такая жестокость? Аварцы не такие кровожадные, какими их здесь преподносит переводчик. Назидательный смысл аварской пословицы «Не вынимай кинжал из ножен, если вынул — бей» прямо противоположный, направлен на то, чтобы тот, кто носит кинжал, хорошенько подумал, прежде чем вынуть его из ножен, поскольку в противном случае он вынужден будет применить его по назначению.

При переводе текста: «Гъале чода тIикъва-магIал чIван рахъана. Гъеб къолона» (стр. 44) вместо одного аварского предложения «Вот закончил подковать коня», дан целый текст:

Хорошо подкован мой нетерпеливый, мой верный конь. Я сам поднял каждую его ногу и проверил крепость подков. Я оседлал коня, потянул за подпругу. Пальцы едва подлезают под нее. Хорошо и умело оседлан конь (стр. 38).

Ничего этого в оригинале нет.

Перевод следующего предложения:

Дир инсуда релъарав цо херав чияс, узденгалъуб хIетIе лъезегIан гъебги ккун, дун рекIинавуна (стр. 44) [Старик, похожий чем-то на моего отца, отдал мне повод] (стр. 38)

свидетельствует о том, что переводчик не понял автора. Расул Гамзатов здесь подчеркивает неопытность ездока, которому помог вставить в стремя ногу старик, похожий на отца автора. Отдать повод и помочь вставить ногу в стремя — совершенно разные действия. Переводчик из неопытного ездока делает опытного наездника. Вольный перевод в данном случае приводит к изменению сути замысла автора.

Переводчик должен целостно и точно выразить средствами другого, структурно и типологически отличного языка, содержание оригинального текста, сохранив его стилистические и экспрессивные особенности. Как указывает Я.И. Рецкер, «под “целостностью” перевода надо понимать единство формы и содержания на новой языковой основе. Если критерием точности перевода является тождество информации, сообщаемой на разных языках, то целостным (полноценным или адекватным) можно признать лишь такой перевод, который передает эту информацию равноценными средствами. Иначе говоря, в отличие от пересказа перевод должен передавать не только то, что выражено подлинником, но и так, как это выражено в нем. Это требование относится как ко всему переводу данного текста в целом, так и к отдельным его частям» [2. С. 7].

Текст:

Москвалда лъаларо, Парижалда лъаларо тирулаго цо лакаса вихъун вуго Дагъистаналъул формаялъул, гIагараб бакIалъул махI-хасияталъул чи (стр. 63).

Перевод:

И вот рассказывают. По большому городу, то ли по Москве, то ли по Ленинграду, бродил по улицам лакец. Вдруг он увидел человека в дагестанской одежде (стр. 56).

У автора Москва и Париж, в переводе — Москва и Ленинград.

Безусловно, перевод является весьма специфическим видом словесного искусства. Специфику перевода В.С. Виноградов видит в том, что он представляет собой «вторичное» искусство, искусство «перевыражения оригинала на материале другого языка. Переводческое искусство на первый взгляд похоже на исполнительское искусство музыканта, актера, чтеца тем, что оно репродуцирует существующее художественное произведение, а не создает нечто абсолютно оригинальное, тем, что творческая свобода переводчика ограничена подлинником. Но сходство на этом и кончается. В остальном перевод резко отличается от любого вида исполнительского искусства и составляет особую разновидность художественно-творческой деятельности, своеобразную форму «вторичного» художественного творчества» [3. С. 8].

Для успешного перевода текста иной культуры переводчик должен не только в совершенстве владеть переводческой техникой, но и обладать фоновыми знаниями. Перед переводчиком стоят трудные задачи «перевода юмора, устойчивых

выражений, сохранения стиля и культурных особенностей, ухода от дословного перевода» [4. С. 40].

Л.С. Бархударов рассматривает перевод как определенный вид трансформации, а именно межъязыковой трансформации [5. С. 6].

Невозможно не согласиться с мнением, что «переводчик, которому следует отдать должное, все же до конца не вник в смысл содержания произведения, пренебрег местами точностью, пунктуальностью при передаче текста оригинала, авторского замысла, концепции и пр. А это, в свою очередь, отразилось на художественном достоинстве перевода, на уровне его адекватности. В результате многие интересные, знаковые с художественной точки зрения высказывания, мысли, оценки Гамзатова, его поэтические миниатюры, зарисовки, штрихи, то есть важнейшие элементы того эстетического мира, который он реализовал с таким мастерством в аварском тексте “Моего Дагестана”, не дошли до русского читателя, а через него и до иноязычных реципиентов» [6. С. 139—140].

Известный немецкий филолог, лингвист, философ и государственный деятель Вильгельм фон Гумбольдт, к идеям которого восходят все современные лингвистические междисциплинарные науки (лингвокультурология, этнолингвистика, когнитивная лингвистика и др.) рассматривал перевод как средство освоения культурных достижений других народов. По мнению В. Гумбольдта, перевод достигает своих величайших целей, пока переводчик воспринимает другую культуру не как чуждую, а как чужую. Но когда чуждое заявляется во всей своей красе и может затушевывать даже чужое, тогда ясно, что переводчик не дорос до своего оригинала [7], например:

НекІсияв маГарулав,
Матенадаран дуда
Доб мехаль гъачІогонищ,
Лъанигийищ абичІеб?
Пикрабазул алмазал,
Асаразул жавгъарал,
Жанир цІунараб гъамас
Босизейищ хІал гІечІеб?
Дур бакІалда дицани
Нилгъер Дагъистаналгье
Босилаан доб мехаль
Хъвай-хъвагаІайги гІахъалги (стр. 583).

Перевод:

Ах, горец, горец, предок мой,
Какой ты промах дал.
Коня и саблю взял с собой,
А книгу ты не взял.
Не положил ты в свой мешок,
Наивный предок наш,
Пергамента большой листок,
Перо и карандаш.
Душа твоя чиста была,

*Но голова пуста.
Нам книга больше бы дала,
Чем стали острота.*

Сравнение перевода и оригинала показывает, что в оригинале слов «голова пуста» нет вообще. В оригинале это передано (буквальный перевод) так:

*Древний аварец,
Ты в то время или не знал
Матенадаран,
Или хотя знал, но не сказал? (стр. 415).*

В переводе речь идет о каком-то Селиме, которого нет в оригинале, но нет даже слова «Матенадаран», на которое делает акцент поэт. В оригинале есть обобщение ситуации с Дагестаном целом в том плане, что письменности не было у всех народов Дагестана. В целом, перевод в данном случае совершенно не соответствует тексту оригинала.

Заключение

Нисколько не подвергая сомнению профессионализм известного отечественного писателя, поэта и переводчика Владимира Солоухина, отметим досадные недоразумения в переводе, обусловленные игнорированием фоновых знаний. Трудно переоценить роль Владимира Солоухина в популяризации книги Расула Гамзатова «Мой Дагестан», поскольку все иноязычные переводы осуществлялись на основе переводного текста В. Солоухина. И в то же время высока его ответственность за неадекватность перевода, особенно когда речь идет о переводе культурообусловленного текста.

В качестве перспективы для дальнейших исследований в этой области можно рассмотреть особенности перевода публицистики Расула Гамзатова, характеризующейся нестандартными формами художественного выражения.

Список литературы

1. *Швейцер А.Д.* Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988.
2. *Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика. М., 1974.
3. *Виноградов В.С.* Лексические вопросы перевода художественной прозы. М.: Изд-во Московского ун-та, 1978.
4. *Колесникова В.С.* К проблеме художественного перевода как речемыслительной деятельности // Мир языка и межкультурная коммуникация: материалы международной научно-практической конференции. Ч. 1. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2001. С. 38—42.
5. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975.
6. *Муртазалиев А.М.* Расул Гамзатов и Турция: грани взаимопознания. Махачкала, 2014.
7. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000.

References

1. Shvejcer, A.D. 1988. Teorija perevoda: status, problemy, aspekty. Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.)

2. Recker, Ja.I. 1974. Teorija perevoda i perevodcheskaja praktika. Moscow. Print. (In Russ.)
3. Vinogradov, V.S. 1978. Leksicheskie voprosy perevoda hudozhestvennoj prozy. Moscow: Moscow University publ. Print. (In Russ.)
4. Kolesnikova, V.S. 2001. K probleme hudozhestvennogo perevoda kak rechemyslitel'noj dejatel'nosti. In *Mir jazyka i mezkul'turnaja komunikacija Proceedings. Part 1*. Barnaul: BGPU publ. Pp. 38—42. Print. (In Russ.)
5. Barhudarov, L.S. 1975. Jazyk i perevod (Voprosy obshhej i chastnoj teorii perevoda). Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija publ. Print. (In Russ.)
6. Murtazaliev, A.M. 2014. Rasul Gamzatov i Turcija: grani vzaimopoznanija. Mahachkala: ALEF, IJaLI DNC RAN publ. Print. (In Russ.)
7. Gumbol'dt, W. 2000. Izbrannye trudy po jazykoznaniju. Moscow: Progress publ. Print. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Маллаева Зулайхат Магомедовна — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела грамматических исследований дагестанских языков Института языка, литературы и искусств им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук. <https://orcid.org/0000-0003-4303-6663>. E-mail: logika55@mail.ru

Магомедов Магомед Абдулкадирович — кандидат филологических наук, заведующий отделом грамматических исследований дагестанских языков Института языка, литературы и искусств им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук. <https://orcid.org/0000-0002-2333-6565>. E-mail: dun2@mail.ru

Халидова Рашидат Шахрудиновна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики обучения русскому языку и литературе Дагестанского государственного педагогического университета. <https://orcid.org/0000-0002-6150-2704>. E-mail: rashi-dr@mail.ru

Bio Notes:

Zulaikhat M. Mallaeva is a Doctor of Philology, Professor of the G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of the Daghestan Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences. <https://orcid.org/0000-0003-4303-6663>. E-mail: logika55@mail.ru

Magomed A. Magomedov is a Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Head of Department of Grammatical Studies. G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of the Daghestan Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences. <https://orcid.org/0000-0002-2333-6565>. E-mail: dun2@mail.ru

Rashidat Sh. Khalidova is a Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Theory and Methods of Teaching Russian Language and Literature of the Dagestan State Pedagogical University. <https://orcid.org/0000-0002-6150-2704>. E-mail: rashi-dr@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4-358-367

Научная статья

Перевод в Якутии как средство сохранения языка и культуры народа саха

А.А. Васильева

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
Российская Федерация, Республика Саха (Якутия), 677013, Якутск, ул. Белинского, д. 58
✉ vaaperevod@mail.ru

Аннотация. Перевод как средство межкультурной коммуникации решает две задачи: во-первых, дополнительно фиксирует произведения культуры какого-либо народа путем создания их копии на языке с превосходящим числом носителей для ознакомления с культурой народа более широкого круга лиц; во-вторых, в ситуации массового двуязычия защищает уязвимый язык от ассимилирующего влияния языка-доминанта путем сознательного противодействия отрицательной интерференции переводчиком-билингвом и его просветительской деятельности по лингвоэкологии. В отличие от перевода с использованием иностранных языков, указанные задачи перевода при использовании двух языков народов одной страны приобретают новые акценты в зависимости от языковой ситуации, политики и т.п. В статье рассматривается опыт Республики Саха (Якутия) в решении указанных задач русско-якутского, якутско-русского перевода. Дается характеристика роли перевода в духовной культуре якутского народа как проводника литературно-художественных новаций, способных формировать и менять художественные вкусы читателей, а также как средства интеграции в мировое культурное пространство, дающее возможность якутам посмотреть на свою родную культуру с точки зрения носителей русского языка и российской, в том числе советской, культуры. Перевод как область тесного взаимодействия языков находится в поле зрения языковой политики многонационального субъекта Российской Федерации. С принятием в 1990-х гг. федеральных и республиканских законов, регулирующих языковые вопросы, в Республике Саха (Якутия) большое внимание стало уделяться переводу с одного государственного языка на другой. В результате многолетних наблюдений за культурой речи билингвов-якутов постепенно пришло понимание того, что изучение лингвистических проблем перевода, выработка практических рекомендаций по переводу на основе научных исследований и их популяризация среди билингвов-якутов может оказать большую помощь в деле сохранения родного языка. Обзор опыта Республики Саха (Якутия) в развитии перевода в многонациональном субъекте РФ приводит к выводам о важной роли переводчика как нормализатора родного языка, способ-

© Васильева А.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ного благодаря своей профессиональной подготовке сознательно регулировать взаимовлияние языков в социуме.

Ключевые слова: перевод, русский язык, якутский язык, билингвизм, языковая политика, сохранение языков и культур

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 26.07.2021

Дата принятия к печати: 26.09.2021

Модератор: О.А. Валикова

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Васильева А.А. Перевод в Якутии как средство сохранения языка и культуры народа саха // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 4. С. 358—367. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4-358-367

Research Article

Translation in Yakutia as a Means of Preservation of the Sakha Language and Culture

A.A. Vasil'eva

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University,
58, Str. Belinsky, Yakutsk, 677013, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation
✉ vaaperevod@mail.ru

Abstract. Translation as a means of cross-cultural communication serves two purposes: 1. making an additional recording of cultural works of a certain people by creating a copy of these works in a language with a higher number of speakers for further introduction of the culture to a wider public; 2. in a situation of widespread bilingualism, preserving a vulnerable language against assimilation by a dominant language by a bilingual translator's conscious counteracting of negative interference and their educational activities in the field of ecolinguistics. In comparison with translation from/to foreign languages, these translational purposes acquire other, new aspects when applied to the languages of the different peoples in one country, depending on the language situation, politics, etc. The article examines the practices used in achieving the above-mentioned purposes of Russian-Yakut, Yakut-Russian translation in the Sakha Republic (Yakutia), a constituent entity of the Russian Federation. The article also describes the role of translation in the spiritual culture of the Yakut people as a proxy of literary and artistic innovations capable of shaping and changing the artistic tastes of readers, as well as a means of integration into the world cultural space, enabling the Yakuts to look at their native culture from the point of view of native speakers of the Russian language and members of Russian (including Soviet) culture. Translation as a sphere of close interaction of languages is of interest to the language policy of this multinational constituent of the Russian Federation. With the adoption of federal and republican laws for language issues in the 1990s, the Sakha Republic (Yakutia) started to give more attention to the translation

between the two official languages. As a result of years-long observation of bilingual Yakuts' speech culture, it has become apparent that researching linguistical issues of translation, drawing up practical recommendations for translation based on scientific research, and then popularizing them among bilingual Yakuts may become a great help in the preservation of the native language. A review of the Sakha Republic's (Yakutia) experience in translation development in a multinational constituent of the Russian Federation leads to a conclusion about the importance of the work of a translator (who translates from and to languages of Russia) in standardization of their native language. Such a translator can consciously regulate the mutual influence of the languages in society.

Key words: translation, Russian language, Yakut language, bilingualism, language policy, preservation of languages and cultures

Article history:

Received: 26.07.2021

Accepted: 26.09.2021

Moderator: O.A.Valikova

Conflict of interests: none

For citation:

Vasil'eva, A.A. "Translation in Yakutia as a Means of Preservation of the Sakha Language and Culture". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (4), 358—367. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4-358-367

Введение

Республика Саха (Якутия) — субъект Российской Федерации, в котором кроме русского языка государственный статус имеет язык саха (якутский), а пять языков коренных народов Якутии — эвенкийский, эвенский, юкагирский, долганский и чукотский — имеют статус местных официальных языков в местах компактного проживания этих народов и используются наравне с государственными языками. В республике развито национально-русское двуязычие и многоязычие. Поэтому перевод как условие билингвизма и важный навык для общения стал привлекать внимание якутских ученых после придания якутскому языку государственного статуса. Целью данной статьи является освещение стимулирующей роли перевода в развитии якутского языка и культуры. Перевод как средство диалога культур стимулирует не только развитие и видоизменение нематериальной культуры народа. Он стимулирует также обогащение и видоизменение принимающего языка в области лексики и грамматики.

Обсуждение

Перевод в Якутии как средство диалога культур

Находясь на стыке языков и культур, перевод стимулирует прикладные исследования якутского языка и просвещение народов Якутии: «...практика русско-якутского перевода всегда приводила к разработке других, смежных прикладных аспектов исследования якутского языка — орфографии, терминологии, функциональной стилистики, а также обогащала якутскую литературу новыми формами, жанрами, художественными приемами» [1. С. 120].

Довоенные переводы художественной литературы имели цель ознакомить якутских детей и взрослых с русской и зарубежной литературой, приобщить неграмотное население к сокровищам мировой культуры и советской литературы с помощью родного языка, привычных художественно-выразительных средств фольклора, постепенно расширяя диапазон таких средств, оттачивая и воспитывая поэтический слух якутской публики [2]. В послевоенный период, с укреплением якутско-русского двуязычия, перевод художественных произведений постепенно начинает менять свою задачу. Писатели-переводчики смелее берутся за крупные жанры, за произведения разных народов. Развивается якутский театр, в котором переводные спектакли не только обогащают годовой репертуар, но и меняют якутского зрителя, воспитывая в нем новую эстетику зрелищных искусств.

К.Д. Уткин-Нюсюлгэн писал о якутском переводчике, который перевел более ста авторов из почти сорока стран мира, активно пропагандировал дружбу народов на основе диалога литератур и за это был удостоен звания народного поэта Якутии: «С.Т. Руфов своими переводами многочисленных авторов расширил рамки литературных связей до границ общепланетарного масштаба. Он своим упорным и самоотверженным трудом по переводу произведений мировой и российской классики испытал себя на творческую зрелость, подверг якутский литературный язык на суровый самоанализ мерками мировых стандартов литературных связей» [3. С. 53]. Эти слова можно отнести ко всем талантливым переводчикам-писателям, которые в эпоху всеобщего якутско-русского двуязычия берутся за переводы с русского языка.

Якутско-русские художественные переводы демонстрируют культуру народа саха другим народам. Чаще всего с якутского переводится фольклор и художественная литература. Для того, чтобы ввести в научный оборот большие объемы записей якутского фольклора, ИГИиПМНС (ранее ИЯЛИ СО АН СССР) выработал свою школу академического перевода [4]. Сложилась разная стратегия перевода фольклора, в частности эпоса олонхо [5; 6]. Как сокровищница духовного богатства народа саха и как шедевр «нематериального наследия человечества»¹ олонхо переведен на английский и другие иностранные языки [7. С. 38]. Признание олонхо шедевром ЮНЕСКО открыло новые грани культурной жизни республики, стимулировало новые формы творческого самовыражения, активизировало исследования эпоса и фольклора. В настоящее время писатели и переводчики Якутии участвуют во многих общероссийских и международных переводческих проектах, создании билингвальных антологий, что вызывает большой интерес к переводу, заставляет задуматься о свойствах языка и ценить уникальность культур разных народов.

Таким образом, значение перевода для культуры какого-либо народа, например якутского, можно рассматривать в двух аспектах: 1) перевод с языка народа с более развитой литературой расширяет творческие границы молодой литературы, обогащает ее как в языковом, так и в художественно-выразительном плане; 2) перевод произведений литературы и фольклора на язык с более широкими коммуникативными возможностями открывает пути интеграции в мировое куль-

¹ В 2009 году ЮНЕСКО включило олонхо в свой список «нематериального наследия человечества».

турное пространство, а также позволяет писателям и переводчикам — носителям языка и культуры — задуматься о том, как описать духовное богатство своего народа средствами другого языка.

Перевод в Якутии как средство сохранения и развития родного якутского языка

Тридцать лет назад в Республике Саха (Якутия) были приняты несколько законодательных актов, преломивших депрессивную, как и у многих народов России, языковую ситуацию и давших импульс дальнейшему возрождению языков и культуры народов Республики Саха (Якутия): Декларация о государственном суверенитете Республики Саха (Якутия) (27.09.1990), Концепция обновления и развития национальных школ (23.05.1991), Конституция Республики Саха (Якутия) (04.04.1992), Закон «О языках в Республике Саха (Якутия)» (16.10.1992). Указанные республиканские законодательные акты основываются на общероссийских актах: Декларации о языках народов России (25.10.1991), Законе «О языках народов Российской Федерации» (25.10.1991), Конституции Российской Федерации (12.12.1993) и, таким образом, являются частью языковой политики всего государства, проводимой с учетом исторически сложившейся культурно-языковой ситуации.

С принятием указанных актов укрепились позиции якутско-русского двуязычия, и перевод в республике получил широкое применение. Выраженное стремление общества использовать родной язык во всех сферах жизни побудило ученых-филологов обратить пристальное внимание на состояние родного языка, его потенциал, дальнейшие перспективы развития двуязычия. Одним из путей решения проблем в области функционирования языка саха стала организация профессиональной подготовки переводчиков с русского языка на якутский в стенах Якутского государственного университета на базе факультета якутской филологии и национальной культуры (ныне — Институт языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации СВФУ им. М.К. Аммосова). Научной основой для программы профессиональной подготовки переводчиков стали труды проф. П.А. Слепцова [8; 9], в которых отмечается особая роль перевода как способа обогащения не только словарного запаса, но и грамматических моделей современного якутского языка. Практической основой учебных пособий стали результаты многолетних наблюдений за влиянием русского языка на якутский, систематизируемые и публикуемые в научно-популярных изданиях о современном состоянии якутской речи Т.И. Петровой и М.П. Алексева-Дапсы.

За многие годы работы со студентами-филологами Т.И. Петрова пришла к выводу о том, что профессиональный перевод способствует укреплению литературных норм родного языка, так как основывается на функциональных соответствиях контактирующих языков и позволяет переводчику сознательно противодействовать интерференции. В наиболее сжатом виде эти идеи Т.И. Петровой изложены в ее статье «Двуязычный перевод как фактор сохранения родного языка» [10]. В статье она приводит примеры влияния русского языка на якутский в виде переводческих ошибок, снижающих культуру родной речи. Причиной возникновения и укоренения таких ошибок она называет лингвистические факторы:

неустойчивость грамматических форм в разговорной речи, недостаточная зрелость литературных норм; человеческие факторы: неумелое использование синонимических средств, постоянное подкрепление переводческих ошибок как в устной речи билингвов, так и в переводной учебной литературе; а также отдельно выделяет «отсутствие научных разработок по русско-якутскому переводу, что способствует распространению подсознательного или сознательного прямого перевода с русского языка» [10. С. 104]. Далее ученый высказывает опасения по поводу того, что указанные в статье явления, многократно повторяясь в речи якутов-билингвов под влиянием неосознаваемого «прямого» перевода с русского языка, могут привести «к структурным изменениям, например, к архаизации части падежей, утрате выразительных форм и т.п.», и, как следствие утраты выразительных форм — к тем или иным изменениям в ментальности народа [10. С. 104]. В заключении статьи Т.И. Петрова формулирует значение перевода следующим образом: «1. Частная теория русско-якутского перевода существенно облегчает многочисленные трудности передачи содержания и языковых особенностей оригинала и способствует повышению качества переводной литературы. 2. Профессиональный перевод, основанный на исследовании функциональных соответствий, как “факт сознательного противодействия интерференции”, способствует укреплению литературных норм переводящего (якутского) языка, позволяет бережно относиться к его специфическим особенностям. 3. В связи с тем, что сложившийся литературный язык относится к числу определителей понятия “нация”, укрепление и развитие норм якутского языка, к чему во многом способствует частная теория перевода, прямо или косвенно продлевают существование самой нации саха» [10. С. 104]. Думается, что тезис о переводе как факторе сохранения языка подходит для всех языков, подвергающихся ассимиляции в силу неустойчивости литературных норм и малого количества носителей, избравших билингвизм как повседневную речевую стратегию.

В 2002 году был издан указ Президента Республики Саха (Якутия) «О языковой политике Республики Саха (Якутия)». Научную и методическую основу языковой политики республики было поручено обосновать Институту гуманитарных исследований АН РС(Я). Созданный для этой цели отдел языковой политики ИГИ АН РС(Я) провел обширную аналитическую работу, за первые 3—4 года «выпустил 10 полновесных сборников и научно-практических очень информативных и полезных бюллетеней и пособий, ...разрабатывает темы по деловому языку, терминологии и унификации географических названий, по проблемам перевода и многим другим вопросам» [11. С. 471—472]. К сожалению, отдел был расформирован во время реорганизации института несколько лет назад. В 2005 году по инициативе этого отдела была проведена республиканская научно-практическая конференция «Практика перевода в Республике Саха (Якутия): проблемы и перспективы», посвященная 300-летию русско-якутского письменного перевода. В своем пленарном докладе доктор филологических наук, профессор П.А. Слепцов сделал обзор истории переводческой деятельности и призвал ответственно относиться к переводным произведениям как к бесценному богатству, представляющему собой литературную форму языка, способному развивать духовную культуру народа саха, а также предложил перечень мероприятий для развития переводческого дела в республике (издание каталогов переводов, двуязычных

антологий, проведение конкурсов переводов, активизация научных исследований, подготовка и издание словарей и т.п.) [12. С. 20]. Профессор П.А. Слепцов по многим вопросам современного якутского языка является непревзойденным экспертом, и поэтому эти предложения были взяты на вооружение теми, кто занимается вопросами перевода, и теперь мы можем видеть некоторую реализацию этой программы [13; 14].

Следующая конференция, посвященная вопросам перевода в паре «русский и якутский языки», была организована лишь через 14 лет и была приурочена к 20-летию кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода и 85-летию юбилею основателя кафедры Т.И. Петровой — Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Перевод в поликультурном языковом пространстве Российской Федерации: потенциал и перспективы» (12—13 апреля 2019 г., г. Якутск) (URL https://www.s-vfu.ru/universitet/rukovodstvo-i-struktura/instituty/iyikn/kafedra-stilistiki-yakutskogo-yazyka/vnpk_rgrup/ (Дата обращения: 22.05.2021)) [15]. Конференция и дальнейшее сотрудничество с участниками из других регионов показали, что перевод с использованием языков народов России во всех субъектах федерации имеет общие черты с положением перевода в Республике Саха (Якутия), общие истоки, историю, одинаковые проблемы и похожие пути решения таких проблем. Возросшее в последние годы внимание со стороны крупных организаций всероссийского масштаба — Российской академии образования, Союза переводчиков России и др. — к организационным, научно-методическим, практическим проблемам внутригосударственного перевода в различных регионах федерации вселяет уверенность в том, что это — дело государственной важности, гармонирующее со стремлением сохранить языки и культуры народов России и полностью соответствующее языковой политике государства.

Выводы

В заключение можно сделать следующие выводы, имеющие значения для всех народов России, у которых развивается национально-русское двуязычие:

1) перевод с русского языка на языки народов России, по признанию многих исследователей языка и литературы, обогащает принимающий язык новыми средствами выразительности, синонимическими конструкциями, которые способствуют дифференциации функционально-стилистических признаков, а также расширяет диапазон художественно-литературных традиций;

2) перевод на русский язык произведений художественной литературы и фольклора народов России играет роль дополнительного фиксатора национальной культуры, так как создание копии произведения на языке межнационального общения дает возможность расширить круг читателей;

3) перевод на родной язык является той пограничной сферой, где происходит отбор наиболее перспективных речевых и языковых средств, способных развить принимающий язык и где может устанавливаться заслон деструктивному влиянию исходного языка. Поэтому переводчик выполняет важную миссию нормализатора языка; обладая лингвистической подготовкой и/или врожденным языковым

чутьем, он, в отличие от простых билингвов, может сознательно регулировать влияние другого языка;

4) профессиональный, качественный перевод с использованием языков народов России может и должен повышать культуру русской речи, усиливать позиции русского языка как языка межнационального общения, объединяющего народы России и бывшего СССР единой культурно-исторической памятью лучших традиций прошлого;

5) для развития многоязычия как основы мира и согласия в большой поликультурной стране необходимы масштабные, координируемые крупными общероссийскими научными организациями, исследования вопросов перевода, способные исполнить давно возникший социальный заказ.

Список литературы

1. *Васильева А.А.* К вопросу о периодизации истории переводческой деятельности в Якутии // Проблемы и перспективы развития национальных литературных языков в России: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Петра Алексеевича Слепцова (29 ноября 2018 г.). Якутск, 2019. С. 115—122.
2. *Башарина З.К.* Художественный перевод как средство межкультурной коммуникации. Якутск: ЯГУ, 2007.
3. *Уткин К.Д.* Победная высота поэта: творческая лаборатория поэта, переводчика Семена Руфова. Опыт исследования. Якутск: Бичик, 1998.
4. *Рожина И.В.* Из истории перевода текстов якутского фольклора в Институте гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (ИГиИПМНС СО РАН) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12-2 (66). С. 157—159.
5. *Петрова Т.И.* Типология перевода якутского эпоса олонхо на русский язык. Якутск, 2020.
6. *Пухов И.В.* Научный перевод народного героического эпоса (на материале якутских олонхо) // Якутский героический эпос — олонхо. Публикация, перевод, теория, типология: избранные статьи. Якутск, 2004.
7. *Находкина А.А.* О современном состоянии переводческой деятельности в Республике Саха (Якутия) // Актуальные проблемы перевода в свете языковой политики: сб. науч. тр. Якутск, 2006.
8. *Слепцов П.А.* Якутский литературный язык: истоки, становление норм. Новосибирск, 1986.
9. *Слепцов П.А.* Якутский литературный язык: формирование и развитие общенациональных норм. Новосибирск: Наука, 1990.
10. *Петрова Т.И.* Двужычный перевод как фактор сохранения родного языка // Вестник Якутского государственного университета им. М.К. Аммосова. 2005. Т. 2. № 3. С. 101—105.
11. *Слепцов П.А.* Современная языковая ситуация в Республике Саха (Якутия) и проблемы паритетного двуязычия // Ступени и проблемы якутского языкознания: сб. науч. ст. Якутск, 2008.
12. *Слепцов П.А.* Сахалы тылбаас (ааспытты анаарыы, билиннитэ, соруктар) // Актуальные проблемы перевода в свете языковой политики: материалы науч.-практ. конф. «Практика перевода в Республике Саха (Якутия): проблемы и перспективы» (24 февраля 2005 г.). Якутск, 2006.
13. *Герасимова Е.С.* Вклад кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода ИЯКН СВ РФ в развитие переводческого образования в Республике Саха (Якутия) // Перевод в поликультурном языковом пространстве Российской Федерации: потенциал

и перспективы: сб. тезисов по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Якутск, 12—13 апреля 2019 г.). Якутск: Издательский дом СВФУ, 2019. С. 37—45.

14. *Иванова С.В.* Роль перевода в формировании официально-делового стиля в якутском языке // Перевод в поликультурном языковом пространстве Российской Федерации: потенциал и перспективы: сб. тезисов по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Якутск, 12—13 апреля 2019 г.). Якутск: Издательский дом СВФУ, 2019. С. 185—190.
15. Перевод в поликультурном языковом пространстве Российской Федерации: потенциал и перспективы: сб. тезисов по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Якутск, 12—13 апреля 2019 г.). Якутск: Издательский дом СВФУ, 2019.

References

1. Vasil'eva, A.A. 2019. "K voprosu o periodizatsii istorii perevodcheskoi deyatel'nosti v Yakutii". Problemy i perspektivy razvitiya natsional'nykh literaturnykh yazykov v Rossii" Proceedings. Yakutsk, Nov., 29, 2018. Yakutsk: IGIiPMNS SO RAN publ. Web. (In Russ.) URL: http://igiysn.ru/files/publicasii/sleptsov_sbornik.pdf#page=8
2. Basharina, Z.K. 2007. *Khudozhestvennyi perevod kak sredstvo mezhkul'turnoi kommunikatsii*. Yakutsk: YaGU publ. Print. (In Russ.)
3. Utkin, K.D. 1998. *Pobednaya vysota poeta: tvorcheskaya laboratoriya poeta, perevodchika Semena Rufova. Opyt issledovaniya*. Yakutsk: Bichik publ. Print. (In Russ.)
4. Rozhina, I.V. 2016. "From the history of the translation of the Yakut folklore texts in the Institute for humanities researches and indigenous studies of the North, Siberian branch of the Russian academy of sciences". *Philology. Theory & Practice* 12-2 (66): 157—159. Web. (In Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-perevoda-tekstov-yakutskogo-folklor-a-v-institute-gumanitarnykh-issledovaniy-i-problem-malochislennykh-narodov-severa>
5. Petrova, T.I. 2010. *Tipologiya perevoda yakutskogo eposa olonkho na russkii yazyk*. Yakutsk: SVFU publ. Print. (In Russ.)
6. Pukhov, I.V. 2004. "Nauchnyi perevod narodnogo geroicheskogo eposa (na materiale yakutskikh olonkho)". *Yakutskii geroicheskii epos — olonkho. Publikatsiya, perevod, teoriya, tipologiya: izbrannye stat'i*. Yakutsk: Izd-vo SO RAN, Yakutskii filial publ. Print. (In Russ.)
7. Nakhodkina, A.A. 2006. "O sovremennom sostoyanii perevodcheskoi deyatel'nosti v Respublike Sakha (Yakutiya)". *Aktual'nye problemy perevoda v svete yazykovoi politiki: collection of articles*. Yakutsk: IGI AN RS(Ya) publ. Print. (In Russ.)
8. Sleptsov, P.A. 1986. *Yakutskii literaturnyi yazyk: istoki, stanovlenie norm*. Novosibirsk: Nauka publ. Print. (In Russ.)
9. Sleptsov, P.A. 1990. *Yakutskii literaturnyi yazyk: formirovanie i razvitie obshchenatsional'nykh norm*. Novosibirsk: Nauka publ. Print. (In Russ.)
10. Petrova, T.I. 2005. "Dvuyazychnyi perevod kak faktor sokhraneniya rodnogo yazyka". *Vestnik Yakutskogo gosudarstvennogo universiteta im. M.K. Ammosova* 2 (13): 101—105. Print. (In Russ.)
11. Sleptsov, P.A. 2008. "Sovremennaya yazykovaya situatsiya v Respublike Sakha (Yakutiya) i problemy paritetnogo dvuyazychiya". *Stupeni i problemy yakutskogo yazykoznaniya (sb.nauch. st.)*. Yakutsk: IGIiPMNS SO RAN publ. Print. (In Russ.)
12. Sleptsov, P.A. 2006. "Sakhaly tylbaas (aaspyty anaary, bilinnite, soruktar)". *Aktual'nye problemy perevoda v svete yazykovoi politiki: Mat. nauch.-prakt. konf. «Praktika perevoda v Respublike Sakha (Yakutiya): problemy i perspektivy» (24 fevralya 2005 g.)*. Yakutsk: Inst. gumanit. issled. publ. Print. (In Yakut)
13. Gerasimova, E.S. 2019. "Vklad kafedry stilistiki yakutskogo yazyka i rusko-yakutskogo perevoda IYaKN SVRF v razvitie perevodcheskogo obrazovaniya v Respublike Sakha (Yakutiya)". *Perevod v polikul'turnom yazykovom prostranstve Rossiiskoi Federatsii: potentsial i perspektivy* Proceedings. Yakutsk, Apr., 12—13 2019. Yakutsk: Izdatel'skii dom SVFU publ. (In Russ.)

14. Ivanova, S.V. 2019. “Rol' perevoda v formirovanii ofitsial'no-delovogo stilya v yakutskom yazyke”. *Perevod v polikul'turnom yazykovom prostranstve Rossiiskoi Federatsii: potentsial i perspektivy Proceedings*. Yakutsk, Apr., 12—13 2019. Yakutsk: Izdatel'skii dom SVFU publ. (In Russ.)
15. *Perevod v polikul'turnom yazykovom prostranstve Rossiiskoi Federatsii: potentsial i perspektivy Proceedings*. Yakutsk, Apr., 12—13 2019. Yakutsk: Izdatel'skii dom SVFU publ. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Васильева Акулина Александровна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода Института языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова. E-mail: vaaperevod@mail.ru

SPIN-код: 9851-6331

ResearcherID: AAB-1348-2019

Bio Notes:

Akulina A. Vasil'eva is a Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Stylistics of the Yakut Language and Russian-Yakut Translation, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov. E-mail: vaaperevod@mail.ru

SPIN: 9851-6331

ResearcherID: AAB-1348-2019

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4-368-392

Научная статья

Стратегии перевода текстов коренных малочисленных народов Дальнего Востока России

М.В. Осипова

Музей антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера),
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3
✉ ainu07@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема использовавшихся стратегий перевода текстов, записанных путешественниками, исследователями и написанных профессиональными авторами на языках коренных народов Дальнего Востока Российской Федерации за последнее столетие. Необходимость рассмотрения этой проблемы вызвана ее абсолютной нерешенностью. В последнее время появляются статьи, в которых в том или ином контексте упоминаются проблемы, связанные с переводом на русский язык произведений, написанных на языках коренных малочисленных народов России. Однако в настоящее время нет работ, в которых бы освещались вопросы, связанные с тем, как и кем создавался корпус переводных текстов в прошлом и каким образом он формируется сегодня, какими способами перевода пользовались переводчики. Существующий корпус переводных текстов подразделяется на два вида: тексты, записанные и переведенные учеными, миссионерами и краеведами; тексты, созданные самодельными и профессиональными писателями и переведенные профессиональными переводчиками или писателями. Определить временные этапы создания переводных текстов, этапы создания корпуса переведенных текстов с языков коренных малочисленных народов Дальневосточного региона, определить продуктивные способы перевода, стратегии перевода — цель представленной статьи. В работе использовались сравнительно-исторический и герменевтический подходы, а также сопоставительный анализ и описательный метод.

Ключевые слова: перевод, коренные малочисленные народы Дальнего Востока, родные языки, фольклор, нарративы, литературные произведения

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 26.07.2021

Дата принятия к печати: 26.09.2021

Модератор: О.А. Валикова

Конфликт интересов: отсутствует

© Осипова М.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования:

Осипова М.В. Стратегии перевода текстов коренных малочисленных народов Дальнего Востока России // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 4. С. 368—392. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4-368-392

Research Article

Strategies of the Texts Translation Published on the Languages of the Indigenous Peoples of the Russian Far East

M.V. Osipova

Museum of Anthropology and Ethnography RAS (Kunstkamera),
3, Universitetskaya emb., Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation
✉ ainu07@mail.ru

Abstract. Lately more and more articles are published, in which the problem of translation the works written in the native languages of the indigenous peoples of Russia are touched upon. Their authors (Yu.V. Limorenko, A.M. Kotorova, N.Ya. Bulatova etc.) emphasize the importance of such translation in popularization the cultural heritage of these peoples. However there isn't any research that highlights the questions of creation of the corpus of translated texts, what kind of methods and strategies were used by translators. It should be mentioned that that the corpus of translated texts can be divided into two types. The first type includes texts written and translated by scientists, missionaries and historians. To the second type belong texts translated by amateur and professional writers. That is why the aim of this article is to answer the question about the stages of the creating of the corpus of the translated from the native languages texts, to determine the most productive methods of translation and to find out what strategies of translation were used by the translators — whether they used their own knowledge of the native languages or interlinear translation, or processed the translation made by the author himself. To achieve this aim the comparative-historical and hermeneutic approaches are used.

Key words: translation, indigenous peoples of the Far East, native languages, folklore, narratives, literary works

Article history:

Received: 26.07.2021

Accepted: 26.09.2021

Moderator: O.A. Valikova

Conflict of interests: none

For citation:

Osipova, M.V. “Strategies of the Texts Translation Published on the Languages of the Indigenous Peoples of the Russian Far East”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (4), 368—392. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4-368-392

Введение

В свое время Ю.А. Сорокин назвал перевод одной из форм взаимодействия культур, которая дает представление об иной культуре, отличной от собственной [1. С. 15]. Перевод способствует не только пониманию, но и культурному взаимообогащению народов, а переводческую деятельность с полным правом можно назвать двигателем межкультурной коммуникации.

Российская Федерация — государство многонациональное, и воспитание культуры межнационального общения играет здесь ключевую роль. В этом процессе неопределимое значение приобретают фольклорные и литературные произведения, где отражены особенности менталитета, материальной и духовной культуры людей, говорящих на том или ином языке. Но прежде чем говорить о переводе текстов с языков коренных народов России, необходимо определить корпус переводных текстов тех народов, о которых будет идти речь.

Дальний Восток России — это регион, в состав которого входят Забайкалье, Республика Саха (Якутия), Хабаровский, Приморский, Хабаровский, Камчатский края, Амурская, Сахалинская, Магаданская области, Еврейская автономная область и Чукотский автономный округ. На этой обширной территории проживают представители шестнадцати национальностей из числа коренных малочисленных народов, языки которых принадлежат к разным языковым семьям. Тунгусо-маньчжурская языковая семья объединила эвенков и эвенов, нанайцев, ульчей и негидальцев, орочей и удэгейцев, уйльта/ороков и тазов. На так называемых палеоазиатских (палеосибирских) языках говорят юкагиры, коряки, чукчи, эскимосы и алеуты. К изолированной группе языков относятся нивхский, айнский и ительменский¹. На протяжении столетий дальневосточные народы оставались бесписьменными и единственной формой бытования их богатого фольклорного наследия была его передача из уст в уста. Первые и, к сожалению, единичные, зафиксированные путешественниками и исследователями тексты национальных языков в переводе на русский язык появились еще в XVIII веке. Но до сих пор не опубликовано ни одного исследования или хотя бы аналитической статьи, в которых бы рассматривался процесс их перевода, использовавшиеся стратегии и методы. Эта тема не получила осмысления в переводоведческой науке. Эта статья — попытка найти ответы на вопросы об основных этапах становления переводческого процесса национальной литературы, о том, какие тексты, кем и каким образом переводились на русский язык. Использование описательного метода и метода сопоставительного анализа в рамках сравнительно-исторического и герменевтического подходов позволят найти ответы на вышеупомянутые вопросы.

Обсуждение

Процесс письменной фиксации текстов и их переводов на русский язык в своем развитии прошел несколько этапов. Первый этап появления записанных мифов, легенд, сказаний и их переводов на русский язык датируется концом XIX — началом XX века, когда Дальний Восток России стал местом ссылки народоволь-

¹ В отношении ительменского языка мнения ученых расходятся, его относят как к палеоазиатской, так и к изолированной группе языков.

цев, выступавших против политики, проводимой царским правительством. Этот этап тесно связан с именами выдающихся отечественных исследователей северных народов В.Г. Богораза (1865—1936), В.И. Иохельсона (1855—1937), Л.Я. Штернберга (1861—1927), российско-польского исследователя Б.О. Пилсудского (1866—1918). Попад в места компактного проживания коренных народов и овладев их языками, они оставили многочисленные фольклорные записи и их переводы не только на русском, но и английском языке.

В конце XIX века начинает свою работу Общество изучения Амурского края (ОИАК). В его состав входили этнограф и писатель В.К. Арсеньев (1872—1930), педагог С.Н. Браиловский (1861—?), исследователь Сибири и Дальнего Востока Н.Л. Гондатти (1841—1946), генерал-майор С.Г. Леонтович (1862—?), этнограф И.А. Лопатин (1888—1970) и многие другие, в чьих этнографических записках имеются образцы фольклорных произведений коренных народов.

На этом этапе заметную роль в сборе и переводе текстов коренных народов и создании азбук, играли священнослужители русской православной церкви. Стоит назвать митрополита Иннокентия (И.Е. Вениаминов), о. А. и П. Протодиаконовых, о. М. Петелина, о. С. Попова и др. Эти люди, овладев языками окормляемых ими народов, даже сделали переводы церковных текстов с русского на национальные языки.

Второй этап охватывает большой временной промежуток и характеризуется наличием уже двух взаимодополняемых корпусов текстов на родных языках с их переводами на русский язык. Это, во-первых, записанные учеными-фольклористами образцы устного народного творчества и, во-вторых, литературные произведения тех, кто получил общее или специальное литературное образование. Этот этап взял свое начало в 1920-х годах и завершился с окончанием XX века. Он связан с установлением Советской власти на дальневосточных территориях, повышенным вниманием к изучению материальной и духовной культуры проживающих в этом регионе аборигенов, а также с образовательной политикой в отношении коренных народов.

В июне 1924 года Президиум ВЦИК принял решение о создании Комитета содействия народностям северных окраин (Комитет Севера), в работе которого помимо советских и партийных деятелей приняли участие ученые В.Г. Богораз и Л.Я. Штернберг. Через год такие комитеты уже были созданы на местах. Они оказывали посильную помощь отправлявшимся в дальневосточные края научным экспедициям. В сопроводительных документах ученых говорилось, что «для более плодотворной работы среди туземцев нужно использовать материалы этнографистов, это даст большую пользу» [2. Л. 50—51].

В составе экспедиций были лингвисты — ученики Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораза — Г.М. Василевич (1895—1971), В.А. Аврорин (1910—1977), Е.А. Крейнович (1906—1985), В.И. Цинциус (1903—1981), К.М. Мыльникова-Форштейн (1899—?), А.С. Форштейн (1904—1968), С.Н. Стебницкий (1906—1941), Е.Р. Шнейдер (1897—1938). В это же время активную исследовательскую работу среди нанайцев вели Н.А. Липская-Вальронд¹ (1895—1942) со своим мужем А.Н. Липским

¹ К сожалению, многочисленные тексты на нанайском языке, записанные Н.А. Липской-Вальронд на латинице и хранящиеся в архиве МАЭ, до сих пор не переведены на русский язык.

(1890—1973). Учеными был собран богатейший материал, легший в основу фольклористики северных народов. Например, только В.И. Цинциус и К.М. Мыльниковой-Форштейн у негидальцев было записано свыше 320 образцов фольклора, из них 150 сказок и преданий, 70 песен, 60 загадок, 20 различных табу-запретов [3. С. 50—54]. Учеными были опубликованы не только образцы устного народного творчества, но и нарративы — семейные предания о происхождении того или иного рода, описания способов охоты и рыбалки и т.д. Выполняя решение I Краевого съезда Советов Дальнего Востока о создании письменности на языках народов Севера, практически все перечисленные лингвисты стали авторами азбук для языков КМНС.

Большую роль в деле просвещения коренных народов и становления национальных кадров сыграл основанный в 1929 году Институт народов Севера (ИНС) в Ленинграде. Благодаря этому появились писатели из числа КМНС.

Третий этап, взявший свое начало в XXI веке, продолжил традиции второго — это записи текстов, но уже с переводом на русский язык не только отечественными, но и зарубежными исследователями, а также корпус текстов, опубликованных носителями языков с авторскими переводами.

Для записи текстов на языках коренных народов требовалось главное — знание этих языков. Но к концу XIX века каких-либо материалов или учебных пособий по языкам дальневосточных народов не существовало. Казаки, путешественники, миссионеры, а позднее ученые (Н. Витсен (1641—1717), Г.Д. Мессершмидт (1685—1735), Ф.И. Страленберг (1676—1747), М.А. Кастрен (1813—1852), Л.И. Шренк (1826—1894), Р.К. Маак (1825—1886), Г.Л. Майдель (1835—1894), А.Ф. Миддендорф (1815—1894) и др.), побывавшие на этих территориях, в лучшем случае составляли словники, необходимые для общения с аборигенами.

В 1934 году отечественный этнограф и тунгусо-маньчжуровед, директор Института народов Севера Я.П. Кошкин (Алькор) писал: «Большую роль в изучении “палеоазиатских” языков сыграла группа народовольцев (В.Г. Богораз, В.И. Иохельсон и Л.Я. Штернберг¹), сосланных царским правительством. Луораветланский, нымьланский² и ительменский языки изучались В.Г. Богоразом, который в полном смысле этого слова может считаться пионером луораветланско-нымьланско-ительменского языкознания... Одульский и унанганский³ языки изучались В.И. Иохельсоном. Нивхский язык изучался Л.Я. Штернбергом» [4. С. 3].

Политические ссыльные, оказавшиеся в дальневосточных краях, не имели специальной лингвистической подготовки. Они, выучив языки «со слуха», преодолевая трудности морфологии, синтаксиса и фонетики языков аборигенов, смогли оставить теоретические материалы по языкам северных народов, а также богатейшее наследие образцов устного народного творчества нивхов, айнов, оро-

¹ В этом списке отсутствует фамилия Б.О. Пилсудского, так как он был поляком, сосланным за революционную деятельность и после отбытия ссылки вернулся на родину.

² Луораветланский (от самоназвания народа *лыгьгоровэтльэн йиэлийиэ*) — чукотский язык; нымьланский — один из диалектов корякского языка, на котором говорят оседлые (*нымным*) коряки.

³ Одульский — язык колымских (лесных) юкагиров; унанганский (от самоназвания народа *унауам тунуу*) — алеутский язык.

чей, нанайцев, эскимосов, чукчей, коряков и ительменов, переведенное на русский язык.

Л.Я. Штернберг, записавший 75 текстов поэм, сказок, песен, преданий, молитв на нивхском языке, считал, «что без основательного знания языка подлинная жизнь заинтересовавшего меня племени, особенно ее психические стороны, останутся для меня сокрытыми» [5. С. VIII]. Его поддерживал В.Г. Богораз, подтверждая, что «язык является не только орудием для общения с туземцами без посредства переводчиков, часто небрежных и невежественных, он составляет лучшее средство для познания самой народности...» [6. С. 85].

Запись текстов учеными-европейцами была сопряжена с большими трудностями. Л.Я. Штернберг вспоминал, что ему приходилось постоянно спрашивать своих информаторов о способе произнесения того или иного звука нивхского языка. Он даже прибегнул к помощи Б.О. Пилсудского, дав тому задание записывать тексты параллельно с ним. Но мнение ученых о произнесении того или иного слова часто не совпадало, что усложняло работу. Запись текстов велась кириллицей с использованием отдельных латинских букв и диакритических знаков.

Намгур'мар'

Кінах намгур'мар'воџн-чоңхр'-вај фіт хупывуфкѐ. Кең меҳр', лоң меҳр'; тулф ахр'тівра, толф ахр'кхавра; џна ахр'панді-лу; панд кхавр'мурá, тулф ахр'кыңгың мура. һар'наф-нан јаџх хемі кара.

Две синицы

Первоначально две синицы под кровом кочки жили, долго жили. Два солнца, две луны (*были*); зимою (тоже) холодно было, летом (тоже) жарко было; зверя (тоже) не родилось; родившееся от жары умирало, зимою (тоже от мороза умирало. Вот теперь младший брат вверх (*по реке*) поднялся, старший брат вниз (*по реке*) спустился [5. С. 150].

Ученый дал подробное описание процесса перевода записанных им текстов на русский язык: «Перевод текстов сделан мною почти дословно, причем я употребил все усилия, чтобы он в то же время по возможности передавал ясно дух и смысл подлинника. Все слова русского текста, не соответствующие буквально подлиннику или введенные только для ясности или по неизбежным требованиям русского языка, как напр., отсутствующие в гиляцком¹ союзы и т.п., напечатаны курсивом» [5. С. XXII].

Кроме того, в процессе перевода Л.Я. Штернберг осознал необходимость этнографического комментария к нивхским сказаниям. Поэтому каждый текст он постарался снабдить подробными примечаниями, разъясняющими особенности материальной и духовной культуры народа, упомянутые в легенде. К вышеприведенному абзацу кроме пространный пояснения ко всему тексту о происхождении мифа автор привел и постраничные пояснения, например: «стр. 1 — Намгур' — синица, *Parus palustris*, var. *borealis*; стр. 2. воџн-чоңхр'-вај — “под кровом кочки” букв.: “под головкой кочки” — воџн — “кочка на тундре”». Благодаря тундровой влаге и тени от кочки, синицы, устроившие свое гнездо в нижней части кочки, легко укрывались в течение дня от невыносимого жара двух солнц [5. С. 156].

¹ Гиляцкий (устар.) — нивхский язык.

В.Г. Богораз начинал свою работу несколько иначе. Запись и перевод чукотских текстов происходили следующим образом. Под диктовку своего переводчика и других рассказчиков он записывал сначала отрывок текста, «потом составлял приблизительный перевод, подвергал каждое слово подробному грамматическому разбору, уясняя себе соотношение слов и вместе с тем придавая переводу точность». Он работал таким образом в течение полутора лет, пока полностью не овладел основами чукотского языка. Ученым было записано 48 чукотских текстов с подстрочным переводом, 96 пересказов только на русском языке и 24 пересказа, записанных в сотрудничестве с переводчиком [7. С. 2—3].

Записывая эскимосские тексты, по словам известного лингвиста-североведа И.С. Вдовина (1907—1996), обрабатывавшего архив В.Г. Богораз, Владимир Германович сначала составлял русский фразник, а затем переводил его на эскимосский язык. Помогал ему в этом переводчик-эскимос Аканкау, владевший и чукотским, и русским языками. Овладев эскимосским языком, в дальнейшем ученый сразу записывал диктуемый ему текст латиницей, делая подстрочный перевод и позже обрабатывая его литературно. Например, «Сказка о Вороне и Волке» была записана следующим образом:

I'mnañuk Mi'taxluk is'ta'arakuk p'na'mi, ču'na ñuk tana
Ukuyu'xuk Mi'taxluk cituxra'arakuk p'na'xlurmi, lu'ur kun am ta'na
I'mmiñux Mi'taxluk s'itirčaxti'kaxtix p'na'ni, s'un ñux ta'na
E'nmen Ve'le nira'lêčêtqên ê'nmik, lu'ur qun ŷmenqa'n Ama'xlak.

Однажды Ворон катался с горы, также тот Волк.

Лит. — Ворон катался с горы [8. С. 12—13].

Однако все свои записи В.Г. Богораз обработать не успел. История сохранила имена тех, кто сделал переводы эскимосских текстов на русский язык. Это были студенты Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) государственного университета Аяутка и Уйгахпак, а также м.н.с. кабинета северных языков Института языка и мышления им. Н.Я. Марра (ныне ИЛИ) Е.С. Рубцова [9. С. 22—24]. Тексты, записанные В.Г. Богоразом на ительменском языке хранятся в архиве РАН в Санкт-Петербурге, они еще ждут своих переводчиков.

Исследователь юкагиров, коряков и алеутов В.И. Иохельсон оставил в наследство обширный этнографический и фольклорный материал, отражающий культуру перечисленных народов. Во время этнографических экспедиций им было записано: на алеутском языке — 131 образец устного народного творчества с переводом на русский язык, сделано 96 фонографических записей; 41 рассказ на ительменском языке; предания на диалектах юкагирского языка с переводом и без перевода на русский язык, шаманские камлания, песни, загадки юкагиров, более 30 преданий и песен коряков.

Все материалы этого исследователя при его жизни были опубликованы за рубежом, и только с наступлением перестроечных времен они увидели свет в нашей стране. В 1997 году был переведен на русский язык и напечатан его труд «Коряки», к сожалению, без упоминания фамилии переводчика английского текста. В 2005 году увидела свет монография «Юкагиры и юкагиризированные тунгусы», где переводчиками с английского языка выступили кандидат искусствоведения В.Х. Иванова и заслуженный деятель искусств России З.И. Иванова-Унарова,

финансовую поддержку которым оказал Фонд Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров. В книге приведены фольклорные тексты юкагиров, говоривших на двух диалектах юкагирского языка — колымском (К) и тундренном (Т). Запись текстов и способов их перевода совпадает с теми, которыми пользовался В.Г. Богораз. Сначала записывалось предложение на юкагирском языке, затем давался подстрочный перевод, а после полной записи шел литературно обработанный текст.

К. Шэун-пан-ч'олэды
Т. Анаан-мархэл-коровал

О Камне-Девушке-сказка

К. Полундиэ лэчи тэрикэни. Атахун марх'улэ
Т. Полудиэ лэчи аапанаалаанэн. Кин мархилэк
Старик жил женатый (с женой). Двух девочек
К. марх'уонэн. Йалмашттэги йукуодьэд уок ан мархилэкь.
Т. мархилнэн. Йалмаштэги йукудуокь вай п'адидуокь.
как дочерей. Третье его малое дитя тоже девочка (была)
он имел.

Сказка о каменной девушке

Жил-был старик. Он был женат и имел трех дочерей [10. С. 387—388].

В 2014 году на русский язык в переводе и под редакцией К. Халоймовой, М. Дюрра и Э. Кастена вышла в свет книга ительменских сказок, записанных В.И. Иохельсоном. Переводчики последнего издания отметили те трудности, с которыми им пришлось столкнуться. Дело в том, что современный язык и язык, на котором были произведены записи текстов, имеют существенные отличия. За сто лет, прошедших с момента записи, произошли изменения в звучании, грамматическом и лексическом строе языка, вышли из употребления отдельные слова. Кроме того, автор не дал пояснений, на каком диалекте ительменского языка был записан тот или иной текст. Переводчики сетовали и по поводу того, что ученый, «транскрибируя тексты латинскими буквами, в недостаточной степени воспроизвел важные звуковые различия» и им часто приходилось применять смысловой перевод [11. С. 6, 8], например:

Чээлкутх эк вапаџамталха'н
Ксуњлџзукнэн Чээлкутх.
Энна ксваталџзокнан Кутхэн п'эчэнк Синаџэвтэнк. Квэтатџзокнан.
5 Инкэмл у'э'н ктмплџзу'ин.
Чээлкутх кџалџкнан Синаџэвтэнк.
Халч йэџ ксуњлџзукнэн.
џэчик кхаймаџтоџзокнан.
Синаџэвт к'ахскнан.
Челькутх и девушки-мухоморы
Жил-был Челькутх.
Посватался он к дочери Кутха Синаневт, работал для нее,
5 много дров приносил.
Челькутх, наконец, женился на Синаневт.
Стали они жить,
много веселились.
Родила Синаневт [11. С. 12, 13].

Судьбу трудов В.И. Иохельсона разделили и материалы, собранные Б.О. Пилсудским. Даже само имя исследователя в СССР нигде не упоминалось. При жизни автора материалы по айнскому языку и фольклору были опубликованы за границей (в Польше и США) на английском языке. Сегодня мы имеем возможность прочесть и услышать все, что было собрано и записано исследователем от носителей нивхского, айнского, уйльтаинского языков в русском переводе. А это 378 страниц нивхских фольклорных текстов, 870 страниц айнских текстов, 13 страниц текстов уйльта/ороков, 30 фонографических валиков с айнскими песнями и сказками [12. С. 9—10].

Нивхские тексты записывались Б.О. Пилсудским кириллицей, рядом с текстом располагался его подстрочный перевод, после текста шли пояснения, например:

Гиляцкие песни старинные

№ 1

Немк — хун	Моя мать с отцом и
нершге {?}	отец мой с матерью,
/пиһия/	/убей себя (мне говорили),
нзята ни нета/	меня били, меня ругали,
/ый яе босько/	/ох мое горе.
/млых — тох па коһо	В загробную жизнь только мысли мои
вьльно	направляю,
/ый яе һосько/	/ох мое горе.
Чи мандзю наирш	В то время, как ты в Манчжурию
тай һосько	поехал,
пиһыныһра	я в твое отсутствие убью себя
/ый яе босько/	/ох мое горе./

В пояснениях, данных перед текстом, исследователь сообщил, что речь в песне будет идти о женщине, которая, забеременев от дяди, в целях искупления своей вины решила на самоубийство. Чтобы понять смысл песни, необходимо знать, что суицидальные наклонности были присущи нивхам. Поэтому в их фольклорных текстах часто встречается такой сюжет, о чем хотел сказать Б.О. Пилсудский [13. С. 5—6].

Если к нивхским текстам автором дан только подстрочный перевод, то к айнским имеется еще и литературный:

№ 1. Твита

1. Эрүму о́хаё ан; синэ-то окаян, тунака́й ну́со анахкопа́, я́ук/
Крыса самец жила, однажды сидела, оленью нарту запрягла, закру-
2. кари_кари макан эрүму ну́со цяхкопа́ сюй яуку кари_кари конуци
жилась; пошла, крысиную нарту запрягла, также закружилась, по-
3. ну́со цяхкопа там поро́ сунку анкосина,
там левых мышей нарту запрягла, к этой большой ели привязала,
4. циэһанука́ рэпа-ась цивэн рья́ руси́ ци
шатается (дерево); я села на нарту своей старой шубы полы
5. пота́_пота́ така-рысь-ась пае-ась;
болтаются, отвязала нарту я, поехала;

[Жила-была крыса. Однажды, собравшись для обычного своего промысла в дорогу, запрягла она оленью нарту. Запутались олени, и бросила их крыса. Запрягла она в

нарту крыс, но и те закружились тут же на месте; тогда крыса запрягла полевых мышей. Привязанные к большой ели, пока крыса надевала на себя платье, они дергали так сильно за веревку, что дерево шаталось от основания до верхушки. Но вот уже нарта отвязана, и помчалась крыса вихрем, лишь полы ее старой шубенки развеваются.]

Айнские тексты тоже были снабжены примечаниями [14. С. 22—23].

Миссионеры, отправлявшиеся в места проживания северных народов, не всегда проявляли интерес к их жизни, но среди этих людей встречались и те, кто, объезжая стойбища местных жителей, делали и этнографические, и лингвистические записи, составляя небольшие словники или переводя тексты молитв с русского языка на языки местных жителей. В 1812 году священнослужителем А. Трифоновым были переведены на чукотский язык ряд молитв и христианских заповедей. В.Г. Богораз вспоминал о А. Аргентова (1816—1896) и о Михаила Петелина, подарившего ученому словарь чукотского языка, который, по словам Богораза, представлял собой «грязную тетрадку в восьмушку, писанную карандашом», где «русские слова списаны из русско-немецкого словаря Рейфа... представлявшего собой чудо безграмотности... Эти немецко-славянские перлы отец Михаил старался перепереть на чукотский язык, разумеется, при помощи казака-переводчика» [15. С. 72—73]. В 1898 году словарь о. М. Петелина был издан, но из-за многочисленных ошибок востребован не был.

Но были среди священнослужителей и настоящие подвижники. К таким людям относился первый православный епископ Камчатки, Якутии, Приамурья и Северной Америки миссионер И.Е. Попов (Вениаминов), а впоследствии Митрополит Московский и Коломенский Иннокентий, прославленный в лике святителей как апостол Сибири и Америки. Его «Записки об островах Уналашкинского отдела» представляют собой энциклопедию о жизни алеутов в XIX в. В этом труде есть глава, посвященная особенностям алеутского языка, его диалектам, грамматическому и морфологическому строю. Святителем Иннокентием были записаны предания и сказки алеутов, но на русском языке. На алеутском языке в подстрочном переводе на русский даны примеры песен:

А́нгин ангитаку́кинáн, у́яя.	Душа моя, душа во мне есть, вот.
Кагнáнин кагнахтаку́кинáн, у́яя.	Кости мои, кости во мне есть, вот.
у́льлюн у́льлюхтаку́кинáн, у́яя.	Тело мое, тело у меня есть, вот.
И́мин илгаса́дан, и́мин укуса́дан.	Тебя я ищу, тебя стараюсь увидеть.
Тага нún тунú тунúда, 'игамáн нún и́да.	Но говори мне, добро, мне скажи.

[16. С. 264—298].

Кроме переводов с алеутского языка, остались выполненные святителем переводы с русского на алеутский язык Евангелия от Матфея, Христианского краткого Катехизиса. Им было составлено поучение под названием «Краткое показание пути к Царствию Небесному». Миссионер отмечал, что многие алеуты «весьма охотно читают переведенные для них книги» [16. С. 163—164].

Исследований по тунгусо-маньчжурским языкам в дореволюционный период, сопоставимых по значимости с исследованиями палеоазиатской группы языков, практически не было. Это в основном опубликованные священниками (А. и П. Протодияконовы и С. Попов и др.) и краеведами (К.Д. Логиновский, В.П. Маргаритов, В. Грубе, К.И. Максимович, И.П. Надаров и др.) словники.

Например, действительный статский советник В.П. Маргаритов (1854—1916), побывав у орочей Императорской Гавани, составил русско-орочско-маньчжурский словник и записал три сказки о медведе, но их вариантов на орочском языке не привел. В статье дан сразу литературно обработанный перевод на русский язык [17. С. 33—36]. Профессиональный военный капитан С.Г. Леонтович (1862—?), увлекшись этнографическими исследованиями, составил и опубликовал Русско-ороченский словарь с грамматическим комментарием.

Что касается трудов ученых, то здесь можно назвать, во-первых, записи по грамматике и лексике эвенкийского языка *Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis* М.А. Кастрена (1813—1852) с включением слов, записанных А.Ф. Миддендорфом (1815—1894), Г.И. Спасским (1783—1864) и Г. Герстфельдом; Тунгусский словарь Р.К. Маака (1825—1886), включавший в себя слова из языков манегров, орочен, вилюйских тунгусов и тунгусов среднего и нижнего Амура. Он был опубликован в качестве приложения к его книге «Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела Русского географического общества, в 1855 году, Р. Мааком» (1859). Востоковед и этнограф П.П. Шмидт (1869—1938), профессор Восточного института, в 1908 году собрал материал по тунгусо-маньчжурским языкам, в частности, по ульчскому, негидальскому, орочскому, языку нанайцев-самагиров и позже опубликовал ряд статей на английском языке, включавших помимо описания особенностей языков, небольшие словники — ульчско-английский, негидальско-английский и т.д. Записанный антропологом и этнографом И.А. Лопатиным (1888—1970) фольклор нанайцев публиковался на русском языке, а собранные в 1924 году у орочей сказки и предания были опубликованы в Швейцарии на английском языке в 1957 году.

Большой интерес представляет монография лингвиста-монголоведа Н.Н. Поппе (1897—1991) «Материалы для исследования тунгусского языка» (1927). Ученый, сотрудничая со студентом-эвенком П.Н. Барановым, записал тексты на языке баргузинских эвенков и словарь. О способе перевода текстов автор сообщил следующее: «Относительно перевода следует заметить, что по возможности, всюду дается дословный перевод, вследствие чего он с литературной точки зрения должен быть признан неудовлетворительным» [18. С. 4—5]. Несмотря на суровую оценку полученного результата, тексты вполне понятны.

Нимцакәwун

Умун беје урӓнче печӓн бипечӓн
ah̄ja uwej ilan omolgiči. Умнӓкӓн
омолгиһолтикӓwi гӓнчӓн: «атиркӓnewi
гелӓкте», гӓние, «ilallal̄ ehikiф
мучӓра, акӓндигӓһун гелӓктӓнӓн дӓлачӓ
jӓптӓклӓн!».

Сказка

Жил был один человек без жены с тремя сыновьями. Однажды он сказал своим сыновьям: «Пойду искать себе жену; если я по прошествии трех дней не вернусь, пусть старший из вас пойдем искать (меня) в сторону восхода солнца!»

[18. С. 18]

Свою скромную лепту в тунгусо-маньчжуроведение смогли внести Л.Я. Штернберг и Б.О. Пилсудский. Первый оставил словник по негидальскому, второй — по ульчскому языку, включив туда слова из языка уйльта/ороков.

По определению Святейшего Синода 1858 года был издан тунгусский букварь о. Стефана Попова с проповедями на эвенкийском языке с переводом на русский,

а в 1859 году Краткий тунгусский словарь. Первым ороческим словарем стал Краткий русско-ороченский словарь о. А. Протодияконова, в котором была отражена лексика амурских орочей. Брат о. Александра, о. Прокопий Протодиаконов опубликовал в 1884 году для нанайских детей «Гольдскую азбуку для обучения гольдских и гиляцких детей: По слуховому способу», в которой были представлены тексты на родном языке, записанные кириллицей с переводом на русский, например:

Ага, нэу ду биче ом нючи токи. Монэ дола сори: уйги токи. Монэ монэ бару гали, та? Минду буру, ми токи. Аба, ыи си токи биси минду бугу. Эни дидче, токи чиха, уйги да биси очуха ый токи.

У двух братьев была одна маленькая нарта. Они ссорились между собою: чья нарта? Друг у друга отнимали. Отдай мне; моя нарта. Нет, эта нарта не твоя, отдай мне. Пришла мать, отняла нарту, ничья оказалась эта нарта.

[19. С. 31—32]

Кроме составленной азбуки о. Прокопий оставил записи нанайских песен, былей и сказок с переводом на русский язык:

Дубилам хасэ

Джари касатыйду

Соляди, хыдеди дидче гурун улен дольджесу ми джариво. Ангма абальту, хэсэ анам да оди ахсара. Сонггуми элэ дидчембе. Тэку нырэк тэкэха, геуль гисаха, гоун гайбуха. Тундахамбе.

Красноречие, прибаутка.

Песня во время касатывания шамана

Сверху и снизу (по течению реки) приехавшие люди хорошенько слушайте мою песню. Голосу не достает, хотя без слов (не красноречиво), пожалуйста не сердитесь. Со слезами едва приехал. Две лодки продавилось, весла изгреблись, шест иступился, и я здесь очутился.

[20. С. 1]

Если рассматривать те способы перевода, которые использовали первые собиратели текстов коренных народов, то основными можно считать буквальный или пословный, когда с предельной точностью, «строка в строку» и «предложение в предложение», передавалась структура предложения с сохранением в большинстве случаев порядка слов, что ясно демонстрируют приведенные примеры. Результатом такого перевода был «подстрочник», в котором не всегда соблюдались нормы и правила русского языка. Однако это не влияло на понимание общего смысла текста. Но для того, чтобы такой текст, содержащий порой экзотическую этнокультурную информацию, был полностью понятен инокультурному читателю, он обрабатывался литературно, с использованием средств русского языка.

Следующий период появления переведенных с родных языков текстов характеризуется наличием двух их видов. Это ставшие уже традиционными фольклорные тексты с переводами, подготовленными учеными и тексты, созданные представителями КМНС, основоположниками национальных литератур.

Основы параллельной записи текстов на языках бесписьменных коренных народов Дальнего Востока с русским подстрочником и последующей литературной обработкой или без таковой были заложены в конце XIX — начале XX века политическими ссыльными и миссионерами, находившимися в местах компакт-

ного проживания аборигенов. Эта практика была продолжена теперь уже профессионалами — учеными-лингвистами и этнографами в советский и постсоветский периоды времени.

В течение многих лет упомянутые ранее этнографы-лингвисты, ставшие преподавателями Института народов Севера, публиковали собранные ими во время экспедиционной работы 1925—1931 годов материалы. Записанные Г.М. Василевич на латинице эвенкийские (тунгусские) сказки и предания с переводом на русский язык увидели свет впервые в 1936 году и позже были переизданы с дополнениями уже в 1966 году. Редактор сборника Я.П. Алькор так отозвался о тех условиях, в которых Г.М. Василевич собирала материал: «Этой энтузиастке изучения эвенков и в частности их фольклора удалось во время своих многочисленных экспедиций на Север, в труднейших условиях передвижения, то верхом на оленях, то в углой лодке, собрать ценнейший фольклорный материал» [21. С. 1]. Автором была проделана огромная работа — подготовлен перевод, пояснения к тексту и сноски:

Hulakī

Kōkšicān gūnən: “Hulakīja! Kōkcaŋāt āmuttu!” āmut buldiməktə, hōmama buldiməktəkən. Kōkcalinə, kōkšicān hūḡḡrən hulakīnun dūktə. Kōkšicān dəŋməl ūaana, hulakī pkašītri halgardīwi.

Лисица

Пташка сказала: «Лисичка! Попрыгаем (пощелкаем лапками) по озеру!» Озеро покрыто шугой, сильно покрыто шугой. Отправились прыгать, пташка пошла с лисицей вместе [21. С. 7].

За время годичного пребывания у негидальцев К.М. Мыльниковой-Форштейн и В.И. Цинциус был собран значительный материал по устному творчеству народа. Небольшая часть текстов на негидальском языке с параллельными текстами на русском языке увидела свет в 1931 году, но большая их часть была опубликована лишь в 1982 году в монографии В.И. Цинциус «Негидальский язык». Исследователь подробно рассказала о примененных ею принципах перевода негидальского текста. Она писала, что перевод на русский язык осуществлялся с учетом синтаксических особенностей оригинала, т.е. с сохранением сказуемого в конце предложения. Включая в переведенный на русский язык текст отсутствующие в негидальском языке союзы, она заключала их в квадратные скобки, а пояснения к отдельным словам — в круглые. Заголовки, обычно отсутствующие в негидальских преданиях и сказках, В.И. Цинциус давала по первой фразе оригинального текста или по основным его персонажам.

№ 31. Оли, хиүбчән

Омон хагдундү омон хиүбчән, омон олү балдичäl. Ти биси. Олү ахинмā, хиүбчән нэхунмā. Ти-и биси. Тоүотин зегдэйэн, ти зегдэмү зегдэйэн, долбони инэңзиниžин зегдэйэн. Нō сигдэ, ти биси. Даүа бисим-ну, гойо бисим-ну, ти бидиүитин. Нō сигдо, даүа бисим-ну, гойо бисим-ну, ти биси, омон хиүбчән, омон олү ти бидиүитин.

№ 31. Ворон и коршун

В одном зимнике один коршун [и] один ворон живут. Так живут. Ворон — старший (тот, который старше), коршун — младший (тот, который младший). Так живут. Огонь

у них горит, так горя, горит, день и ночь горит. Ну вот так живут. Долго ли, коротко ли, так живут, один коршун [и] один ворон так живут [22. С. 157].

Е.А. Крейнович, попав к нивхам Сахалина, по совету Л.Я. Штернберга сосредоточился на сборе фольклорного и этнографического материала. Как вспоминал сам ученый, им было записано на сахалинском и амурском диалектах 66 преданий, 10 сказок, 5 песен, 3 любовные песни, 30 загадок, а также ритмические песенки, исполняемые во время «медвежьего» праздника¹ [23. С. 45]. С.Н. Стебницкий, находясь в этнографической экспедиции на Камчатке, собирал фольклор коренных народов, на основе которого по прибытии в Ленинград написал несколько книг для детей, опубликованных на русском языке. Е.Р. Шнейдер, будучи руководителем Амурско-Уссурийской экспедиции Русского музея, в 1927 году собрал языковой материал для краткого удэгейско-русского словаря и для книг «Материалы по удэгейскому языку» и «Материалы по языку анюйских удэ»². Вслед за Е.Р. Шнейдером в 1936 году у самаргинских удэгейцев побывала его ученица Е.Н. Баскакова. Она смогла записать 71 предание латиницей на удэгейском языке, но эти записи остались не переведенными на русский язык. Работа с архивом исследователя началась только в 2011 году и обработана лишь небольшая его часть³ [24. С. 92]. Разнообразный по жанрам эвенский фольклорный материал был собран К.А. Новиковой (1913—1984) и ее мужем Л.В. Соболевским (1912—1942). Многие из их наследия до сих пор хранятся в рукописях.

Но кроме задачи проведения исследований в антропологическом и этнографическом плане необходимо было претворять в жизнь постановление Президиума ВЦИК от 1924 года о просвещении коренных народов. Для этого на территориях их проживания организуются культбазы, конечной целью которых определялось «образование из них политических и культурных центров малых народностей», они должны были стать «рассадником просвещения» [25. С. 118]. Многие будущие литераторы из числа КМНС, начав свое образование на занятиях культбазы, получили направление на учебу в Ленинград. Но для того, чтобы процесс просвещения имел успех, необходимо было создать письменность для ранее бесписьменных языков.

Всей работой по созданию письменности КМНС занимался Центральный комитет нового (латинизированного) алфавита (КНА) при Совете национальностей ЦИК СССР. На Дальнем Востоке эту работу координировал один из яр-

¹ Архив Е.А. Крейновича был передан его вдовой в Сахалинский областной краеведческий музей. Только в новом столетии собранные ученым материалы постепенно вводятся в научный оборот.

² Ученые Г.М. Василевич, К.И. Мыльникова-Форштейн, А.С. Форштейн, Е.А. Крейнович, В.И. Цинциус, В.А. Авруин подверглись репрессиям, доступ к их архивам был ограничен. Большинство материалов, собранных этими учеными во время дальневосточных экспедиций, увидели свет лишь во второй половине XX века, а некоторые до сих пор ждут своих исследователей. Е.Р. Шнейдер был расстрелян, а его книга «Материалы по языку анюйских удэ», по сведениям И.В. Кормушина, не была тиражирована и лишь случайно сохранилась в единственном типографском экземпляре [26. С. 35—36].

³ Е.Н. Баскакова не успела обработать собранные материалы, так как, по имеющимся сведениям, была арестована на вокзале по прибытии с Дальнего Востока и дальнейшая ее судьба неизвестна [24. С. 90].

чайших представителей российской этнографии — лингвист В.А. Аврорин¹. Прибыв в Хабаровский край с целью изучения тунгусо-маньчжурских языков, он вел большую научно-организационную работу. Здесь он был избран заведующим сектором народов Севера Комитета нового алфавита при Президиуме Далькрайисполкома. На одном из заседаний Комитета он изложил основные направления работы КНА: во-первых, работа по ликвидации безграмотности и созданию в туземных поселениях начальных школ и, во-вторых, организация издательского дела и работа с начинающими писателями из среды аборигенов. Позже на основе латиницы была создана письменность для перечисленных бесписьменных языков, что явилось толчком к написанию художественных произведений на родных языках.

Период 30-х годов прошлого столетия считается временем зарождения национальных литератур. В печати стали появляться произведения первых писателей из числа КМНС. Это были в основном студенты Хабаровского техникума народов Севера, Охотско-Колымского техникума и ИНСа, писавшие на родных языках². Студентом этого института нанайцем А.Д. Самаром (1916—1943) были опубликованы в Ленинграде поэтические сборники «Нанай дярини» («Песни нанайца»), «Сихисэл тэни» («Стихи»), «Синэди най пиктэни» на нанайском и русском языках. Большую помощь молодому поэту оказала А.П. Путинцева (1903—1993) — руководитель первой Красной юрты среди нанайцев Амура, а в годы его учебы — преподаватель ИНСа. В 1936 году он перевел на нанайский язык ряд произведений русской классической литературы, Конституцию СССР.

Первым удэгейским писателем стал Д.Б. Кимонко (1905—1949), в чьем становлении большую роль сыграли первый переводчик его рассказов, этнограф Е.Р. Шнейдер и заведующий отделом этнографии Хабаровского краеведческого музея, позже преподаватель ИНСа Н.А. Богданова-Серк (1904—1966). Будучи студентом этого института, Д. Кимонко написал на родном языке рассказ «Бата», завоевавший на конкурсе Гослитиздата второе место. Позже переводами и популяризацией его главного произведения «Там, где бежит Сукпай» занималась журналист и писатель Ю.А. Шестакова (1914—2002). Первую часть романа она переводила при непосредственном участии автора, который разъяснял ей значения удэгейских слов, не имеющих соответствия в русском языке. Но литературную обработку перевода Ю.А. Шестакова делала самостоятельно [27. С. 23]. К сожалению, печатного варианта повести на удэгейском языке нет, рукопись находится в Государственном архиве Хабаровского края.

Нивхи Нижнего Амура и Сахалина — Воксин, Неньгун, Неньгук, Сарат тоже учились в Институте народов Севера. Однако собственных литературных произведений ими не создано, но Н.У. Воксин и С. Сарат занимались переводами с

¹ Этот ученый совместно со своей женой Е.П. Лебедевой собрал уникальную коллекцию ороческих текстов с переводом на русский язык. Но часть из них осталась непереуведенной и к сожалению, сегодня нет ни одного носителя ороческого языка.

² Здесь речь пойдет только о тех авторах, чьи произведения на родных языках увидели свет в книжном варианте, так как существует очень большое количество газетных и журнальных публикаций, а также рукописей, хранящихся в архивах. Кроме того, зачинателями национальных литератур часто называются и те авторы, кто писал на русском языке.

русского на нивхский язык для выпускавшейся в Николаевске-на-Амуре газеты «Нивх диф». Известным своими литературными трудами стал лишь один ульчский студент Северного факультета ЛВИ (позже ИНС), С.Н. Сипин (1905—1938). Его рассказы на ульчском языке были переданы лингвисту Т.И. Петровой (1896—1976) для ее монографии «Ульчский диалект нанайского языка» [28. С. 62]. До нас эти тексты дошли в русском переводе и в литературной обработке ученого.

Считающийся основоположником юкагирской литературы Тэки Одулок (Н.И. Спиридонов, 1906—1938) опубликовал написанную в содружестве с С.Я. Маршаком повесть «Жизнь Имтеургина Старшего» (1934 г.) на русском языке. Варианта на юкагирском языке нет.

Выпускник ИНСа эвен Н.С. Тарабукин (1910—1950) является основоположником эвенской литературы. Первые его книги стихов «Ниги ikəl̄ni» («Песни тайги: индигирские стихи», 1936) и «Мэнгэн асаткан дэгэдэкэн» («Полет золотой девушки: эвенские стихи», 1937) были опубликованы на родном языке. Перевода на русский язык этих работ нет. Повесть «Кунгарапу» («Мое детство», 1936) тоже вышла на эвенском языке под редакцией А.Р. Беспаленко, который, по словам В.В. Огрызко, взял над Н. Тарабукиным шефство и «в 1937—1938 гг. готовил его книги к изданию» [29. С. 11]. Эта повесть была записана литературным языком писателем Г.С. Гором (1907—1981), постоянно общавшимся с автором. Поэтому считается, что русский вариант повести является авторизованным переводом.

Эньму укчэрэн

Аманси ингсий, ай бигрэрэп. Аич-та нулгэрит. Эсэп хилгэрэр. Болониду нулгэгрэрэп бэилиюн умэтту окаттанин, урэкчэтэнии. Аманси уямкам малан бисин. Уямкам маракан, бэйлду нимадуграрап. Чамаку-да хоян малан бисин.

[30. С. 7]

Мать рассказывает

Когда был жив твой отец, мы жили хорошо, не мучились. Осенью кочевали вместе с другими людьми по разным рекам и хребтам. Твой отец был хорошим охотником на диких каменных баранов. И тарбаганов он убивал много. Когда он убивал барана, мы делились с соседями согласно обычаю.

[31. С. 240]

Одним из редакторов и переводчиков эвенских и юкагирских текстов в 1930—1940-х годах В.В. Огрызко назвал В. Кривошеина, скептически отозвавшись о его работе, говоря о том, что тот «слишком много привнес в фольклорные материалы своего» [29. С. 23].

Заметной фигурой в эвенской литературе был Н.П. Ткачик (1905—1944), записавший на охотском диалекте эвенского языка уникальные фольклорные тексты, опубликованные только в 1986 году. Замечательные переводы осуществил эвенский поэт и первый эвенский ученый В.Д. Лебедев (1934—1982). В процессе ознакомления с рукописным материалом В.Д. Лебедев столкнулся с большими трудностями. Оказалось, что в тексте имеется много неточностей в написании слов и нарушений в стихотворном строе. Поэтому переводчику предстояла большая текстологическая работа, с чем он блестяще справился. Редактируя русский перевод, В.Д. Лебедев стремился сохранить синтаксис предложений, свойственный эвенскому языку. Он не стал точно следовать подстрочнику Н.П. Ткачика, написанному прозой, придав текстам поэтический размер [32. С. 3—4]. Первыми

эвенскими литераторами считаются также В. Слепцов, А. Черканов, Н. Неревля, Г. Солодииков, но все их произведения или остались в рукописях или утрачены.

В стенах ИНСа при непосредственном участии Г.М. Василевич зарождалась эвенкийская литература. Многие студенты-эвенки пробовали себя на литературном поприще, но сложившимися литераторами стали лишь А. Салаткин, Г. Чинков, А. Платонов, Н. Сахаров и Г. Марков. Именно эти люди стояли у истоков эвенкийской литературы. Однако первой книгой, изданной на эвенкийском языке в 1933 году, было произведение «Как я сохатого убил» студента Наумова. Перевод на русский язык был сделан тунгусоведом Е.П. Лебедевой. Сведения об этом авторе скудные, больше никаких произведений им не публиковалось.

Значительный след в эвенкийской литературе тех лет оставил А.М. Салаткин (Лонтогир) (1914—ок. 1957), который первым, как писал В.В. Огрызко, профессионально отнесся к литературному творчеству. Сахалинец Г. Чинков (1915—конец 1960-х) приобщился к художественному творчеству под влиянием Г.М. Василевич. К литературной работе через песню пришел А. Платонов (1912—1939), особо отмечаемый исследователем фольклора и литературы народов Севера М.Г. Воскобойниковым (1912—1979). Г. Марков-Бута, участвуя в конкурсе художественных произведений Гослитиздата, был отмечен издательством за оригинальное произведение, написанное на родном языке. Студент Н. Сахаров (1915—1945) был талантливой во многих областях личностью. Он писал и прозаические, и стихотворные произведения [33. С. 16—25]. Стихи молодых авторов были объединены в сборнике «Аги Урунин» («Радость тайги», 1938 г.), подготовленном М.Г. Воскобойниковым с переведенными им же произведениями поэтов. Эти переводы напоминают подстрочник с оригинала, выполненный в соответствии с правилами русского языка. Сохранены смысл и стиль изложения, но не сохранен стихотворный размер.

Элэктысипты май

Няма кирэ дагадун
Нэлки хэгды тырганин.
Элэкэсун майкун —
Хава праздникин.

[34. С. 11]

Первое мая (песня)

Настала теплая пора
Большого весеннего дня.
Первое Мая —
Праздник труда.

[34. С. 61]

Переводами произведений с эвенкийского занимались Л. Хаустов, А. Ольхон, Л. Шлиолинский, Н. Гессен, Г. Василевич, Г. Семенов, В. Наумова, А. Чивилихин.

Студенты ученого-североведа С.Н. Стебницкого, с которыми он познакомился еще на Камчатке, — Кецай Кеккетын (1918—1943), Лев Жуков (1915—1937), Иван Баранников (Тымлаткэн, 1921—1941) являются основоположниками корякской литературы. Перу К. Кеккетына принадлежит повесть на корякском языке «Эв'ңыто-вал'ын» («Эвныто-батрак»). В 1937 году по мотивам корякского фольклора Л. Жуков создал повесть-сказку «Нотаймэ», в 1940 году увидели свет образцы корякского фольклора «Амамхотлымк'ыло» («Сказки об Эмемкуте»), записанные И. Баранниковым. Все произведения были переведены С.Н. Стебницким, причем ученый, переводя их, бережно относился к оригинальным текстам, сохраняя все стилистические и синтаксические особенности [35. С. 58].

Одним из первых чукчей, получивших путевку в Ленинградский Институт народов Севера, был Тынэтэгин (Ф.Э. Тинетев, 1920—1940). Он явился автором первого опубликованного на чукотском языке стихотворения «Раньше и теперь». В 1940 году вышла его книга «Чавчывалымн'эылтэ» («Сказки чаучу») в переводе и литературной обработке преподавателя чукотского языка Г.Н. Мельникова.

Если 1930-е годы — это зарождение национальных литератур, то с 1960-х годов начинается их расцвет. В этот период появляются авторы из числа КМНС, имена которых стали известны всему миру, — Ю. Рытхэу, В. Санги, Г. Ходжер, П.А. Киле, А. Вальдю, Н.Н. Канчуга, С.Н. Курилов, Г.А. Дьячков, Г.Г. Поротов, В.В. Косыгин (Коянто), Т.Ю. Ачиргина, и др., но, к сожалению, они публиковали свои произведения только на русском языке. Однако были и те, кто не забывал родной язык и писал на нем. Их произведения издавались центральными издательствами Москвы и Ленинграда и региональными. Лидерами среди последних считались Магаданское, Красноярское, Хабаровское книжные издательства, Камчатское отделение Дальневосточного издательства. В Республике Саха (Якутия) книги печатались в издательствах «Бичик» (ныне «Айар»), Института развития образования, Якутского государственного университета (ныне СВФУ). Книги выходили на родных языках с переводами на русский язык, что вносило вклад в популяризацию культурного наследия народов. История сохранила практически все имена переводчиков, с кем работали авторы. Стратегия перевода на этом этапе в корне отличалась от той, что главенствовала на первом этапе накопления переводных текстов, о чем речь пойдет ниже.

Самыми известными из нанайских писателей, писавших на родном языке, были поэт и прозаик А.А. Пассар (1925—2013), но если стихи он писал на родном языке, то прозу — на русском; поэт и автор стихов к песням на нанайском языке П.К. Киле (1918—1990), поэты В.С. Заксор (1931—1971) и Г.А. Бельды (1930—2012). Позже к ним присоединились К.М. Бельды, Н. Бельды, А.П. Ходжер. Переводы с нанайского осуществляли хабаровские журналисты Ю.А. Шестакова, М.Ф. Асламов, Н. Кабушкин, А. Чадаева и профессиональные писатели и поэты О. Зверев, В. Шефнер. В нивхской литературе сегодня лишь одно имя — Д.Н. Вайзгун, который публикует стихи на нивхском языке. Переводы своих стихов он делает сам, профессионально владея русским языком.

В эти годы в литературный процесс влились авторы, пишущие на юкагирском языке — это братья Семен, Гаврил (Улуро Адо) и Николай (Окат Бэй) Куриловы.

Эвенская литература представлена творчеством П. Степанова-Ламутского, А. Кривошапкина, В. Лебедева, В.С. Кейметинова (Баргачан), Е. Никулина, Х. Суздальова, Д. Едукина, Г.И. Кейметинова, Д.В. Кривошапкина. В 1990-е годы эвенский писательский корпус пополнился такими поэтами и прозаиками, как А.Н. Аркук, Е.Н. Бокова, Л.В. Воямгит (1953—1993), Х.И. Дуткин, Х. Дьячков, Е.П. Захарова. В книге «Эвенская литература» В.В. Огрызко привел список переводчиков, с которыми работали эвенские поэты и прозаики. В нем в основном такие профессионалы, как Л.Б. Либединская (1921—2006), А.В. Преловский (1934—2008), Н.И. Грудинина (1918—1999), В.С. Шефнер (1915—2001).

Обширна территория проживания российских эвенков, и поэтому эвенкийские поэты и писатели представляют разные регионы страны, а их язык имеет диалектные различия. В послевоенный период были лишь эпизодические публика-

ции на эвенкийском языке И. Кириллова, А. Хромова, С. Моноконнова, С. Соловьева, Н. Петрова. Перевод их поэтических произведений был выполнен профессиональными переводчиками Н. Гессен, Л. Хаустовым, А.С. Ольхоном (Пестюхиным, 1903—1950). Но настоящий взлет эвенкийской литературы связывается с именами поэтов А.М. Немтушкина, Д. Апросимова, Н. Оёгира, Н. Калитина, прозаика и фольклориста Г.И. Варламовой (Кэптукэ). Ю.Г. Хазанкович назвала перечисленных авторов ключевыми фигурами эвенкийской литературы, определившими состояние художественного процесса в означенный период времени [36. С. 104]. Переводы с эвенкийского языка стихов Н. Оёгира, А. Немтушкина выполнены на высоком уровне. Известны фамилии и других переводчиков — это А. Федорова, В. Пушкин, М. Борисова, З. Яхнин, А. Щербаков, А. Прицкер, В. Шленский, Л. Румянцев, А. Сорокин.

На следующем этапе формирования корпуса переводных текстов в полный голос заявили о себе чукотские авторы В. Кеулькут (1929—1963), В. Етытегин, М. Вальгиргин (1939—1978), А. Кымытваль (1938—2015), В.М. Тымнетувге (1935—1965), Р. Раггытваль, В.В. Тынескин (1945—1979). На родном языке писали стихи В.И. Иунеут (1935—1993), К.И. Геутваль (1930—2001), В.В. Энмынкау (1930—1992). В настоящее время оригинальная проза на чукотском языке представлена произведениями И. Омрувье, В. Вэкэт (Итевтегиной).

В ряды молодых литераторов в 1960—70 годы вливаются эскимосские авторы. Начало было положено Айвангу (1926—1963). Его рассказы — это первые произведения, написанные на эскимосском языке и переведенные в 1961 году на русский язык. Известность обрели и эскимосские поэты Ю.М. Анко (1930—1960), З.Н. Нелюмкина (1950).

Стихи чукотских и эскимосских поэтов были переведены на русский язык людьми, в разное время проживавшими на Чукотке и знавшими языки и жизнь северян не понаслышке. Эти были известные в этих краях люди — В.В. Португалов (1913—1969), А.И. Черевченко (1942), В.А. Сергеев (1930—1994), Р.Г. Добровенский (1936), В.В. Леонтьев (1928—1988), В.И. Першин (1941—1997), М.П. Легков (1930—1992), А.А. Гажа (1945—2003).

Как же строилась на этом этапе стратегия перевода произведений, написанных на родных языках? Во-первых, следует подчеркнуть, что все упомянутые выше переводчики имели профессиональное литературное и филологическое образование, некоторые из них были профессиональными поэтами и писателями. Они все сотрудничали с тем или иным книжным издательством, а В.И. Першин даже был в течение нескольких лет главным редактором Магаданского книжного издательства. Можно утверждать, что в 1960—1970-е годы сформировался штат профессионалов, специализировавшихся на переводах произведений с языков коренных народов.

Во-вторых, такой процесс перевода имел свои особенности. Дело в том, что переводчики центральных изданий, владея искусством стихосложения или написания прозаических произведений, языками КМНС не владели, им нужен был подстрочник, который бы давал представление о языке автора и о содержании произведения. Работа строилась в тесном сотрудничестве автора и переводчика. Но не всегда переводчик мог в полной мере отобразить замысел автора, о чем в

свое время говорил А.А. Бурькин. Он, например, отзывался о переводах стихов эвенских поэтов, напечатанных в Москве или в Ленинграде, как о новых, не соответствующих заложенному в них автором духу произведениях. Он указывал на то, что если прочитать стихотворный текст в подлиннике и подготовленный автором подстрочник, то полученный в результате работы профессионального поэта стихотворный текст «может удивить» [37. С. 330].

Это происходило по двум причинам. Для того, чтобы перевод текстов, написанных представителями коренных народов, был адекватен оригиналу, нужно было, по крайней мере, вкратце ознакомиться с этническими особенностями культуры, мифологией того народа, чьи стихи или проза переводились на русский язык. Поэт В.С. Кейметинов справедливо отмечал, что работавшие в столичных журналах переводчики не всегда утруждали себя этим, порой не понимая того трепетного отношения к окружающему миру, которое испытывал человек, выросший в гармонической связи с природой и передавший это настроение в своих стихах или прозе. В результате на свет появлялись произведения, где была соблюдена лишь форма, но не передана глубина содержания [38. С. 140—148].

Вторая причина была более серьезной. Не стоит забывать, что в обозначенный период времени все произведения подвергались цензуре и должны были отвечать идеологическим установкам коммунистической партии. Если содержание произведения выходило за эти рамки, не соответствовало официальному взгляду на послереволюционные события, на процесс советского строительства или же не подчеркивало роль партии, то оно переписывалось в соответствии с принятыми правилами. Авторы вынуждены были идти на уступки редакторам и переводчикам, так как понимали, что иначе их произведения никогда не будут изданы.

Больше повезло тем писателям и поэтам, чьи книги выходили в региональных издательствах. Там работала местная интеллигенция, в той или иной мере знакомая и с языками, и с культурой коренных народов, но и эти журналисты и писатели вынуждены были делать переводы с оглядкой на идеологические установки.

В общем и целом на этом этапе создания корпуса переводных текстов с родных языков это был уже не только подстрочный (в работах ученых), но и авторизированный перевод, когда переводчик опирался на авторский подстрочник, согласовывая с автором текст. Автор был включен в процесс перевода, одобряя или отклоняя вносимые переводчиком изменения, необходимые с художественной или идеологической точки зрения. В результате такой работы переводчик выступал уже в роли соавтора, и от его работы во многом зависел успех произведения у широкой публики.

Во времена перестройки, когда писательский труд перестал быть востребованным, закрывались журналы, книжные издательства едва выживали. Молодые литераторы из числа коренных народов не могли опубликовать свои произведения. Литературное творчество стало скорее самодеятельным, чем профессиональным. Книги на родных языках печатались на местах в имеющихся типографиях крайне малыми тиражами. И, к сожалению, они так и оставались в своих регионах, не достигнув широкой публики. С появлением Интернета на его страницах появились редкие литературные объединения для небольшой аудитории, что не могло спасти начинающих поэтов и прозаиков в сложившейся ситуации. До сих

пор отечественная национальная литература не может оправиться от этого потрясения. Публикаций на родных языках по-прежнему мало.

Этот этап создания корпуса переводных текстов уже в новом XXI столетии опять связан с деятельностью ученых. Их изыскания в Дальневосточном регионе не дают угаснуть публикациям на родных языках. В 2010 году по инициативе международной группы исследователей — Э. Кастена, Д. Дальманна, М. Дюрра, Г. Фондаля, Т. де Граафа и др. был создан Фонд культуры народов Сибири¹. В рамках работы фонда особый интерес представляет издаваемая и размещаемая в Интернете серия «Языки и культуры народов Дальнего Востока России». Здесь имеются тексты на ительменском, корякском, эвенском, нанайском языках с переводами на русский язык. Есть книги, где представлен перевод и на английский язык.

Активную работу на Амуре, Сахалине, Камчатке вели и продолжают вести японские ученые. Профессор Дзиро Икэгами создал письменность для уйльта/ороков, собрал корпус фольклорных текстов этого народа, профессор Тосиро Цумагари работал с носителями удэгейского, корякского языков, Синдзиро Кадзама — с носителями нанайского и негидальского языков. Молодые ученые продолжили работу своих учителей. Хидетоши Сираиси, Исудзи Тангику записали нарративы и фольклор нивхов Сахалина и Нижнего Амура. Юкари Нагаяма долгие годы ведет полевую работу среди алюторских коряков (нымыланов). Все исследователи записывали тексты с подстрочным русским переводом, переводя все затем на японский. Благодаря их усилиям существуют аудиозаписи информаторов. У каждого в арсенале составленные словари изучаемых языков. Все материалы опубликованы и имеются в сети Интернет. Ученый из Нидерландов Сесилия Оде (1946—2019) посвятила свою научную деятельность изучению культуры юкагиров. Во время многочисленных экспедиций она собрала и опубликовала фольклор и нарративы народа с переводами на русский язык. Т.Д. Булгакова, преподаватель ИНСа, знаток нанайского языка в содружестве с носителем языка Р.А. Бельды подготовили к печати книгу нанайских сказок с русским переводом. Антрополог Бригитта Пакендорф (Франция) и научный сотрудник КФУ Н.А. Аралова ведут исследования у негидальцев, они опубликовали книгу сказок, записанную от информаторов с. Владимировка на негидальском и русском языках. И в переводах ученых, опирающихся на подстрочный перевод, появились тексты, переведенные коммуникативно-прагматическим способом, при котором, несмотря на специфические особенности культуры аборигенов, заложенный в тексте смысл понятен массовому читателю. В Год языков коренных народов (2019) активизировалась работа по созданию новых учебников, книг для чтения на родных языках. Есть надежда на появление тех, кого привлечет литературное творчество.

Заключение

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить существование трех этапов в создании переводных текстов с родных языков КМНС, в рамках которых основными способами перевода были буквальный или пословный, авторизиро-

¹ Фонд культуры народов Сибири — http://www.siberian-studies.org/publications/lc_R.html

ванный и коммуникативно-прагматический. Тексты переводились как профессионалами-переводчиками и лингвистами, так и этнографами, писателями и поэтами. Однако в заключение хочется сказать следующее. В далеком 1936 году Г.М. Василевич констатировала факт создания учебной литературы, а также публикаций оригинальных художественных произведений на родных языках и в переводах [21. С. V]. Но почти столетие спустя А.А. Бурькин все еще говорил об абсолютной неизученности творчества писателей и литераторов из числа КМНС, которые создавали свои произведения на родных языках [39. С. 10—11]. Тем более остается совершенно без внимания исследователей корпус переводных текстов с родных языков. Нет даже библиографического справочника изданий с такими переводными текстами, вышедших из печати в крупных издательствах, не говоря уже о региональных. Не переведенным и не зафиксированным в каких-либо справочных изданиях остается корпус текстов — стихи, рассказы, публицистика и фольклор из школьных учебников 1930—1950-х годов, из газет, издававшихся на родных языках, из малотиражных региональных изданий, в архиве РАН хранятся рукописи лингвистов с фольклорными текстами на языках КМНС, записанных еще латиницей. Все это ждет своих исследователей.

Книги на языках коренных малочисленных народов в русских переводах являются культурным достоянием России, их изучение поможет открыть новые страницы в переводоведении, так как процесс перевода такой литературы требует не только общекультурных, но и специальных этнологических знаний.

Список литературы

1. *Сорокин Ю.А.* Проблема перевода с психолингвистической точки зрения // Тетради переводчика. М.: Высшая школа, 1984. № 21. С. 14—17.
2. Государственный архив Хабаровского края. Ф. П-2. Оп. 2. Д. № 330 а. Протоколы заседаний 2-й Николаевской-на-Амуре окружной конференции ВКП (б) 16 февраля—19 февраля 1927. Л. 50—51.
3. *Осипова М.В.* Научные экспедиции 20—30 гг. прошлого века на территории Хабаровского края и их значение для отечественной и мировой этнографии (историографический аспект) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2011. № 1(29). С. 50—57.
4. Языки и письменность народов Севера / под ред. Я.П. Алькора, Е.А. Крейновича. Ч. III. Языки и письменность палеоазиатских народов. М.-Л., 1934.
5. *Штернберг Л.Я.* Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора. Т. 1: Образцы народной словесности. Ч. 1. Эпос (поэмы и сказания, первая половина): тексты с переводом и примечаниями. СПб., 1908.
6. *Богораз В.Г.* Л.Я. Штернберг как фольклорист // Сборник памяти Л.Я. Штернберга. Очерки по истории знаний. Т. VII. Л., 1930.
7. *Богораз В.Г.* Чукчи: материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе В.Г. Богоразом. Ч. I. Образцы народной словесности чукоч (тексты с переводом и пересказы) // Труды Якутской экспедиции, снаряженной на средства И.М. Сибириякова. СПб., 1900.
8. *Богораз В.Г.* Материалы для изучения языка азиатских эскимосов. СПб., 1910.
9. *Богораз В.Г.* Материалы по языку азиатских эскимосов / под ред. И.С. Вдовина. Л., 1949.
10. *Иохельсон В.Г.* Юагиры и юагиризированные тунгусы / пер. с англ. В.Х. Ивановой, З.И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск: Наука, 2005.
11. Ительменские сказки, собранные В.И. Иохельсоном в 1910—1911 гг. / редакторы: К. Халоймова, М. Дюрр, Э. Кастен. Fürstenberg/Havel: Verlag der Kulturstiftung Sibirien, 2014. 207 с.

12. *Латышев В.М.* Научное наследие Бронислава Пилсудского в музеях и архивах России // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. 1998. № 1. С. 4—20.
13. *Пилсудский Б.О.* Гиляцкие песни старинные // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. 1999. № 3. С. 5—11.
14. *Пилсудский Б.О.* Фольклор сахалинских айнов // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. 2001. № 5. С. 22—58.
15. *Богораз В.Г.* Прежде на Севере // Советский Север. 1930. № 1. С. 59—74.
16. *Вениаминов И.Е.* (Иннокентий) Записки об островах Уналашкинского отдела, составленные И. Вениаминовым. Ч. 1. СПб., 1840.
17. *Маргаритов В.П.* Об орочах Императорской гавани. СПб., 1888.
18. *Поппе Н.Н.* Материалы для исследования тунгусского языка. Наречие баргузинских тунгусов. Л.: Изд-во АН СССР, 1927.
19. *Протодиаконов П.* Гольдская азбука для обучения гольдских и гиляцких детей: По слуховому способу. Казань, 1884.
20. *Протодиаконов П.* Гольдские песни, былины и сказки // Записки ОИАК. Т. 5. Вып. 1. 1896. С. 1—10.
21. *Василевич Г.М.* Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Вып. 1 / под ред. Я.П. Алькора. Л., 1936.
22. *Цинциус В.И.* Негидальский язык. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1982.
23. *Огрызко В.В.* Нивхская литература: Материалы и исследования. М.: Литературная Россия, 2010.
24. *Перехвальская Е.В.* Рукописный архив Е.Н. Баскаковой 1936 г. (тексты на самаргинском диалекте удэгейского языка) // Вопросы языкознания. 2012. № 5. С. 88—100.
25. *Чеботаревский А.* Культурные базы Комитета Севера // Советский Север. 1930. № 1. С. 117—124.
26. *Кормушин И.В.* Удыхэйский (удэгейский) язык. М.: Наука, 1998.
27. *Огрызко В.В.* Удэгейская литература: материалы исследования. М.: Литературная Россия, 2009.
28. *Сипин Н.С.* Встречи с отцом. Биографический очерк. Хабаровск, 2008.
29. *Огрызко В.В.* Эвенская литература: материалы исследования. М.: Литературная Россия, 2005.
30. *Тарабукин Н.С.* Кунгарапу: Эвэды тэлэнг. М.-Л.: Детская литература, 1938.
31. *Тарабукин Н.С.* Моя жизнь // Тэки Одулок. Жизнь Имтеургина-старшего; На Крайнем Севере. Кимонко Д. Там, где бежит Сукпай. Якутск, 1987. С. 239—302.
32. Эпос охотских эвенов: в записях Н.П. Ткачика. Якутск: Якутское книжное издательство, 1986.
33. *Огрызко В.В.* Эвенкийская литература: материалы исследования. М.: Литературная Россия, 2006.
34. *Платонов А.* Элэкэсипты май (Первое мая) // Аги урунин (Радость тайги). Л.: Голитиздат, 1938.
35. *Непомнящих Н.А., Полторацкий И.С.* Корякская литература: генезис и поэтика // Сибирский филологический форум. 2019. № 2(6). С. 55—64.
36. *Хазанкович Ю.Г.* Эвенкийская литература: проблемы периодизации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 108. С. 99—109.
37. *Бурькин А.А.* Вчитываясь в подстрочник // Огрызко В.В. Эвенская литература: материалы исследования. М.: Литературная Россия, 2005. С. 327—330.
38. *Кейметинов В.С.* Белые угрюмые хребты // Огрызко В.В. Эвенская литература: материалы исследования. М.: Литературная Россия, 2005. С. 140—148.
39. *Бурькин А.А.* Золотые россыпи в мрачных провалах: судьба литератур, судьба авторов, судьба текстов на языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России // «На волоске судьба твоя...»: История и современное состояние литературы на языках малочисленных народов. II междунар. науч.-практ. конф. Отдела нац. лит-ры РНБ. 13—14 ноября 2015 г.: тезисы докладов. СПб., 2015.

References

1. Sorokin, Iu.A. 1984. Problema perevoda s psikholingvisticheskoi tochki zreniia. In *Tetradi perevodchika*. No. 21. Moscow: Vysshaya shkola publ. Pp. 14–17. Print (In Russ.)
2. GAKhK (Gosudarstvennyi arkhiv Khabarovskogo kraia) 1927. F. P-2. Op.2. D. № 330 a. Protokoly zasedanii 2-oi Nikolaevskoi-na-Amure okružnoi konferentsii VKP (b) 16 fevralia-19 fevralia. Pp. 50–51. (In Russ.)
3. Osipova, M.V. 2011. “Nauchnye ekspeditsii 20–30 gg. proshlogo veka na territorii Khabarovskogo kraia i ikh znachenie dlia otechestvennoi i mirovoi etnografii (istoriograficheskii aspekt)”. *Sotsial’nye i gumanitarnye nauki na Dal’nem Vostoke* 1(29): 50–57. (In Russ.)
4. Iazyki i pis’mennost’ narodov Severa. 1934. Edited by Ia.P. Al’kor. Part. III. Iazyki i pis’mennost’ paleoaziatskikh narodov. Ed. by E.A. Kreinovicha. Moscow-Leningrad: GUPI publ. (In Russ.)
5. Shternberg, L.Ia. 1908. Materialy po izucheniiu giliatskogo iazyka i fol’klora. Vol. 1: Obraztsy narodnoi slovesnosti. Part 1. Epos (poemy i skazaniia, pervaya polovina): teksty s perevodom i primechaniiami. Saint Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk publ. Print (In Russ.)
6. Bogoraz, V.G. 1930. L.Ia. Shternberg kak fol’klorist. In *Sbornik pamiati L.Ia. Shternberga. Ocherki po istorii znaniia*. Vol. VII. Leningrad: AN SSSR publ. Print. Pp. 85–96. (In Russ.)
7. Bogoraz, V.G. 1900. Chukchi. Materialy po izucheniiu chukotskogo iazyka i fol’klora, sobrannye v Kolymskom okruge V.G. Bogorazom. Part I. Obraztsy narodnoi slovesnosti chukoch (teksty s perevodom i pereskazy). *Trudy Iakutskoi ekspeditsii, snariazhennoi na sredstva I.M. Sibiriakova*. Saint Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk publ. Print (In Russ.)
8. Bogoraz, V.G. 1910. Materialy dlia izucheniia iazyka aziatskikh eskimosov. Saint Petersburg: Tip. Ministerstva putei soobshchenii publ. 13 p. Print (In Russ.)
9. Bogoraz, V.G. 1949. Materialy po iazyku aziatskikh eskimosov. Ed. by I.S. Vdovina. Leningrad: GUPI MP RSFSR publ. 253 p. Print (In Russ.)
10. Iokhel’son, V.G. 2005. Iukagiry i iukagirizirovannye tungusy 2005. Translated by V.Kh. Ivanova, Z.I. Ivanova-Unarova. Novosibirsk: Nauka publ. Print (In Russ.)
11. Itel’menskie skazki, sobrannye V.I. Iokhel’sonom v 1910–1911 gg. 2014. Edited by K. Khaloimova, M. Diurr, E. Kasten. F rstenberg/Havel: Verlag der Kulturstiftung Sibirien. 207 p. (In Itel’men and Russ.)
12. Latyshev, V.M. 1998. “Nauchnoe nasledie Bronislava Pilsudskogo v muzeiakh i arkhivakh Rossii”. *Izvestiia Instituta nasledii Bronislava Pilsudskogo* 1: 4–20. (In Russ.)
13. Pilsudskii, B.O. 1999. “Giliatskie pesni starinnye”. *Izvestiia Instituta nasledii Bronislava Pilsudskogo* 3: 5–11. (In Russ.)
14. Pilsudskii, B.O. 2001. “Fol’klor sakhalinskikh ainov”. *Izvestiia Instituta nasledii Bronislava Pilsudskogo* 5: 22–58. (In Russ.)
15. Bogoraz, V.G. 1930. “Prezhde na Severe”. *Sovetskii Sever* 1: 59–74. (In Russ.)
16. Veniaminov, I.E. 1840. Zapiski ob ostrovakh Unalashkinskogo otdela, sostavlennye I. Veniaminovym. Part 1. Saint Peterburg: Tipografiia .Imperatorskoi Akademii nauk publ. Print. (In Russ.)
17. Margaritov, V.P. 1888. Ob orochakh Imperatorskoi gavani. Saint Petersburg: OIAK v.g. Vladivostoke publ. Print. (In Russ.)
18. Poppe, N.N. 1927. Materialy dlia issledovaniia tungusskogo iazyka. Narechie barguzinskikh tungusov. Leningrad: Izdatel’stvo AN SSSR publ. Print. (In Russ.)
19. Protodiakonov, P. 1884. Gol’dskaiia azbuka dlia obucheniia gol’dskikh i giliakskikh detei: Po slukhovomu sposobu. Kazan’: Pravoslavnoe missionerskoe ob-vo publ. Print. (In Nanaï and Russ.)
20. Protodiakonov, P. 1896. “Gol’dskie pesni, byliny i skazki”. *Zapiski OIAK* 5 (1): 1–10. (In Russ.)
21. Vasilevich, G.M. 1936. Materialy po evenkiiskomu (tungusskomu) fol’kloru. Issue 1. Edited by Ia.P. Al’kor. Leningrad: NIA INS publ. Print. (In Evenk and Russ.)
22. Tsintsius, V.I. 1982. Negidal’skii iazyk. Issledovaniia i materialy. Leningrad: Nauka publ. Print. (In Negidal and Russ.)
23. Ogryzko, V.V. 2010. Nivkhskaia literatura: Materialy i issledovaniia. Moscow: Literaturnaia Rossiia publ. Print. (In Russ.)

24. Perekhval'skaia, E.V. 2012. "Rukopisnyi arkhiv E.N. Baskakovoi 1936 g. (teksty na samarginskoi dialekte udegeiskogo iazyka)". *Voprosy iazykoznanii* 5: 88—100. (In Russ.)
25. Chebotarevskii, A. 1930. "Kul'turnye bazy Komiteta Severa". *Sovetskii Sever* 1: 117—124. (In Russ.)
26. Kormushin, I.V. 1998. *Udykheiskii (udegeiskii) iazyk*. Moscow: Nauka publ. 320 p. Print. (In Russ.)
27. Ogryzko, V.V. 2009. *Udegeiskaia literatura: Materialy issledovaniia*. Moscow: Literaturnaia Rossiia publ. Print. (In Russ.)
28. Sipin, N.S. 2008. *Vstrechi s ottsom. Biograficheskii ocherk*. Khabarovsk: OOO Ekspress Poligrafiaa' publ. Print. (In Russ.)
29. Ogryzko, V.V. 2005. *Evenskaia literatura: Materialy issledovaniia*. Moscow: Literaturnaia Rossiia publ. Print. (In Russ.)
30. Tarabukin, N.S. 1938. *Kungarapu: Evedy teleng*. Moscow-Leningrad: Detskaia literature publ. Print. (In Even)
31. Tarabukin, N.S. 1987. *Moia zhizn'*. In *Teki Odulok. Zhizn' Imteurgina-starshego; Na Krainem Severe*. Tarabukin N. *Moia zhizn'*. Kimonko D. Tam, gde bezhit Sukpai. Iakutsk: Knizhnoye izdatel'stvo publ. Pp. 239—302. Print. (In Russ.)
32. *Epos okhotskikh evenov: v zapisiakh N.P. Tkachika*. 1986. Iakutsk: Iakutskoe knizhnoye izdatel'stvo publ. Print. (In Even and Russ.)
33. Ogryzko, V.V. 2006. *Evenkiiskaia literatura: Materialy issledovaniia*. Moscow: Literaturnaia Rossiia publ. Print. (In Russ.)
34. Platonov, A. 1938. *Elekesipty mai (Pervoe maia)*. In *Agi urunin (Radost' taigi)*. Leningrad: Golitizdat publ. Print. (In Evenk and Russ.)
35. Nepomniashchikh, N.A., Poltoratskii, I.S. 2019. "Koriakskaa literatura: genesis i poetika". *Sibirskii filologicheskii forum* 2(6): 55—64. (In Russ.)
36. Khazankovich, Iu.G. 2009. "Evenkiiskaia literatura: problemy periodizatsii". *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* 108: 99—109. (In Russ.)
37. Burykin, A.A. 2005. *Vchityvaias' v podstrochnik*. In Ogryzko V.V. *Evenskaia literatura: Materialy issledovaniia*. Moscow: Literaturnaia Rossiia publ. Pp. 327—330. Print. (In Russ.)
38. Keimetinov, V.S. 2005. *Belye ugriumiye khrebt'y*. In Ogryzko V.V. *Evenskaia literatura: Materialy issledovaniia*. Moscow: Literaturnaia Rossiia publ. Pp. 140—148. Print. (In Russ.)
39. Burykin, A.A. 2015. "Zolotyie rossypi v mrachnykh provalakh: sud'ba literatur, sud'ba avtorov, sud'ba tekstov na iazykakh korenykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii". In "Na voloske sud'ba tvoia...": *Istoriia i sovremennoe sostoianie literatury na iazykakh malochislennykh narodov*. 2-nd International Scientific Conference Proceedings. Saint Petersburg, Nov., 13—14, 2015. Saint Petersburg: RNB publ. Pp. 10—11. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Осипова Марина Викторовна — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела Сибири Музея антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера). E-mail: ainu07@mail.ru

ORCID ID 0000-0001-9486-1861

Bio Note:

Marina V. Osipova is a PhD in History, Associate Professor, Senior Researcher of the Siberia Department of the Museum of the Anthropology and Ethnography RAS (Kunstkamera). E-mail: ainu07@mail.ru

ORCID ID 0000-0001-9486-1861

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4-393-404

Научная статья

Перевод в контексте сохранения языков и культур коренных народов Сибири

Ю.Е. Валькова^{1✉}, В.А. Разумовская²

¹ Финансовый университет при Правительстве РФ,
Российская Федерация, 125167, Москва, Ленинградский пр-т, д. 49

² Сибирский федеральный университет,
Российская Федерация, 660041, Красноярск, Свободный пр-т, д. 79/10

✉ veronica_raz@hotmail.com

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме сохранения языков и культур коренных народов Сибири, способом решения которой может стать как перевод этнотекстов (важной категории сибирских текстов) на русский язык и языки мира, так и перевод текстов, имеющих большую культурную и религиозную значимость, с русского языка и других языков на языки сибирских этносов. Освещаются инициативы и достижения отдельных ученых и подвижников, ставших авторами переводов «сильных» сибирских этнотекстов и «сильных» оригиналов русской литературы (преимущественно религиозного содержания) на языки коренных сибирских народов Сибири. Этнолитература рассматривается в исторической и сравнительной перспективе с учетом национально-культурных условий жизни. Признается важность этноперевода, для которого ключевой единицей перевода является культурная информация и память, а основной задачей — сохранение уникальных языков и культур Сибири.

Ключевые слова: автохтонное население, культурное наследие, возрождение культуры, ревитализация языка, сильные этнотексты, этноперевод

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 26.07.2021

Дата принятия к печати: 26.09.2021

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Валькова Ю.Е., Разумовская В.А. Перевод в контексте сохранения языков и культур коренных народов Сибири // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 4. С. 393–404. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4-393-404

© Валькова Ю.Е., Разумовская В.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Translation in the Context of Preserving Languages and Cultures of the Siberian Indigenous Population

Y.E. Valkova¹✉, V.A. Razumovskaya²

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation,
49, Leningradsky prospect, Moscow, 125167, Russian Federation

² Siberian Federal University,
79/10, Svobodny prospect, Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation

✉ veronica_raz@hotmail.com

Abstract. In this article we've focused on the topical problem of preserving the languages and cultures of indigenous peoples of Siberia, which can be solved through the translation of ethnic texts (as an important category of Siberian texts) into Russian and other languages, and translation of texts of great cultural and religious significance from Russian and other languages into languages of Siberian peoples. We aim to study initiatives of individual scholars and enthusiasts who have been translating both “strong” texts from indigenous languages of Siberian peoples and “strong” texts of Russian literature (mostly religious ones) into these languages. The ethnic literature of the peoples of the Krasnoyarsk Krai is considered in historical and comparative perspective, taking into account the national and cultural conditions of these peoples. The conclusion concerns the importance of ethnic translation with the cultural information and memory as the key unit of translation and the saving of the unique languages and cultures of Siberia as its main task.

Key words: indigenous population, cultural legacy, culture regeneration, language revitalization, strong ethnic texts, ethnic translation

Article history:

Received: 26.07.2021

Accepted: 26.09.2021

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Valkova, Yu.E. and V.A. Razumovskaya. 2021. “Translation in the Context of Preserving Languages and Cultures of Siberian Indigenous Population”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (4), 393—404. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4-393-404

Введение

У перевода, являющегося важным видом межъязыкового посредничества, а также и соответствующим актом межкультурной коммуникации, традиционно выделяется набор функций, среди которых одну из центральных позиций занимает функция культурного взаимодействия и обмена. Указанная функция реализуется как в синхронии (время появления оригинала и время создания перевода практически совпадают или временной интервал не является значительным), так

и в диахронии (временной разрыв составляет десятки лет или веков и более), что позволяет говорить не только об обмене между различными культурами мира, но и о передаче информации между различными периодами в истории цивилизации и, соответственно, культуры.

За продолжительную историю переводческая деятельность не утратила динамики своего развития, продолжая обретать новые формы и функции, что позволяет решать новые гуманитарные задачи. Настоящая статья обращается к переводу как эффективному средству сохранения культурного разнообразия современного мира и, в частности Сибири — обширной мультикультурной и полилингвальной территории России.

Обсуждение

В Сибири традиционно проживают как коренные этносы (многие из которых являются малочисленными), так и народы, появившиеся в результате миграционных процессов, протекавших в различные исторические периоды. Будучи неоднозначным геополитическим понятием, получающим различное осмысление и толкование в научном и бытовом дискурсе, Сибирь как ранее, так и в настоящее время объединяет на своей территории ряд административных единиц (республик, областей, краев, округов и т.д.), каждая из которых имеет уникальный этнический состав, сформировавшийся в результате различных исторических, политических, экономических и прочих факторов и процессов. Так, материалы Всероссийской переписи населения 2010 года свидетельствуют, что для определения своей этнической принадлежности жители почти трехмиллионного Красноярского края использовали в ответах на вопросы анкеты около 190 терминов, отражающих этническое самоопределение интервьюируемых [1. С. 97]. Этническое многообразие края можно распределить в соответствии с принадлежностью к следующим группам: русское население; автохтонное (аборигенное) население; национальные меньшинства; мигранты. Доминирующим этносом является русское население, составлявшее в 2010 году 89,5% от всего населения края и сохраняющее указанное положение и в настоящее время. Автохтонную долю населения среди нерусских этносов составляют коренные малочисленные народы: долгане (5810), эвенки (4772), ненцы (3633), кеты (957), нганасане (807), селькупы (281), энцы (221) и чулымцы (145), что в итоге составляет 16 626 человек [2. С. 102—105]. Другой частью нерусского населения края являются национальные меньшинства — этнические группы с языковыми, религиозными, культурными особенностями. На территории Красноярского края национальные меньшинства представляют более 110 этносов (230 тыс. человек, 8% от общей численности населения) [1. С. 97]. Для национальных меньшинств традиционным является стремление сохранить национальную идентичность, язык и культуру, что находит поддержку на федеральном и краевом уровне власти и отражено в соответствующих исследованиях и документах.

Культура каждого отдельного этноса, независимо от численности ее носителей, обладает статусом исключительности и уникальности в контексте всей человеческой цивилизации и представляет несомненную ценность (наряду с языком каждого этноса). Как основной продукт цивилизации, создаваемый на протяжении

истории существования человека и представляющий собой прямой результат его деятельности, культура может быть осмыслена через понятие культурной информации, представленной в материальных и нематериальных объектах окружающего мира. В многомерном континууме культурной информации особое место принадлежит ее особому виду — культурной памяти, представляющей совокупность наиболее существенных культурных смыслов, преодолевающих границы культурного опыта отдельного представителя этноса, которые наследуются на протяжении поколений и способствуют импринтингу общего для народа, нации, а нередко и для значительной части человечества прошлого. В последние десятилетия отмечается устойчивый интерес к вопросам культурной памяти, которая стала популярным объектом изучения в различных областях науки и искусства. Ценным и наиболее часто используемым материалом для исследования культурной информации и памяти являются вербальные тексты, служащие целям архивирования, трансляции и генерирования культурных смыслов, о чем убедительно свидетельствуют работы Я. Ассмана, Ю.М. Лотмана, Д.С. Лихачёва, А.Н. Веселовского, В.В. Кабакчи и других представителей различных областей научных знаний. Нельзя не согласиться с Ю.М. Лотманом в том, что тексты не только «склады культурной информации», но и, что особенно важно, ее активные создатели [3].

Признавая уникальность культуры каждого отдельного этноса и, соответственно, принадлежащей ему культурной информации и памяти, которые служат целям сохранения культурной идентичности, нужно отметить, что в настоящее время культуры коренных малочисленных народов, как и других народов и этносов мира, испытывают значительное влияние противоположных процессов — глобализации, имеющей своим результатом культурную унификацию и нивелирование, и глокализации, предполагающей сохранение и усиление региональной культурной специфики. Культуры народов Сибири в условиях интенсивно происходящих глобальных трансформаций также подвержены влиянию двух указанных выше процессов, что находит отражение в региональной и этнической идентичности их представителей [4].

Тексты на языках коренных народов современной Сибири, бесспорно, служат важным материалом для изучения культур данных народов. При этом необходимо отметить ряд их особенностей. Прежде всего, указанные тексты с полным правом могут и должны рассматриваться как отдельная категория сибирских текстов — текстов «о Сибири» или текстов, которые «созданы в Сибири» [5]. Сибирский текст, позволяющий в определенном смысле говорить и о существовании сибирской культурной идентичности, является объектом более узких исследований. Литературовед А.С. Янушкевич считает, что сибирский текст возник и далее формировался в процессе постижения и осмысления Сибири как уникальной семиосферы, позволяющей отнести Сибирь к значимым для жителей России хронотопам. К сибирским текстам могут быть отнесены научные, научно-популярные, рекламные и, конечно, художественные тексты, содержащие информацию о различных аспектах сибирской жизни. При этом отметим, что Янушкевич трактует сибирскую литературу (прежде всего литературу художественную) как органическую часть русской литературы и культуры [6. С. 234]. Таким образом, тексты писателей-сибиряков могут рассматриваться как сибирские тексты и как выда-

ющиеся тексты современной русской литературы. Подчеркнем, что из разряда сибирских текстов нельзя исключать этнотексты, созданные коренными народами и отражающие их историю, верования, мифологию, что и делает данные культуры уникальными.

Важное место в категории сибирских этнотекстов принадлежит сказкам. Сравнительно непродолжительная история издания сказок коренных народов обусловлена прежде всего тем, что языки, на которых были написаны эти этнотексты, относятся к категории младописьменных, получивших свою письменную форму преимущественно в XX веке [7; 8]. Еще одной особенностью сибирских этнотекстов является тот факт, что их языки принадлежат к группе вымирающих или находящихся под угрозой исчезновения, что нашло отражение в Красной книге языков народов России [9]. По данным Всероссийской переписи населения 2002 года, владеет родным языком только каждый четвертый из эвенков; каждый второй — из кетов, селькупов. Из 41 тыс. ненцев 32 тыс. указали, что владеют национальным языком. Четверть долган не владеют родным языком, в отличие от нганасанов, все представители которых знают свой родной язык и пользуются им [10. С. 78].

Таким образом, очень позднее и при этом далеко не полное фиксирование этнотекстов коренных народов Сибири по причине младописьменности их языков, малочисленности носителей таких языков, а также утраты многими носителями своих языков имеет своим результатом ограничение доступа представителей других культур мира, а нередко и самих коренных народов к этнотекстам как ценному культурному наследию. Это ставит перед учеными и просветителями важные и очень сложные задачи ревитализации и сохранения языков и возрождения уникальных культур. Поскольку доступ к оригиналам сибирских этнотекстов есть преимущественно у филологов и культурологов, одним из путей ознакомления с такими текстами является их перевод. В России основным языком перевода этнотекстов прежде всего является русский язык, а в дальнейшем вторичные русскоязычные тексты могут быть переведены и на другие языки современного мира.

Так, огромный вклад в знакомство российского читателя с литературным творчеством народов Сибири внес А.В. Преловский (1934—2008). Член Союза писателей СССР, редколлегии журнала «Сибирские огни», поэт, переводчик, литератор, сценарист стал автором переводов (переложений) народных сказаний и шаманских песнопений народов многонациональной Сибири [11]. Будучи писателем, он был и не менее талантливым переводчиком: «переводческая практика, особенно переводы поэзии народов Сибири, вот уже многие годы счастливо соседствуют с моей собственной, лирической, не мешая, но обогащая ее» [12. С. 9].

Успешными примерами перевода этнотекстов народов Сибири стали переводы якутского эпоса олонхо, в котором аккумулированы духовные ценности, историческая и культурная информация и память якутов (а также и представителей многих древних культур Евразии), отражены исторический и социальный опыт, верования. В 2000 году исполнилось 1250 лет с времени создания первого олонхо, а через пять лет он был признан ЮНЕСКО шедевром устного нематериального наследия, что стало возможным и благодаря многолетней кропотливой работе переводчиков.

История изучения олонхо свидетельствует о том, что первые переводы эпических этнотекстов были выполнены на русском языке, что происходило одновременно с письменным фиксированием оригинальных якутских текстов в процессе создания письменной формы якутского языка. Так, в 1851 году О.Н. Бетлинг впервые публикует текст олонхо с немецким подстрочным переводом. Собиратели якутского фольклора Н.С. Горохов и Р.К. Маак публикуют записанные ими тексты олонхо и собственные русские переводы в 1884 и в 1887 годах соответственно. Известным переводчиком олонхо на русский язык в первой трети XX века был якутский поэт-билингв П.Н. Черных-Якутский [13]. В историографию русских переводов олонхо также включены переводы С.В. Ястремского, Г.У. Эргиса, И.В. Пухова и В.В. Державина. С 1980-х годов начинается развитие переводов с якутского языка на иностранные языки и ключевыми объектами перевода становятся именно эпические тексты олонхо. Первым известным переводчиком олонхо на французский язык стал Ж. Карро, впервые в Европе осуществивший в 1990 году перевод олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» К.Г. Оросина. Автором первой английской версии текстов эпоса стал Д. Линдсей (переводы опубликованы в 1971 году), выполнивший перевод олонхо «Эр Соготок» (D. Lindsey. “Er Sogotokh: The Lone Stranger”) в прозе. Авторами японских версий ряда текстов олонхо в записи П.А. Ойунского являются К. Ямасита и О. Макасуни. Известны и другие переводы избранных отрывков олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П.А. Ойунского на французский язык (Ж. Карро и Л.М. Сабарайкина), на английский язык А.А. Скрыбина в 1993 году и Р.Ю. Скрыбыкин в 1995 году). В 2002 году в Республике Якутия (Саха) стартовал проект по переводу олонхо «Элэс Боотур» П.В. Оготоева на английский язык (переводчик А.А. Скрыбина). Известны переводы олонхо на немецкий и корейский языки. В 2007 году в Институте зарубежной филологии и регионоведения СВФУ стартовал проект по переводу фундаментального труда П.А. Ойунского «Нюргун Боотур Стремительный» на английский в рамках государственной целевой программы по сохранению, изучению и распространению якутского героического эпоса олонхо (2006—2015 гг.). В 2013 году в британском издательстве “Renaissance Books” был опубликован перевод олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» (“Nurgun Botur the Swift”) П.А. Ойунского на английский язык, выполненный группой переводчиков под руководством переводоведца А.А. Находкиной (СВФУ). Издание приурочено к 120-летию со дня рождения П.А. Ойунского, автора якутского оригинала, основоположника якутской литературы и якутского литературного языка. Ранее (в 2008 году) А.А. Находкина выполнила перевод олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» К.Г. Оросина на английский язык. Большинство иноязычных версий олонхо было выполнено опосредованно с более ранних русскоязычных переводов и на основе анализа якутских оригиналов. Продолжают создаваться и новые русскоязычные версии. Так, в 2010 году опубликован перевод олонхо П.А. Ойунского на русский язык (переводчик Е.С. Сидоров). Таким образом, благодаря переводам тексты олонхо стали объектом для изучения мирового научного сообщества и открылись «чужому» читателю. Выход национальной литературы за пределы «своей» языковой и культурной среды через перевод способствует обогащению мировой культуры в ее разнообразии [14].

Опыт перевода олонхо, бесспорно, является успешным, что стало возможным в условиях реализации специальных программ по сохранению якутского языка и культуры в Республике Саха (Якутия). Якутский язык представлен в программах образовательных учреждений различных уровней и активно используется носителями. При этом отметим, что языки большинства коренных малочисленных этносов Сибири находятся в более сложной ситуации. Целям их ревитализации и сохранения также может служить перевод — перевод художественных и религиозных текстов.

Обратимся к наиболее известным случаям такого перевода. Достаточно ярким и значимым событием стал перевод Евангелия на долганский язык, сделанный А.А. Барболиной, иллюстрированное издание которого было выпущено при поддержке Норильской епархии [15. С. 800]. «Евангелие для детей» в переводе Барболиной издано в 2014 году в рамках участия в Международном открытом грантовом конкурсе «Православная инициатива» с проектом «Таймырский ковчег». Востребованы и иллюстрированные «Рассказы об Иисусе Христе», выпущенные Институтом перевода Библии.

Что касается культурного наследия эвенков, то с 1990-х годов осуществляется публикация томов серии «Памятники фольклора», в 2015 году вышел второй из трех томов фольклора эвенков, который содержит 180 текстов традиционной культуры с параллельным русским переводом [16. С. 91]. Институт перевода Библии к 2012 году выпустил первую книгу из серии переводов Евангелия от Луки на языки коренных народов Севера и Дальнего Востока (корякский, ительменский, чукотский, нанайский, эвенкийский, эвенский) с параллельным текстом Синодального перевода. На эвенкийский Евангелие и другие религиозные тексты перевела Н.Я. Булатова, которая отметила положительную реакцию эвенков на перевод [17. С. 32].

В окружной газете «Таймыр» выходит страница на ненецком языке. В Дудинке выпущены «Фольклор ненцев», книги «Сказания седой старины» на ненецком языке и др. Знаковым событием 2016 года стала книга «Дорога в вечность» — уникальный труд собирателей фольклора ненцев Хатангской тундры. Поэтесса Любовь Ненянг (1931—1996) составила поэтические сборники, книги ненецких сказок и легенд, собрания пословиц и поговорок, учебных пособий по фольклору и этнонимике, переводов на ненецкий язык Евангелия [18]. Впервые ненцы смогли прочитать Евангелие от Луки только в 2004 году. Через шесть лет вышло в свет Евангелие от Марка, а в 2014 году — Евангелие от Иоанна. В настоящее время идет работа по переводу Евангелия от Матфея и Книги Деяний. Заново переводится Евангелие от Луки. Уже переведены Книга Руфь и Книга пророка Иона, планируется подготовить выпуск аудиодисков.

Как правило, именно тексты религиозного содержания становились первыми опубликованными на языках народов Сибири. Так, первой книгой, вышедшей на якутском языке в 1821 году, был катехизис на русском гражданском алфавите, созданном Г.Я. Поповым, старшим священником Олёкминской Спасской церкви [19]. Всего до 1917 года на якутском языке было издано более 40 книг. В 2003 году в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (т. 24) была опубликована книга «Обрядовая поэзия саха (якутов)» с академическим пере-

водом на русский язык (переводчики Н.А. Алексеев, Е.П. Ефремов, С.П. Рожнова). В 2004 году вышло двуязычное издание «Якутские мифы. Саха өс номохторо» (сост. и переводчик Н.А. Алексеев). В 2008 году вышел 27-й том серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» — «Якутские народные сказки» (А.А. Билюкина, С.Д. Мухоплева, Н.В. Павлова). В 2009 году Институт перевода Библии выпустил перевод Библии на якутском.

Религиозные верования кетов зафиксированы в ряде сборников: Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты (Л., 1969); Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика (Л., 1982); Остыганна аськэтан — Кетские сказки (сост. и обраб. Г.Х. Николаева (СПб., 1998) [20]. В 2000 году Институт перевода Библии выпустил иллюстрированные «Рассказы об Иисусе Христе», однако Институт столкнулся с проблемой поиска переводчика Библии на кетский язык, находящийся на грани исчезновения.

В газете «Советский Таймыр» (позже — «Таймыр») ежемесячно выходила страничка на нганасанском языке. Сейчас выходят школьные учебники на этом языке, но язык как разговорный умирает, хотя ранее на нем велись даже радиопередачи. В 2007 году издана книга «Внеклассное чтение» (Каанаку — Ручеек) для 1 и 2 класса (автор С.Н. Жовницкая), ставшая первой книгой для детей на нганасанском языке. Ранее также выходили фольклорные сборники.

В 2008 году в Красноярске публикуется книга С.Н. Жовницкой «Нганасанский язык» (грамматика современного нганасанского языка) [21; 22]. В 1999 году Институт перевода Библии начал реализацию нового проекта по переводу отрывков Евангелия от Луки на нганасанский язык.

Первый текст на селькупском языке (перевод молитвы «Отче наш») с большими искажениями опубликован Н. Витсенем в конце XVII века. Что же касается художественной литературы, то на селькупском языке она никогда не издавалась, кроме текстов двух песен в сборнике «Северные россыпи» (1962). Изданы учебники для общеобразовательной и высшей школы. Помимо учебной литературы и научных публикаций фольклора в конце 1990-х годов была издана небольшая книга текстов селькупских песен.

Отметим, что основной сферой использования селькупской письменности является образование. За пределами школы и вуза селькупская письменность (как на северном, так и на южных диалектах) практически не используется [23]. Сегодня томская научная лингвистическая школа профессора А.П. Дульзона, успешно продолжая разработку комплексной программы «Происхождение аборигенов Сибири и их языков», интегрирует накопленные результаты исследований в сферу прикладной лингвистики [24]. В 2000 году на селькупском языке был опубликован отрывок из Евангелия от Луки (2: 1—20). В настоящее время над переводом Евангелия от Луки на селькупский язык работает Р.А. Приезжих (Ирикова) [23].

При активной поддержке Экспертного центра проектов развития Арктической зоны РФ ученые совместно с носителями энецкого языка, специалистами по культуре народов Севера, жителями и представителями общественности Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района разработали письменность, издали букварь и учебную рабочую тетрадь. Проект «Энецкая письменность» был представлен на сессии Постоянного форума ООН по вопросам коренных народов.

Работа над проектом продолжается: разрабатывается видеокурс по изучению языка, создан сайт энцы.рф. При поддержке Экспертного центра проектов развития Арктической зоны РФ создаются азбуки, учебники и книги на языках других коренных народов. Их передают в детские сады и школы на безвозмездной основе [25]. В 2017 году в Сибирском федеральном университете реализован издательский проект (руководитель профессор Н.П. Копцева), в рамках которого были изданы рассказы для детей и взрослых, интересующихся культурой эвенков («Кто придумал елку?», «Убежавший блин», «Сила веры», «Следы»). Издания содержат параллельные тексты на эвенкийском и русском языках, что делает рассказы доступными для широкой читательской аудитории. Перевод на эвенкийский язык выполнен преподавателями эвенкийского языка Н.П. Оегир и Н.А. Каянович. Проект был основан на анализе аналогичных проектов Китая, Норвегии, Канады [26] и направлен на поддержание языков, находящихся на грани исчезновения, а также на обеспечение представителей эвенкийского сообщества ценным дидактическим материалом для изучения родного языка.

Заключение

В 2020 году Институт филологии СО РАН получил мегагрант на создание междисциплинарной лаборатории, цель которой — анализ культурных универсалий в системах фольклора, литературы и языка народов Сибири и Дальнего Востока XVII — начала XVIII века. В силу того, что научные институты получают гранты на поддержание и сохранение языков автохтонного населения, существует возможность спасти эти языки от вымирания, в том числе путем перевода текстов, имеющих большую культурную значимость. В первую очередь это тексты устных преданий коренных народов Сибири, а также тексты, которые необходимы для понимания принимающей культуры. Важную роль в решении обозначенных проблем может иметь этноперевод — отдельный раздел переводоведения, позволяющий запечатлеть культурную информацию и память сибирских этносов и сделать уникальные культуры малочисленных народов Сибири доступными для мирового научного и культурного сообщества. Этноперевод предполагает аккумулирование и обработку оригинального этноматериала, а также подготовку переводчиков по специальным программам, основанным на общих (универсальных) и частных (региональных) аспектах науки о переводе и учитывающих накопленный опыт перевода этнотекстов.

Список литературы

1. *Труфанов Д.О., Рафиков Р.Г.* Сибирь как мульти этнический регион // *Siberian Socium*. 2017. Т. 1. № 1. С. 96—113.
2. Социально-демографический портрет России: по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года // Федер. служба гос. статистики. М., 2012.
3. *Лотман Ю.М.* Семиотика культуры и понятие текста // *Избранные статьи*. В 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра, 1992.
4. *Копцева Н.П.* Коренные малочисленные народы Севера и Сибири в условиях глобальных трансформаций (на материале Красноярского края) / ред. Н.П. Копцева. Ч. 1 Концептуальные и методологические основы исследования. Этнокультурная динамика коренных малочисленных народов Красноярского края. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012.

5. *Анисимов К.В.* От редактора // Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2010.
6. *Янушкевич А.С.* Сибирский текст: взгляд извне и изнутри // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. Иркутск, 2004.
7. *Razumovskaya V.* Translating Aboriginal Siberian and Circumpolar Cultures in Russia // Translators, Interpreters, and Cultural Negotiators Mediating and Communicating Power from the Middle Ages to the Modern Era / F.M. Federici & D. Tessicini (Eds.). London: PALGRAVE MACMILLAN, 2014. Pp. 190—212.
8. *Razumovskaya V.* Siberia in the Mirror of Other Cultures: Literature and Translation // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 8, 12. 2015. Pp. 2939—2946.
9. Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник / гл. ред. В.П. Нерознак. М.: Academia, 2002.
10. *Аверин А.Н.* Этносоциология. Новые данные о динамике коренных малочисленных народов России // Социологические исследования. 2005. № 2. С. 77—79.
11. *Прищепина В.П.* Проблемы и причины обращения А.В. Преловского к художественному переводу текстов сибирских национальных поэтов // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 1. С. 351—353.
12. *Преловский А.В.* Автобиографические заметки // Избранное. Стихотворения и поэмы. 1955—1981. М.: Художественная литература, 1984.
13. *Руфова Е.С.* Творчество П.Н. Черных-Якутского в контексте литературного процесса Якутии начала XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 2011.
14. *Хайруллин В.И.* Культура в парадигме переводоведения // Тетради переводчика. Вып. 24. М.: Изд-во МГЛУ, 1999.
15. *Kistova A.V., Pimenova N.N., Reznikova K.V., Sitnikova A.A., Kolesnik M.A., & Khudonogova A.E.* Religion of Dolgans, Nganasans, Nenets and Enets. Journal of Siberian Federal University // Humanities and Social Sciences. 2019. 12(5), pp. 791—811. P. 800. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0424>
16. *Андреева Т.* Об основных направлениях изучения языка и фольклора эвенков // Арктика XXI век // Гуманитарные науки. 2015. № 3(6). С. 85—92.
17. *Булатова Н.Я.* Некоторые проблемы перевода Библии на эвенкийский язык // Перевод Библии как фактор сохранения и развития языков народов РФ и СНГ: материалы конференции. 24—26 сентября 2008 г. М., 2008.
18. Ненцы. Этноатлас: народы и народности, населяющие Красноярский край. URL: <http://www.krskstate.ru/about/narod/etnoatlas/0/eid/85>
19. О первом опыте создания якутского алфавита // Новости Сибирской науки. 14.03.2018. URL: <http://www.sib-science.info/ru/institutes/pervyy-opyt-sozdaniya-yakutskogo-13032018>
20. *Новик Е.С.* Библиография. Мифологическая проза малых народов Сибири и Дальнего Востока / сост. Е.С. Новик. URL: [http://www.ruthenia.ru/folklore/novik/04.Lit.\(F\).htm](http://www.ruthenia.ru/folklore/novik/04.Lit.(F).htm)
21. Нганасанский язык. Языки народов Сибири, находящиеся под угрозой исчезновения. URL: <http://lingsib.ica.ras.ru/ru/languages/nganasan.shtml>
22. *Жовницкая С.Н.* Народ «ня» — «настоящие люди» // Финноугория. Этнический комфорт. Выпуск 1 (6). 2009.
23. Селькупский язык. Языки народов Сибири, находящиеся под угрозой исчезновения. URL: <http://lingsib.ica.ras.ru/ru/languages/selkup.shtml>
24. *Быкопя В.В., Кузнецова Н.Г.* Самодийское направление лингвистической школы А.П. Дульзона // Вопросы языкознания. 2000. № 1. С. 12—20.
25. Энецкая письменность. Сайт проекта. <https://porarctic.ru/ru/projects/entsy-writing/>
26. *Копцева Н.П., Амосов А.Е., Кистова А.В., Колесник М.А., Либакова Н.М., Лузан В.С.* и др. Создание произведений детской литературы на родных языках коренных народов Севера и Сибири. Красноярск: СФУ, 2018.

References

1. Trufanov, D.O., Rafikov, R.G. 2017. "Siberia as a multi-ethnic region". *Siberian Socium* 1: 96–113. Print. (In Russ.)
2. Socio-demographic portrait of Russia: based on the results of the All-Russian the 2010 National Population Census. Federal State Statistics Service. Moscow: SIC publ. Statistics of Russia, 2012, 183 p. Print. (In Russ.)
3. Lotman, Yu.M. 1992. "Semiotics of culture and the concept of text". Selected articles in three volumes. Vol. I. Articles on Semiotics and Typology of Culture. Tallinn: "Aleksandra" publ. Pp. 129–132. Print. (In Russ.)
4. Koptseva, N.P. (ed.) 2012. "Indigenous small-numbered peoples of the North and Siberia under conditions of global transformations (on the material of the Krasnoyarsk Krai)". Part 1. Conceptual and methodological bases of the research. *Ethnocultural Dynamics of Indigenous Small-Numbered Peoples of the Krasnoyarsk Krai*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University publ. Print. (In Russ.)
5. Anisimov, K.V. 2010. Editor's note. *Siberian text in the national plot space*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University publ. Pp. 3–6. Print. (In Russ.)
6. Yanushkevich, A.S. 2004. "Siberian text: a view from the outside and inside". *Siberia: a view from the outside and inside. Spiritual Dimension of Space*. Irkutsk. Pp. 227–235. Print. (In Russ.)
7. Razumovskaya, V. 2014. "Translating Aboriginal Siberian and Circumpolar Cultures in Russia". In *Translators, Interpreters, and Cultural Negotiators Mediating and Communicating Power from the Middle Ages to the Modern Era*. Edited by F.M. Federici & D. Tessicini. London: Palgrave Macmillan. Pp. 190–212. Print.
8. Razumovskaya, V. 2015. "Siberia in the Mirror of Other Cultures: Literature and Translation". *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* 12 (8): 2939–2946. Print.
9. Languages of the peoples of Russia. Red Book. Encyclopedic Dictionary-Reference Book. 2002. (Ed. by V.P. Neroznak). Moscow: Academia publ. Print. (In Russ.)
10. Averin, A.N. 2005. "Ethnosociology. New Data on the Dynamics of Indigenous Minorities of Russia". *Sociological Studies* 2: 77–79. Print. (In Russ.)
11. Prischecha, V.P. 2012. "Problems and reasons of A.V. Prelovskiy's turn to translation of texts of Siberian national poets". *The World of Science, Culture, Education* 1: 351–353. Print. (In Russ.)
12. Prelovskiy, A.V. 1984. "Autobiographical Notes". Selected verses and poems. 1955–1981 3–27. Moscow: Khudozhestvennaya literature publ. Print. (In Russ.)
13. Rufova, E.S. 2011. *The creativity of P.N. Chernykh-Yakutsky in the context of the literary process of Yakutia in the early 20th century*. Abstract of Thesis of Candidate of Philological Sciences. Yakutsk, 23 p. Print. (In Russ.)
14. Khairullin, V.I. 1999. "Culture in the paradigm of translation studies". *Translator's Notebooks* 24. Moscow: MSLU publ. Pp. 38–44. Print. (In Russ.)
15. Kistova, A.V., Pimenova, N.N., Reznikova, K.V., Sitnikova, A.A., Kolesnik, M.A., and Khudonogova, A.E. 2019. "Religion of Dolgans, Nganasans, Nenets and Enets. *Journal of Siberian Federal University*". *Humanities and Social Sciences*, 12(5): 791–811. P. 800. Web. URL: <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0424>
16. Andreeva, T. 2015. "On the main directions of the Evenki language and folklore studies". *Arctic of XXI century. Humanities* 3(6): 85–92. Print.
17. Bulatova, N.Ya. 2008. "Some Problems of Translating the Bible into the Evenki language". *Translation of the Bible as a Factor in Preservation and Development of Languages of the Peoples of the Russian Federation and the CIS. Conference Proceedings*. Moscow. Pp. 32–36. Print.
18. "Nenets people". *Ethnoatlas: peoples and nationalities inhabiting Krasnoyarsk Krai*. Web. URL: <http://www.krskstate.ru/about/narod/etnoatlas/0/eid/85>. (In Russ.)
19. "On the first experience of creating the Yakut alphabet". *News of Siberian Science*. 14.03.2018. Web. URL: <http://www.sib-science.info/ru/institutes/pervyy-opyt-sozdaniya-yakutskogo-13032018>. (In Russ.)
20. Novik, E.S. (Ed.) "Bibliography". *Mythological prose of small peoples of Siberia and the Far East*. Web. URL: [http://www.ruthenia.ru/folklore/novik/04.Lit.\(F\).htm](http://www.ruthenia.ru/folklore/novik/04.Lit.(F).htm) (In Russ.)

21. “Nganasan language”. Endangered languages of the peoples of Siberia. Web. URL: <http://lingsib.iea.ras.ru/ru/languages/nganasan.shtml> (In Russ.)
22. Zhovnitskaya, S.N. 2009. “Nya people — “real people”. *Finno-Ugoria. Ethnic comfort* 1 (6). (In Russ.)
23. “Selkup language”. Endangered languages of the peoples of Siberia. Web. URL: <http://lingsib.iea.ras.ru/ru/languages/selkup.shtml>. (In Russ.)
24. Быкониа, В.В., Кузнецова, Н.Г. 2000. “Samoyedic direction of A.P. Dulzon’s linguistic school”. *Problems of Linguistics* 1: 12–20. (In Russ.)
25. “Entsy writing”. Web. URL: <https://porarctic.ru/ru/projects/entsy-writing/> (In Russ.)
26. Koptseva, N.P., Amosov, A.E., Kistova, A.V., Kolesnik, M.A., Libakova, N.M., Luzan, V.S. et al. 2018. *Creating works of children’s literature in native languages of the indigenous peoples of the North and Siberia*. Krasnoyarsk: SFU publ. Print. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Валькова Юлия Евгеньевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель Департамента английского языка и профессиональной коммуникации Финансового университета при Правительстве РФ. E-mail: julyvalkova@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5231-4720

SPIN-код: 1575-7472

Разумовская Вероника Адольфовна — кандидат филологических наук, профессор, профессор Сибирского федерального университета. E-mail: veronica_raz@hotmail.com

ORCID: 0000-0002-0751-7964

SPIN-код: 8263-8539

Bio Notes:

Yulia E. Valkova is a Candidate in Philology, senior lecturer of Financial University under the Government of the Russian Federation. E-mail: julyvalkova@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5231-4720

elibrary SPIN: 1575-7472

Veronica A. Razumovskaya is a Candidate in Philology, professor of Siberian Federal University. E-mail: veronica_raz@hotmail.com

ORCID: 0000-0002-0751-7964

elibrary SPIN: 8263-8539

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4-405-420

Научная статья

Проблемы перевода концептов культуры на другой язык: на примере тувинских концептов культуры

Ш.Ю. Кужугет✉, Н.Д. Сувандии, Ч.К. Ламажаа

Тувинский государственный университет,
Российская Федерация, 667000, Кызыл, ул. Ленина, 3б

✉ kuzhuget-sh@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы культурного трансфера в переводе двух изданий монографии М.Б. Кенин-Лопсана, посвященной описанию тувинских традиций на тувинском языке «Тыва чаңчыл. Тыва чоннуң ыдыктыг чаңчылдары» (1994 и 1999), в издании на русском языке «Тувинские народные традиции» (2006). Авторы отмечают, что культурный трансфер обуславливает изменения смыслов, адаптации информации не только вследствие того, что переводчик не владеет в достаточной мере лингвокультурным фондом знаний. Переводчик может быть естественным билингом, владеющим двумя языками с детства, обе лингвокультуры могут быть равноценны. Так, переводное издание было подготовлено двумя переводчиками-билингвами под редакцией двух писателей-билингвов — тувино-русских. Тем не менее языковые средства русской культуры не могут передать ряд тувинских понятий, выражений, и это накладывает ограничения на переводы. Авторы показывают эти примеры, сгруппировав трансформации культурного трансфера в четыре типа проблем: искажение смыслов; неполная передача информации; исчезновение смысловых конструкций; невозможность перевода безэквивалентной лексики. Приводятся фразы из тувинского текста М.Б. Кенин-Лопсана, версии переводного издания, и в ряде случаев предлагается более удачный, по мнению авторов статьи, перевод.

Ключевые слова: тувинский язык, тувинская культура, тувинцы, концепт, перевод, Монгуш Борахович Кенин-Лопсан, билингвильность, переводчик-билингв

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 26.07.2021

Дата принятия к печати: 26.09.2021

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

© Кужугет Ш.Ю., Сувандии Н.Д., Ламажаа Ч.К., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Информация о финансировании:

Подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта «Тезаурус этнической культуры в XXI веке: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры)» (грант № 21-18-00246).

Для цитирования:

Кужугет Ш.Ю., Сувандии Н.Д., Ламажаа Ч.К. Проблемы перевода концептов культуры на другой язык: на примере тувинских концептов культуры // *Полилингвильность и транскультурные практики*. 2021. Т. 18. № 4. С. 405—420. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4-405-420

Research Article

The Problems of Translating Cultural Concepts into Another Language: on the Example of Tuvan Cultural Concepts

Sh.Yu. Kuzhuget✉, N.D. Suvandii, Ch.K. Lamazhaa

Tuvan State University,
36, Lenina Str., Kyzyl, 667000, Russian Federation
✉ kuzhuget-sh@mail.ru

Abstract. The article presents an analysis of the problems of cultural transfer in the translation of two editions of M.B. Kenin-Lopsan’s monograph devoted to the description of Tuvan traditions in the Tuvan language “Tyva chanchyl. Tyva chonnun ydyktyg chanchyldary” [“Tuvan traditions. Tuvan folk sacred traditions”] 1994 and 1999, in the publication in Russian “Tuvan folk traditions” 2006. The authors note that cultural transfer causes changes in meanings, adaptations of information not only due to the fact that the translator does not have sufficient linguistic culture. The translator can be a natural bilingual who has been fluent in two languages since childhood, both linguistic cultures can be equivalent. Thus, the translated edition was prepared by two bilingual translators under the editorship of two Tuvan-Russian bilingual writers. But, nevertheless, the linguistic means of Russian culture cannot convey a number of Tuvan terms and expressions, and this imposes restrictions on translations. The authors show these examples by grouping the transformations of cultural transfer into four types of problems: distortion of meanings; incomplete transmission of information; disappearance of semantic constructions; inability to translate non-equivalent vocabulary. Phrases from the Tuvan text of M.B. Kenin-Lopsan, versions of the translated edition are given, and in some cases a more successful translation, according to the authors of the article, is proposed.

Key words: Tuvan language, Tuvan culture, Tuvans, concept, translation, Mongush Borakhovich Kenin-Lopsan, bilingualism, bilingual translator

Article history:

Received: 26.07.2021

Accepted: 26.09.2021

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

Funding:

The article was prepared with financial support from the Russian Science Foundation within the framework of the research project “The saurus of Ethnic Culture in the 21st Century: Problems of Study and Preservation (The Case of Tuvan Culture)” (grant No. 21-18-00246).

For citation:

Kuzhuget, Sh.Yu., Suvandii, N.D. and Lamazhaa, Ch.K. 2021. “The problems of translating cultural concepts into another language: on the example of Tuvan cultural concepts”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (4), 405—420. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4-405-420

Введение

Концепты культуры являются важнейшим объектом исследования когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, изучающих в целом связи языка, сознания и культуры. Известно, что языковые средства своими значениями передают лишь часть концепта [1], его дополнительные смыслы заключены в связанных с ними культурных явлениях, ценностях, образах, известных субъектам культуры. Поэтому изучение культурных концептов с одновременным переводом их на другой язык рассматривается исследователями и как проблема межкультурной коммуникации, и как лингвокультурологическая компетентность переводчика. Перевод в этом случае понимается не просто как выражение определенной языковой единицы одного языка лингвистическими единицами другого языка, он трактуется как культурный трансфер [2; 3]. И если использовать теорию культурного трансфера, подразумевающую перемещение культурных смыслов (от англ. transfer — перенос, перемещение), то в поле внимания попадает не просто разница между концептом одной лингвокультуры и ее переводной версией — в другой. Ведь, как пишет, М. Эспань, «всякий прямой перенос термина из одного языка в другой в процессе перевода текстов или просто заимствования... неизбежно приводит к смысловому сдвигу» [2]. Интерес представляют вопросы трансформаций смыслов, которые происходят в процессе этого трансфера, а также причины этих трансформаций [4].

Особо важна эта проблематика для российской науки, которая рассматривает основные результаты исследования этнических культур России на русском языке. Разумеется, этническим традициям посвящены и работы на языках самих культур, однако основным языком науки здесь все же остается русский язык. Это означает, что в русскоязычной литературе в значительной мере обсуждаются не столько смыслы самих культур, сколько результаты культурного трансфера — трактовки этнической культуры языковыми средствами другой (русской) культуры. Это проявляется в ходе культурологических дискуссий, в которых может обсуждаться та или иная нерусская культура, но носители этих культур попросту не узнают в них свою культуру, поскольку из дискурса может «выключаться» вся лексика культуры и в итоге обсуждается скорее русский образ иной культуры. Этот факт в гуманитарном знании далеко не всегда осмысливается, учитывается.

Более того, мы считаем, что к этому добавляется еще один проблемный «элемент» — переводчик-билингв, в целом переводческий билингвизм, что практически не учитывается при анализе проблем переводов [5]. Обычно при рассмо-

тренин переводчика и его навыков говорят о профессиональном, приобретенном билингвизме, когда специалист в ходе профессионального обучения и практики вырабатывает высокий уровень владения неродным языком, или естественном билингвизме, когда переводчик владеет обоими языками с детства или юношества. Оба вида билингвизма предполагают, что культурный трансфер между родными языками переводчика-билингва будет проходить с наименьшими потерями, причем естественный билингвизм кажется более предпочтительным в этом, особенно если мы говорим о концептах культуры. Рассмотрим это на тувинско-русском примере.

Целью данной статьи стал анализ проблем культурного трансфера при переводе концептов культуры тувинцев на русский язык, выполненный переводчиками — естественными билингвами. Источниковой базой анализа выступают тексты тувинского ученого М.Б. Кенин-Лопсана о традициях тувинской культуры, написанные и изданные им на родном языке — «Тыва чоннуң бурунгу ужурлары» («Древняя этика тувинского народа») (1994), «Тыва чаңчыл. Тыва чоннуң ыдыктыг чаңчылдары» («Тувинские традиции. Тувинские народные священные традиции») (1999) [6; 7]¹, и переведенные на русский язык в издании 2006 года [9] писателями-билингвами А.А. Дугержаа и А.С. Дембирель под редакцией также писателей-билингвов Э. Мижита и Н. Куулара.

Обсуждение

Сопоставление концептов оригинальных текстов М.Б. Кенин-Лопсана и переводных терминов русскоязычного издания, их анализ позволил нам выделить четыре вида проблем, возникающих при трансформации культурного трансфера:

- 1) искажение смыслов;
- 2) неполная передача информации;
- 3) исчезновение смысловых конструкций;
- 4) невозможность перевода безэквивалентной лексики.

Искажение смыслов

При переводе на русский язык термина *алгыш* (благословение) в обряде освящения неба используется словосочетание *слова молитвы*:

Эрте-бурунгу түрктерниң сиилбип бижигилээн көжээ тураскаалдарда дээрге чүдээн алгыштар бар [6. С. 99].

[В древних тюркских каменных памятниках имеются слова молитвы по освящению неба] [10. С. 90].

Алгыш в целом переводится как *благословение, напутствие* [10. С. 53], что очевидно не согласуется с семантикой русского слова *молитва* как текста, производимого при обращении к Богу, святым с просьбой, благодарностью, покаянием. Для понимания того, что такое *алгыш* в тувинской культуре, важно обратиться к специальной работе М. Б. Кенин-Лопсана «Алгыши тувинских шаманов» [12].

¹ Обе книги впоследствии были переизданы в общем издании «Тыва чаңчыл» («Тувинские традиции») в 2017 г. [8].

Книга чрезвычайно интересна не только как исследование этого жанра шаманской поэзии и обрядовой практики, но и как издание, подготовленное в авторизованном переводе с тувинского языка на русский. Сам автор называет *алгыш* шаманским напевом, шаманским стихом, подчеркивая, что *алгыши* входят в разные жанровые группы, посвященные и самим шаманам, и драматургические, и описательные, и пр. Это и посвящения, и обращения, и просьбы. Это специальная форма коммуникации людей с миром духов. Соответственно, переводить *алгыш* как *молитва* — значит сужать семантику этого явления.

Представляя один из концептов культуры *дагылга* (освящение) (объектов природы), М.Б. Кенин-Лопсан различает девять различных видов освящений *дагыыры* [6. С. 99] (*дагылга* — существительное, а *дагыыры* — отглагольное существительное от глагола *дагы* — освящать). В переводном издании один из видов *суг бажын дагыыры* переведено как *освящение родника* [9. С. 95]. Мы подчеркиваем, что, во-первых, в сочетании *суг бажы* указывается не сам родник, вода (*суг*), а его исток — *суг бажы*. Во-вторых, *суг бажы* буквально означает «начало воды», а если еще точнее, то «голова воды» (*баш* — голова), что выражает антропоморфное понимание тувинцами воды как существа, имеющего голову. При переводе этот оттенок значения пропал.

В обоих случаях неточно выбранные переводные термины искажают смысл самих концептов, приводят к передаче неточной информации об особенностях тувинской культуры.

Неполная передача информации

Термин *төрөл* (родственник) мы рассматриваем как один из важнейших концептов культуры тувинцев. Он имеет особое значение, поскольку связан с системой родства, с пониманием рода как основы социальной организации этноса. Поэтому тувинский язык содержит большое число терминов родства [11]. В этом ряду важными являются понятия разных групп поколений, групп предков. В работе М.Б. Кенин-Лопсана это выражено термином *тос ада угу* (девять поколений отцов) и его составными:

өгбелер — предки (кровное родство до трех поколений);

бурунгу өгбелер — древние предки (родство от четвертого до шестого поколений);

эрте-бурунгу өгбелер — далекие древние предки (родство от седьмого до девятого поколений) [6. С. 53—54].

В переводном издании упоминается только два вида: *өгбелер* (предки) и *эрте-бурунгу өгбелер* (далекие древние предки) [10. С. 52—53]. Наименования второго вида родства (от четвертого до шестого поколения) опущены. Можно только предположить, для чего это было сделано: вероятно, переводчики посчитали, что русскоязычный читатель не будет различать ступени поколений и ему достаточно сообщить только о двух группах предков — ближних и в целом дальних. На наш взгляд, пропуск группы опускает интереснейший нюанс лингвокультуры — различение тувинцами предков по поколениям.

В ряде случаев переводчики опустили детализацию обрядов. М.Б. Кенин-Лопсан приводит в оригинальном тексте названия национальной еды тувинцев, ха-

рактизирующие пиршество во время проведения *Шагаа*, а в переводном тексте полностью пропали детали пиршества тувинцев:

Шагаа хүнүнде шайлажыр. Улуг назылыг кырганнарның азы бир кодан аалдың улуг өө кожа-хелбээ кижилерин баштай шайладыр. Өг бүрүзү шала күскээр белеткеп алганы аьжын-чемин улуг пашка дүлөр. Үүжезин бузар, чодураалыг чөкпээн бузар, хырбачазын бузар. Деспи, тавак долу боова, боорзак, тараа, далган, ааржыны делгеп салыптар [6. С. 157].

[В дни Шагаа араты приглашали и угощали друг друга. Сперва угощали в юрте пожилых людей] [9. С. 144].

Так, мы видим, что в переводе пропал целый перечень угощений: *үүже* — запас замороженного мяса, оставленный на зиму [10. С. 453], *чодураалыг чөкпек* — лакомство из гущи, оставшейся после топления масла, с черемухой [10. С. 542], *хырбача* — запас мяса на зиму, замороженного в коровьей брюшине [10. С. 501], *боова* — пресная лепешка, жаренная в масле [10. С. 111], *боорзак* — печенье в виде жаренных в масле кусочков теста [10. С. 112], *тараа* — жареное толченое просо [10. С. 407], *далган* — мука из жареного ячменя [10. С. 145], *ааржы* — процеженная гуща кислого молока [10. С. 28], отражающие наименования национальной пищи тувинцев.

Таким же образом были опущены названия тувинских национальных игр, проводившихся в праздник Шагаа. Три предложения оригинала, в которых описывались игры:

Шагаа хүннеринде кым кымдан артык ойнаарын көргүзөр азы адаан-мөөрейлиг оюннар болур. Улуг улуг даалылаар, баг кагар, баг адар болгаш тевектеп ойнаар турган. Уруг-дарыг чуңгуулаар болгаш муңгурту тевер [6. С. 158].

просто отсутствуют в переводном тексте. Если взглянуть на их словарные трактовки, то мы увидим какими разнообразными были праздничные народные развлечения: *даалы* — национальная игра, напоминающая домино [10. С. 139], *баг кагар* — играть в городки [10. С. 82], *баг адар* — стрелять из лука в набивные мячики, сложенные в кучу [10. С. 82], *тевек* — чеканка, почечушка (свинцовый кружок с отверстием в середине для продевания пучка шерсти, волоса; при игре подбрасывается ногой) [10. С. 409], *чуңгуулаар* — кататься [10. С. 547]. Пропуск этой информации в переводном тексте значительно обеднил представление о том, как отмечался праздник.

При описании обряда *шай бузар* (разбивка чая), который является элементом свадебных обрядов, частью концепта *куда* (свадьба), в переводе на русский язык упущен термин *таакпы бээр чорук* — обмен табаком — обязательный обычай при знакомстве будущих родственников. Например, перевод фразы *Шай бузар чорук база таакпы бээр чорук келин кыстың бег, кунчуу бар деп чүвени бүгүде чонга элдэ-эртип турар* [6. С. 26] приводится в следующем виде: «Обряд разбивки чая призван известить окружающих о том, что у девушки есть будущие свекор и свекровь» [9. С. 27], где отсутствует перевод фразы *таакпы бээр чорук* (обмена табаком).

Описание концепта *кавай* (колыбель ребенка) в оригинальном тексте представлено 34 номинативными единицами, обозначающими конструкцию, материал, предметы, которые клали в колыбель. Но в текст перевода попали только

29 из них. Опушенными оказались названия *ааткыыш баа* — ремень крюка колыбели [7. С. 38], *уруг куьдунуң үгээ* [7. С. 40] — домик (коробка) с душой ребенка, *узун шидиг* [7. С. 38] — длинный шнурок, *уруг өдээ* [7. С. 39] — сухой овечий навоз для ребенка, *кавайның дужактары* [7. С. 36] — путы колыбели.

Уруг куьдунуң үгээ дээрге дүвүн өрүлдүр аскан, аксын кудулдур халаңнаткан хапчыгаш болур. Уруг куьдун аңгы аңгы адагылаар. Уруг куьду, уруг шивээзи, уруг куьду ээрен дигилээр. Уруг куьдун хам кижиниң чугаалааны-биле кылыр. Бурун тывалар уруг куьдунуң шивээзин салбактап шимээр, чараштап каастаар турган. Уруг шивээзи дээрге чаш уругнуң куьдунуң хай-халаптан камгаланыр, чаштынар, чаглектаныр ээ-рени болур [7. С. 40].

Это большое описание, данное Кенин-Лопсаном, переводчики привели в очень сокращенной форме:

Куколку помещали в мешочек, называемый шивээ — крепость, который подвешивали дном вверх. Говорили, душа ребенка хоронится от разных напастей в крепости [9. С. 167].

Однако это описание содержит интересные нюансы, приводим наш перевод:

«Душу» ребенка по-разному называют. Говорят, «душа» ребенка, крепость ребенка, идол (ээрен) души ребенка. В других местах «душу ребенка» называют *крепость ээрена*. Ее делали по совету шамана. В старину тувинцы очень украшали крепость, делали красивую бахрому. Крепость души ребенка — это идол, защищающий ребенка от всяких бед, и где можно спрятаться и укрыться.

На наш взгляд, желательно воспроизвести хотя бы все приведенные классификации структуры *кавай* (колыбель) в тувинском языке при переводе на другой язык, чтобы представление читателя было наиболее полным.

В следующем описании Кенин-Лопсана термин *узун шидиг*, мы считаем, переведен неправильно:

Узун шидиг болза мунгаш шидиг-биле аргый баглаарынга херек [7. С. 38].

[Напротив каждого ремешка-кольца на другой стороне колыбели располагается длинный ремешок] [9. С. 165].

Вместо «длинного ремешка» лучше бы подошло словосочетание «длинный шнурок», так как по виду он узкий, похожий на шнурки ботинок, т.е. точный перевод будет строиться так: «Напротив каждого ремешка-кольца на другой стороне колыбели располагается длинный шнурок».

Так, мы видим, что переводчики скорее не переводили текст дословно, а адаптировали, опуская часть ценной этнографической информации. Подобные решения сужают смысловое поле тувинской культуры. Наличие столь богатого семантического поля у концепта «детская колыбель» означает то, какое большое значение тувинцы придавали детям, культуре детства. Подобные же семантические поля имеют концепты культуры любого народа, они показывают отличие мироощущений. Так, например, Б.Е. Шагимгереева отмечает, что казахи используют 13 наименований для передачи того, что такое «верблюдо», «верблюдица», «верблюжонок», чего нет на русском языке. И это обуславливает проблемы перевода концептов казахской культуры [13. С. 12].

Исчезновение смысловых конструкций

Часто в переводе не просто дается усеченная информация, а опускаются очень важные смысловые конструкции, позволяющие глубже вникать в особенности культуры.

Понятие *кавай* (колыбель ребенка) в работе М.В. Кенин-Лопсана передается в том числе с описанием материала, из которого она изготавливалась. Кенин-Лопсановское словосочетание *кавайның ыяжы* (древесина колыбели) в переводном издании упоминается как «из какого-то дерева» [9. С. 163]. Хотя в тексте автора даются пояснения, по какой именно причине выбирали кедр или ель: *Кавайның ыяштарын кургаг пөштү азы кургаг шивини чара каккылааш, чугаладыр чонуп тургааш кылыр* [7. С. 35] (эта фраза не переведена; ее можно перевести так: *Древесину колыбели делали из сухого кедра или ели, и забивали на две половины, и делали тонкие щепки*). Ценная этнографическая деталь показывает нам материал изготовления, что обогащает сведения о традиционном быте тувинцев.

Кавайлаан уругнуң чөргээн каш-даа чазар [7. С. 37] — переведено как «Убирают одеяло, проверяют удобно ли малышу» [9. С. 165]. При описании *кавай* (колыбель ребенка) автор также использует слово *чөргек*, которое переведено в книге как «одеяльце». В Тувинско-русском словаре данное слово переводится как «пеленка; свивальник» [10. С. 543]. Соответственно, перевод не соответствует толкованию слова, так как *чөргек* — это пеленка, а одеяло на тувинском языке — *чоорган*. Приводим правильное толкование при переводе: «Уложив ребенка в *кавай*, пеленки заменяют несколько раз в день».

Также упущено одно образное выражение из оригинала:

Бурун тывалар чаш уругну кавайга аянынгы чыттырар, ынды-бетин чыскыыр, чөргекбиле уран-мерген ораар турган. Чөргектиг уруг чөңгүлбес дижир [7. С. 37].

[Уложив ребенка в кавай, одеяльце со всех сторон аккуратно подтыкали] [9. С. 165].

Переводчики опустили фразу *чөргектиг уруг чөңгүлбес дижир* букв. ребенок, выросший в пеленке, никогда не болеет.

Перед проведением свадьбы родители обращались к шаманам и ламам, чтобы выбрать благоприятный день для свадьбы. Так это описывает М.Б. Кенин-Лопсан:

Шаг шаанда өгленир дээн оолдун, кыстың ада-иелери кандыг айда, кандыг хүндүс аалдан үнерин улуг хам кижиге айтыртып аар, улуг чарынчыга чарын салдыртып аар, улуг төлгечиге хуваанак салдыртып аар турган [6. С. 28].

В переводном издании эта фраза приведена в следующем виде:

С давних времен родители жениха и невесты обращались к шаманам и гадальщикам по бараньей лопатке с просьбой определить и установить дату свадьбы, даже день и час, когда девушке уезжать из аала родителей [9. С. 27].

Здесь упущена фраза *улуг төлгечиге хуваанак салдыртып аар турган* — имениные предсказатели гадали на камешках, т.е. пропущен один из видов действий, которые производили гадальщики.

Также опущено следующее предложение, в котором описывается дата установления свадьбы и встреча сватов:

Келин болур уругнуң аалдан аът мунуп үнерде кандыг чылдыг кижиге аадының узундынын тударын безин айтыртып аар [6. С. 28].

[Когда выезжает невеста из своего аала, даже спрашивали (уточняли), какого года рождения человек должен вести ее лошадь на поводу.]

В описании деталей проведения *куда* (свадьбы) опущены названия домашней утвари. В книге М.Б. Кенин-Лопсана описывается:

Хойлаарак, көгээржик болгаш ыяш дөмбүң иштинге арагалыг болур. Хөм болгаш пөс хаптар иштинге дүлген эът, боова, боорзак, быштак болгаш соктаан чиңге-тараа бар болур [7. С. 27].

В переводном издании названия не приводятся: «Это нужно для того, чтобы заранее распределить по юртам подарки и угощение» [10. С. 25]. Пропали упоминания *хойлаарак* (кожаная фляжка) [10. С. 479], *көгээржик* (кожаная фляжка (для кумыса или араки)) [10. С. 256], *ыяш дөмбүң* (деревянный сосуд с узким горлышком) [10. С. 177]; *дүлген эът* (вареное мясо), *боова* (пресная лепешка, жаренная в масле) [10. С. 111], *боорзак* (печенье в виде жаренных в масле кусочков теста) [10. С. 112], *быштак* (сыр), *соктаан чиңге-тараа* (жареное толченое просо) [10. С. 407].

В следующей фразе опущены слова *аптара-сава* (сундук), *үлгүүр* (посудный шкаф), *аяктар* (пиалы), *хууңнар* (ведра), называющие домашнюю утварь невесты в качестве приданого, когда она заезжает в свою юрту:

Алгыш-йөрээл доостурга, келин уруг чаа тиккен өөнге чанып келир. Куда дүшкен соонда, бир хонганда, оолдуң талазындан ийи кадай кижиге келин кыстың эккелген чүвелерин ончалап көөр. Келин кыстың эккелген аптара-савазын, үлгүүрүн, аяктарын, хууңнарын болгаш эдин-севин оолдуң талазындан ончалап-четчелеп алырын буянныг чорук дээр [6. С. 33].

[После завершения благословления невеста возвращается в свою юрту. Через день после свадьбы родственники жениха приводят в порядок все вещи, которые привезли родители и родственники невесты. Приведение в порядок этих предметов считалось делом благородным] [9. С. 32].

Мы видим, что переводчики не учитывают этнографические особенности, опускают многие детали, которые дают возможность погрузиться в мир культуры.

Невозможность перевода безэквивалентной лексики

Одним из фундаментальных вопросов теории перевода является вопрос о границах переводимости, возникший в связи с осознанием своеобразия национальных языков и невозможности достижения полной тождественности смысла перевода и оригинала [14]. В тех случаях, когда соответствие той или иной лексической единице одного языка в словарном составе другого языка отсутствует, принято говорить о безэквивалентной лексике. Будучи словами с ярко выраженной национальной спецификой, данные слова представляют большую трудность при переводе. На практике переводчики прибегают к разным способам передачи безэквивалентной лексики. Так, транслитерация и транскрипция, калькирование довольно просты, но не раскрывают смысл переводимых слов. Описательный перевод создает избыточность речи, громоздкость конструкций. Перевод посредством аналога лишь приблизительно передает значение исходного концепта.

Трансформационный перевод использует лексические замены, однако требует широкого контекста, лингвокультурологического кругозора переводчика [15; 16].

В рассматриваемом переводном издании присутствуют два варианта решения проблемы. Так, тема *уруг кавайы* (колыбель ребенка) в книге «Тыва чаңчыл», как мы уже упоминали, представлена 34 номинативными единицами, обозначающими конструкцию, материал, предметы, которые клали в колыбель, а также традиции, связанные с колыбелью [7. С. 35—43]. Ряд из них — *чөмег, сүңмек / төжүнек, арташ, кырыктааш*, характеризующие части колыбели, в русскоязычном издании приводятся на языке оригинала, поскольку относятся к безэквивалентной лексике.

Так, этнографизм *чөмег* переведен сочетанием «вместо подушки», а в тексте транслитерирован:

Бурун тывалар *анай кежин* чаш уругнуң бажының адаанга салыр, ону чөмег дээр. Чаш уругнуң бажының адаанга чымчак болгаш чылыг дүктүг анай кежин салырга, кулаа дыынгыр болур, бажы тыртык болбас, мойну хөнү болур [7. С. 39].

[В старину под голову ребенка клали хорошо выделанную легкую и теплую шкуру ягненка. Говорили, что этот чомек не даст деформироваться головке и шее малыша. Чомек улучшает слух ребенка] [9. С. 166].

Кроме того, здесь допущена фактическая ошибка: переводчики вместо «шкура козленка» написали «шкура ягненка», хотя *анай* переводится как «козленок» [10. С. 59].

Кырыктааштар дээрге доора калбаа 2 хире сантиметр, узун дурту 12 хире сантиметр хемчээлдиг калбак-калбак ыяштар болур. Чаш уругнуң бажы дыртык болбазынга, хөрээ кызы болбазынга, дурт-сыны дагыр болбазынга кырыктааштар кончуг чугула болур [7. С. 36].

[Это плашки длиной около 12, шириной 2 см, прикрепленные с двух сторон колыбели, они нанизаны на узкие ремешки. Кырыктааш регулировал нужное положение головы, способствовал правильному росту грудной клетки и позвоночника ребенка] [9. С. 164].

Слово *кырыктааш* в переводном издании приводится только на тувинском языке. При этом подчеркнем, что в оригинальном тексте упоминаются *кырыктааштар* или *сайгыттар* [7. С. 36] как синонимы, а в тексте перевода осталось одно слово *кырыктааш* [9. С. 164].

Приведем примеры, где значения безэквивалентных слов переведены с помощью калькирования, позволяющего перенести содержание термина в язык перевода при полном сохранении его семантики. Слово *сүңмек / төжүнек* не имеет буквального перевода, поэтому в переводном издании его передали следующим образом:

Кавайның адаккы талазынга азы чаш уругнуң ужазы чыдар черинге өдек ыяжы чыдар. Өдек ыяжы сүңмек азы төжүнек деп база адап турар. Өдек ыяжы дээрге хадың тозундан, эттеп каан шары кежинден, чымчак ыштан таарыштыр кылган хензиг хааржак болур [7. С. 36].

[В нижнем конце одеяльца, укрывающего младенца, имеется отверстие, куда вставлялась деревянная (берестяная или из толстой кожи) втулка в виде коробочки, это

приемник для выделений. В *сунмек* насыпают сухой овечий навоз, либо сухую кедровую хвою, либо опилки сухого муравейника, которые обладают гигроскопическими свойствами] [9. С. 164].

Сунмек / төжунек — углубление в колыбели для выделений ребенка, в которое часто насыпают сухой овечий навоз.

К безэквивалентной лексике относится, например, название тувинского обычая *ойтулааш*. Один из параграфов книги М.Б. Кенин-Лопсана посвящен описанию этого обычая, при этом переводчикам приходится добавлять пояснение: «Что такое ойтулааш? В чем его содержание и смысл? Ойтулааш — это ночные игрища молодежи дореволюционной Тувы» [9. С. 144]. Собственно, то же относится и к названию праздника Шагаа и ряда других концептов.

Естественный билингвизм и проблемы перевода

В целом, рассматриваемое издание является единственным полным переводом книги М.Б. Кенин-Лопсан. И поскольку перевод выполнен естественными билингвами — переводчиками и редакторами переводов, для которых оба языка (тувинский, русский) родные, можно сказать, что им в основном удалось передать особенности тувинской культуры.

Несколько слов о переводчиках — А.А. Дугержаа и А.С. Дембирель и редактора перевода — Э.Б. Мижит и Н.Ш. Куулар.

Дугержаа Александр Артаевич считается одним из ярких представителей тувинской журналистики, проработавшим с ведущими тувинскими газетами в качестве журналиста и переводчика. Перевод книги М.Б. Кенин-Лопсана является его важным трудом последних лет жизни¹. Дембирель Александр Сотпаевич — тувинский журналист, работал в газетах «Шын», в издательстве «Новости Тувы».

Более известны своей переводческой деятельностью редакторы издания. Мижит Эдуард Баирович — поэт, драматург, прозаик, переводчик. Известен как писатель-билингв, творчество которого уже неоднократно обсуждалось исследователями именно с этой точки зрения [17—19; 22. С. 147—149; 21]. Куулар Николай Шагдыр-оолович — поэт, прозаик, переводчик, редактор Тувинского книжного издательства [20. С. 118—120]. Оба писателя входили также в рабочую группу, которая подготовила перевод Библии на тувинский язык [22].

Учитывая богатый опыт редакторов, можно сказать, что переводное издание подготовлено квалифицированными специалистами — билингвами, которые выполнили русский текст, обусловленный «билингвальным творческим сознанием» [23]. Как подчеркивает У.М. Бахтиреева, писатели-билингвы в отличие от монолингвов создают художественный обзор — «“не копирование” внешней культуры по отношению к русской с утерей необходимых качеств, а тот, в котором заложены качества “ценные” для восприятия русского читателя как стимуляторы» [23. С. 45—46]. В этом смысле также можно сказать и о рассматриваемом издании.

¹ Монгуш Х.-К.С., Данзын М.Т. Алексей Артаевич Дугержаа // Люди и события Тувы: календарь-хронограф 2015. Кызыл, 2014. С. 61—62.

Однако естественный билингвизм не всегда позволяет его носителям в полной мере репрезентировать ценности одной культуры языковыми средствами другой. Во-первых, двуязычие далеко не всегда бывает равноценным — языковые системы выступают в смешанном соотношении, языки билингва будут различаться на доминантный и не доминантный (и доминантность может меняться в зависимости от условий общения). Это отражается и в процессе мышления, и в самоидентификации билингва [24; 25]. Кроме того, соотношение языков билингва (какой из них является главным) может выражаться в мелодичности речи. Например, у билингвов специалисты достаточно легко определяют доминантный язык по его мелодике, которая часто слышна и в использовании второго языка. Во-вторых, структуры соответствующих языков продолжают определять средства выражения [26]. Отсюда вытекают и проблемы трансформации смыслов.

Все отмеченные нами проблемы являются скорее проблемами переводческой компетенции, которую необходимо развивать. Быть естественным билингвом, чтобы переводить описания культуры и ее ценностей, концептов, — недостаточно, кроме этого необходимо и профессиональное образование. Также мы согласны с тем, что необходимо формировать особую переводческую рефлексию [5].

Проблема заключается в том, что даже переводчики с естественным билингвизмом в рамках перемещения культурных смыслов при переводе также допускают или смещение смыслов, или их сокращение. Очевидно, они производились с целью адаптации этнографической информации для русскоязычного читателя, для популяризации культуры. Однако даже популяризация, на наш взгляд, нуждается в лингвокультурологическом анализе, а также в выстраивании специальной стратегии перевода. Последняя, как отмечает Б.Е. Шагимгереева, зависит от интеллектуальных ресурсов конкретного переводчика и представляет собой осознанную, целенаправленную коммуникативную деятельность [13. С. 6].

Заключение

Как пишет А.К. Кужугет, «научные труды М.Б. Кенин-Лопсана содержат огромное количество уникальной информации о традиционной культуре тувинцев, транслируют неповторимый колорит высказываний информантов, родившихся в конце XIX — начале XX века, и поэтику самого автора» [26. С. 460]. Поэтому наследие одного из главнейших исследователей и хранителей тувинской культуры является важной частью самой культуры. Работу исследователей в значительной степени облегчает то, что труды Кенин-Лопсана выходили и на тувинском языке, и на русском. Тем не менее русскоязычные издания, выполненные даже билингвальными этническими тувинцами — переводчиками, надо воспринимать как воспроизведение фрагментов картины мира тувинского народа, выраженных языковыми средствами иной культуры. И учитывать это обстоятельство в работе.

Список литературы

1. *Болдырев Н.Н.* Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И.А. Стернина. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2011.

2. *Эспань М.* Межкультурная история филологии // НЛЮ. 2006. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2006/6/mezhkulturnaya-istoriya-filologii.html>
3. *Дмитриева Е.Е.* Теория культурного трансфера и компаративный метод в гуманитарных исследованиях: оппозиция или преемственность // Вопросы литературы. 2011. № 4. С. 302—313.
4. *Хидирова Г.Н.* Синтаксические трансформации в русских переводах романа А. Кадыри «Минувшие дни» // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 3. С. 375—384. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-375-384
5. *Баринова И.А., Нестерова Н.М.* О специфике языковой рефлексии и билингвизма переводчика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 6. Ч. 1. С. 20—22.
6. *Кенин-Лопсан М.Б.* Тыва чоннун бурунгу ужурлары. Кызыл: Новости Тувы, 1994. (На тув. яз.)
7. *Кенин-Лопсан М.Б.* Тыва чаңчыл. Тыва чоннун ыдыктыг чаңчылдары. Кызыл: Новости Тувы, 1999. (На тув. яз.)
8. *Кенин-Лопсан М.Б.* Тыва чаңчыл: в 2 ч. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2017. (На тув. яз.)
9. *Кенин-Лопсан М.Б.* Традиционная культура тувинцев / пер. с тув. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2006.
10. Тувинско-русский словарь / под ред. Э.Р. Тенишева. Изд. 2-е. Кызыл: Тываполиграф, 2014.
11. *Кара-оол Л.С.* Термины родства и свойства в тувинском языке. Кызыл: РИО ТывГУ, 2006. 252 с.
12. *Кенин-Лопсан М.Б.* Алгыши тувинских шаманов. Якутск: Бичик, 2007.
13. *Шагимгереева Б.Е.* Переводческая стратегия билингвального автора (на материале переводов Бахыта Каирбекова с казахского языка на русский): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2021.
14. *Кабакчи В.В., Белоглазова Е.В.* Введение в интерлингвокультурологию. М.: Юрайт, 2020.
15. *Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Альянс, 2013.
16. *Попова Е.Е., Семенова М.Ю.* Безэквивалентные термины и их передача при переводе специальных текстов // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2016. № 2. С. 36—45.
17. *Валикова О.А., Шагимгереева Б.Е., Кулиева Ш.А.* Космос в Логосе: Транслингвальная поэзия Эдуарда Мижита и Бахыта Каирбекова // Новые исследования Тувы. 2020. № 4. С. 230—249. DOI: 10.25178/nit.2020.4.16
18. *Донгак У.А.* Новаторство писателя-билингва Эдуарда Мижита (тувинская поэзия) // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 4. С. 462—474. DOI: 10.22363/2618-897X-2020-17-4-462-474
19. *Дампилова Л.С.* Мотив двойничества в поэзии Эдуарда Мижита // Сибирский филологический журнал. 2014. № 3. С. 158—163.
20. *Комбу С.С.* Тувинская литература. Словарь. Новосибирск: Наука, 2012.
21. *Валикова О.А.* Sōgitō, ergo sum: интервью с Эдуардом Мижитом // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 2. С. 216—223. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-216-223
22. *Мижит Л.С.* Перевод Библии на тувинский язык: обогащение лексического состава тувинского литературного языка // Родной язык. 2016. № 1. С. 141—154.
23. *Бахтикиреева У.М.* Особенности русского художественного текста писателя-билингва // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2004. № 1. С. 43—49.
24. *Кремер Е.Н.* Проблемы русско-инонационального билингвизма: языковая и этническая идентичность билингвальной личности: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010.
25. *Васильева С.Г.* Разноязычие (смешанная речь) и типология билингвизма личности: автореф. дис... д-ра филол. наук. М., 2015.

26. Уфимцева Н.В. Особенности языкового сознания билингва // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 3. С. 156—167.
27. Кужугет А.К. Культурологический аспект научного творчества М.Б. Кенин-Лопсана // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 4. С. 454—461. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-454-461

References

1. Boldyrev, N.N. 2011. "Kontsept i znachenie slova". In *Metodologicheskie problemy kognitivnoi lingvistiki*. Edited by I.A. Sternin. Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi universitet publ. P. 25—35. Print. (In Russ.)
2. Espan', M. 2006. *Mezhkul'turnaya istoriya filologii*. NLO 6. Web. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2006/6/mezhkulturnaya-istoriya-filologii.html> Online. (In Russ.)
3. Dmitrieva, E.E. 2011. "Teoriya kul'turnogo transfera i komparativnyi metod v gumanitarnykh issledovaniya: oppozitsiya ili preemstvennost'". *Voprosy literatury* 4: 302—313. Print. (In Russ.)
4. Khidirova, G.N. 2020. "Sintaksicheskie transformatsii v russkikh perevodakh romana A. Kadyri «Minuvshie dni»". *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki* 17(3): 375—384. Print. (In Russ.). DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-375-384
5. Barinova, I.A., Nesterova, N.M. 2015. "O spetsifike yazykovoi refleksii i bilingvizma perevodchika". *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* 6(1): 20—22. Print. (In Russ.)
6. Kenin-Lopsan, M.B. 1994. *Tyva chonnu burungu uzhurlary* ["Tuvan folk sacred traditions"]. Kyzyl: Novosti Tuvy publ. Print. (In Tuv.)
7. Kenin-Lopsan, M.B. 1999. *Tyva cha chyl. Tyva chonnu ydyktyg cha chylary* ["Tuvan traditions. Tuvan folk sacred traditions"]. Kyzyl: Novosti Tuvy publ. Print. (In Tuv.)
8. Kenin-Lopsan, M.B. 2017. *Tyva cha chyl* ["Tuvan traditions"]; in 2 parts. Kyzyl: Tuvan Book Publishing House. Print. (In Tuv.)
9. Kenin-Lopsan, M.B. 2006. *Traditsionnaya kul'tura tuvintsev: trnasl. from Tuv*. Kyzyl: Tuvan Book Publishing House. Print. (In Tuv.)
10. *Tuvinsko-russkii slovar'* 2014. Edited by E.R. Tenishev. 2nd ed. Kyzyl: OAO «Tyvapoligraf» publ. Print. (In Russ.)
11. Kara-ool, L.S. 2006. *Terminy rodstva i svoystva v tuvinskom yazyke*. Kyzyl: RIO TyvGU publ. Print. (In Russ.)
12. Kenin-Lopsan, M.B. 2007. *Algyshi tuvinskikh shamanov*. Yakutsk: Bichik publ. Print. (In Russ.)
13. Shagimgerieva, B.E. 2021. "Perevodcheskaya strategiya bilingval'nogo avtora (na materiale perevodov Bakhyta Kairbekova s kazakhskogo yazyka na russkii)". Abstract of Diss. ... Candidate of Philology. Moscow. Print. (In Russ.)
14. Kabakchi, V.V., Beloglazova, E.V. 2020. *Vvedenie v interlingvokul'turologiyu*. Moscow: Yurait publ. Print. (In Russ.)
15. Komissarov, V.N. 2013. *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)*. Moscow: Al'yans publ. Print. (In Russ.)
16. Popova, E.E., Semenova, M.Yu. 2016. "Bezektivnyye terminy i ikh peredacha pri perevode spetsial'nykh tekstov". *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniiya i pedagogiki* 2: 36—45. Print. (In Russ.)
17. Valikova, O.A., Shagimgerieva, B.E., Kulieva, Sh.A. 2020. "Kosmos v Logose: Translingval'naya poeziya Eduarda Mizhita i Bakhyta Kairbekova". *New Research of Tuva* 4: 230—249. Print. (In Russ.). DOI: 10.25178/nit.2020.4.16
18. Dongak, U.A. 2020. "Novatorstvo pisatelya-bilingva Eduarda Mizhita (tuvinskaya poeziya)". *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki* 17 (4): 462—474. Print. (In Russ.). DOI: 10.22363/2618-897X-2020-17-4-462-474
19. Dampilova, L.S. 2014. "Motiv dvoynichestva v poezii Eduarda Mizhita". *Sibirskii filologicheskii zhurnal* 3: 158—163. Print. (In Russ.)
20. Kombu, S.S. 2012. *Tuvinskaya literatura. Slovar'*. Novosibirsk: Nauka publ. Print. (In Russ.)

21. Valikova, O.A. 2021. “С git , ergo sum: interv’yu s Eduardom Mizhitom”. *Polilingvial’nost’ i transkul’turnye praktiki* 18 (2): 216—223. Print. (In Russ.). DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-216-223
22. Mizhit, L.S. 2016. “Perevod Biblii na tuvinskii yazyk: obogashchenie leksicheskogo sostava tuvinskogo literaturnogo yazyka”. *Rodnoi yazyk* 1: 141—154. Print. (In Russ.).
23. Bakhtikireeva, U.M. 2004. “Osobennosti russkogo khudozhestvennogo teksta pisatelya-bilingva”. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Russkii i inostrannye yazyki, i metodika ikh prepodavaniya* 1: 43—49. Print. (In Russ.).
24. Kremer, E.N. 2010. *Problemy russko-inonatsional’nogo bilingvizma: yazykovaya i etnicheskaya identichnost’ bilingval’noi lichnosti: Diss. ... Candidate of Philology. Moscow. Print. (In Russ.)*
25. Vasil’eva, S.G. 2015. *Raznoyazychie (smeshannaya rech’) i tipologiya bilingvizma lichnosti: Abstract of Diss. ... Doctor of Philology. Moscow. Print. (In Russ.)*
26. Ufimtseva, N.V. 2019. “Osobennosti yazykovogo soznaniya bilingva”. *Polilingvial’nost’ i transkul’turnye praktiki* 16 (3): 156—167. Print. (In Russ.).
27. Kuzhuget, A.K. 2020. “Kul’turologicheskii aspekt nauchnogo tvorchestva M. B. Kenin-Lopsana”. *Polilingvial’nost’ i transkul’turnye praktiki* 17(4): 454—461. Print. (In Russ.) DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-454-461

Сведения об авторах:

Кужугет Шенне Юрьевна — кандидат филологических наук, заведующий кафедрой педагогики и методики дошкольного и начального образования, старший научный сотрудник лаборатории этнологии и лингвокультурологии Тувинского государственного университета. E-mail: kuzhuget-sh@mail.ru
ORCID 0000-0002-3507-305
elibrary SPIN 9147-8404

Сувандии Надежда Дарьевна — кандидат филологических наук, декан филологического факультета, старший научный сотрудник лаборатории этнологии и лингвокультурологии Тувинского государственного университета. E-mail: suvandiin@mail.ru
ORCID 0000-0002-3817-2436
elibrary SPIN 8738-8205

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, заведующий лабораторией этнологии и лингвокультурологии Тувинского государственного университета; главный научный сотрудник отдела религиоведения и культурологии Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. E-mail: lamazhaa@tuva.asia
ORCID ID: 0000-0003-1813-3605
elibrary SPIN 5840-5430

Bio Notes:

Shenne Yu. Kuzhuget is a Candidate of Philological Sciences, Senior researcher at the Laboratory of Ethnology and Linguoculturology, Head of the Department of Pedagogy and Methodology of Preschool and Primary Education, Tuvan State University. E-mail: kuzhuget-sh@mail.ru
ORCID 0000-0002-3507-305
elibrary SPIN 9147-8404

Nadezhda D. Suvandii is a Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher at the Laboratory of Ethnology and Linguoculturology, Dean of the Faculty of Philology, Tuvan State University. E-mail: suvandiin@mail.ru
ORCID 0000-0002-3817-2436
elibrary SPIN 8738-8205

Chimiza K. Lamazhaa is a Doctor of Philosophy, Head of Laboratory of Ethnology and Linguoculturology, Tuvan State University; Chief Researcher, Department of Religious Studies and Cultural Studies, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of Tuva. E-mail: lamazhaa@tuva.asia

ORCID ID: 0000-0003-1813-3605

elibrary SPIN 5840-5430

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4-421-432

Научная статья

Способы репрезентации ориентального мышления этноса в переводе с бурятского на русский язык

П.П. Дашинамаева

Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова,
Республика Бурятия, 670000, Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

✉ polinadash58@mail.ru

Аннотация. Актуальность работы обусловлена тем, что в существующих исследованиях мало внимания уделяется описанию ментального этапа пред- и постперевода, с одной стороны, и способам идентификации этноцентрированного содержания мышления автора — с другой. Цель исследования состоит в описании способов репрезентации ориентального мышления этноса в переводе с бурятского на русский язык. Представлены экспериментальные аксиологические данные о семантическом пространстве трех поколений современных бурят; определены основные векторы ориентального бурятского мышления; подтверждены аксиологические наблюдения на материале художественного текста; описаны способы репрезентации ориентального мышления этноса в переводе на русский язык и обоснована (не)релевантность выбора коррелирующих соответствий. Материалами исследования выступают данные эксперимента семантического дифференциала, рассказ Дамбиницы Цырендашиева «Һүүлшын уулзалга» («Последняя встреча»). Использовались следующие методы: психолингвистический эксперимент, постпереводческий анализ целевого текста на русском языке. Представлена алгоритмизация предпереводческого этапа экспликации этноцентрированной семантики исходного текста.

Ключевые слова: перевод, этнический, бурятский, мышление, ценность, вербальный, невербальный, сдержанность, холистичность, экспликация

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 26.07.2021

Дата принятия к печати: 26.09.2021

Модератор: О.А. Валикова

Конфликт интересов: отсутствует

© Дашинамаева П.П., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования:

Дашинамаева П.П. Способы репрезентации ориентального мышления этноса в переводе с бурятского на русский язык // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 4. С. 421—432. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4-421-432

Research Article

Oriental Ethnic Mind: Ways to Represent It in Translation from Buryat into Russian

P.P. Dashinimaeva

Banzarov Buryat State University,
24a, Smolina Str., Ulan-Ude, 670000, Republic Buryatia
✉ polinadash58@mail.ru

Abstract. The urgency and topicality of the research is due to an insufficient study of zoom-investigating into a pre- and post-translation mental stage, and of ways to identify or forecast the author's mind ethno-centered content. Hereby the objective of the study is to describe ways of representing the oriental ethnic mind in translation from Buryat into Russian. To implement it, the following tasks are solved: to prove the conceptual difference of the Buryat mind within three dimensions the experimental axiological data on the semantic space of three generations of modern Buryats are presented, the main vectors of oriental Buryat mind are determined, the given axiological observations are confirmed on the basis of a literary text material, the author being a conservatively orientally-minded author by himself, and a number of ways to represent the Buryat ethnic mind in translation into Russian are discussed, and their correlated correspondences (ir)relevance issue is respectively raised. The materials are as follows: the semantic differential experiment data and Dambinima Tsyrendashiev's story "huhlshyn uulzalga" 'Last meeting'. The research methods are a psycholinguistic experiment, a post-translation analysis of the target text in Russian, an algorithm presentation of the source text ethno-centered semantics explication at the pre-translation stage which is presented in the conclusion.

Key words: translation, ethnic, Buryat, mind, value, verbal, non-verbal, restraint, holistic, explication

Article history:

Received: 26.07.2021

Accepted: 26.09.2021

Moderator: O.A. Valikova

Conflict of interests: none

For citation:

Dashinimaeva, P.P. 2021. "Oriental Ethnic Mind: Ways to Represent It in Translation from Buryat into Russian". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (4), 421—432. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4-421-432

Введение

Любой региональный текст, будь то новостной, рекламно-туристический или художественный текст, не может не содержать эксплицитно или имплицитно обозначенные этноориентированные идеи и послания. Учитывая, что перевод предполагает их воспроизведение для носителей языка-культуры-2, чьи доминантные ориентиры в значительной степени отличаются от исходной, самой важной переводческой задачей становится выбор способов репрезентации мышления автора и соответствующего этноса. Релевантное решение данной задачи минимизирует варианты диверсификации понимания аксиологической картины мира представителей культуры-1.

Однако, когда говорим о ценностях как регулятивах поведения носителей культуры, мы прибегаем к такой абсолютизации, которая ведет к ощущению тождества в восприятии и актуализации ценностей. Понимая, что современная лингвистика не может не быть психолингвистикой, прибегающей к атомарному принципу исследования, наша исходная задача — уйти от мегаобобщений и признать внутреннюю индивидуальность семантических пространств по крайней мере трех разных поколений этноса, где помимо несомненных сходств наблюдаются значительные различия между ними. Наиболее очевидной причиной подобного расхождения является источник, из которого формируется мудрость народа — устные и письменные народные сказания, в частности паремии, для старшего поколения и преимущественно интернет-форумы социальных сетей и развлекательные порталы виртуального мира — для младшего. При этом не забываем, что частотная часть ассоциативного поля представляет собой то общекультурное, что объединяет людей в одно лингвокультурное сообщество, потому она «обладает стабильностью и существует в неизменном виде длительные периоды в жизни этноса» [1. С. 31], обеспечивая межпоколенное общение носителей культуры.

Цель исследования. Для реализации цели — описания способов репрезентации ориентального мышления этноса в переводе с бурятского на русский язык — нам необходимо последовательно решить следующие задачи:

- представить экспериментальные аксиологические данные о семантическом пространстве трех поколений современных бурят;
- определить основные векторы бурятского ориентального мышления;
- подтвердить представленные аксиологические наблюдения на материале современного художественного текста;
- описать способы репрезентации ориентального мышления этноса в переводе данного текста с бурятского на русский язык и обосновать (не)релевантность выбора коррелирующих соответствий.

Материалы и методы исследования

Объект «ориентальное мышление бурятского этноса» и предмет «способы репрезентации ориентального мышления в переводе на русский язык» актуализируются в следующих материалах и соответствующих методах: данных психолингвистического эксперимента семантического дифференциала; рассказе Дамбинимы Цырендашиева «Һүүлшын уулзалга» («Последняя встреча»); в постпере-

водческом анализе целевого текста на русском языке; в алгоритмизации предпереводческого этапа экспликации этноцентрированной семантики исходного текста.

Как известно, ценности как ментальные сущности доступны для исследования только через внешние — вербальные и невербальные — знаковые объективации. В этой связи кратко представим результаты психолингвистического исследования аксиологического сознания профанных носителей бурятского языка на материале восприятия 67 универсальных ценностей респондентами из Республики Бурятия, Иркутской области, Забайкальского края (большинство — жители Республики Бурятия), принадлежащие к трем поколениям — 20-летние, 40-летние и 60-летние¹. В случае с бурятским языком возрастной критерий становится особенно важным не только в связи с тем, что ценности претерпевают видоизменение в целом и в содержании, и в способах актуализации в результате обретения различных видов опыта под влиянием внешних факторов, но и в связи с тем, что функционирование регионального — бурятского — языка ослабевает от поколения к поколению как минимум в двух базовых направлениях:

1) в аспекте функционирования как средства обеспечения узкоспециальных сфер жизнедеятельности общества;

2) глубинном когнитивно-семиотическом аспекте: у значительной части молодого поколения наблюдается отсутствие предвидения развития концептуальной семантики в метонимических и метафорических переносах, в том числе в паремических речениях на родном языке, которые в компактном формате как раз дают рекомендации аксиологического характера.

Эксперимент проводился по известной методике семантического дифференциала Ч. Осгуда: респонденту предлагалось последовательно высказать свое отношение по 16 шкалам к общечеловеческим ценностям (38 положительным и 29 отрицательным), которые понимаются как надбиологические регулятивы и ограничения, накладываемые обществом на активность членов социума, соответственно предлагались факторы *Оценка*, *Активность*, *Сила*. Каждая биполярная шкала образована парой оппозиций, которыми чаще всего являются антонимичные прилагательные: безобразный — красивый, простой — сложный, темный — светлый и т.д. Стимулы были представлены на русском языке, но с бурятским эквивалентом. Значительная часть исследования проводилась совместно со студентами факультета иностранных языков Бурятского госуниверситета в период с февраля 2012 года до сентября 2013 года под руководством А.Т. Жанаева.

Результаты исследования

Результаты представлены в виде построенных семантических пространств и профилей ценностей по категориям, а также в виде диаграммы как дерева кластер-анализа для выявления интегрального сходства и различия в восприятии

¹ Эксперимент был инициирован сектором психолингвистики Института языкознания РАН с целью изучения образа мира россиян путем привлечения испытуемых из регионов страны (2010—2013 гг.).

анализируемых ценностей (диаграмма, рис. 1). Полученные данные в целом можно считать релевантными для использования, в том числе и для методологической аппликации.

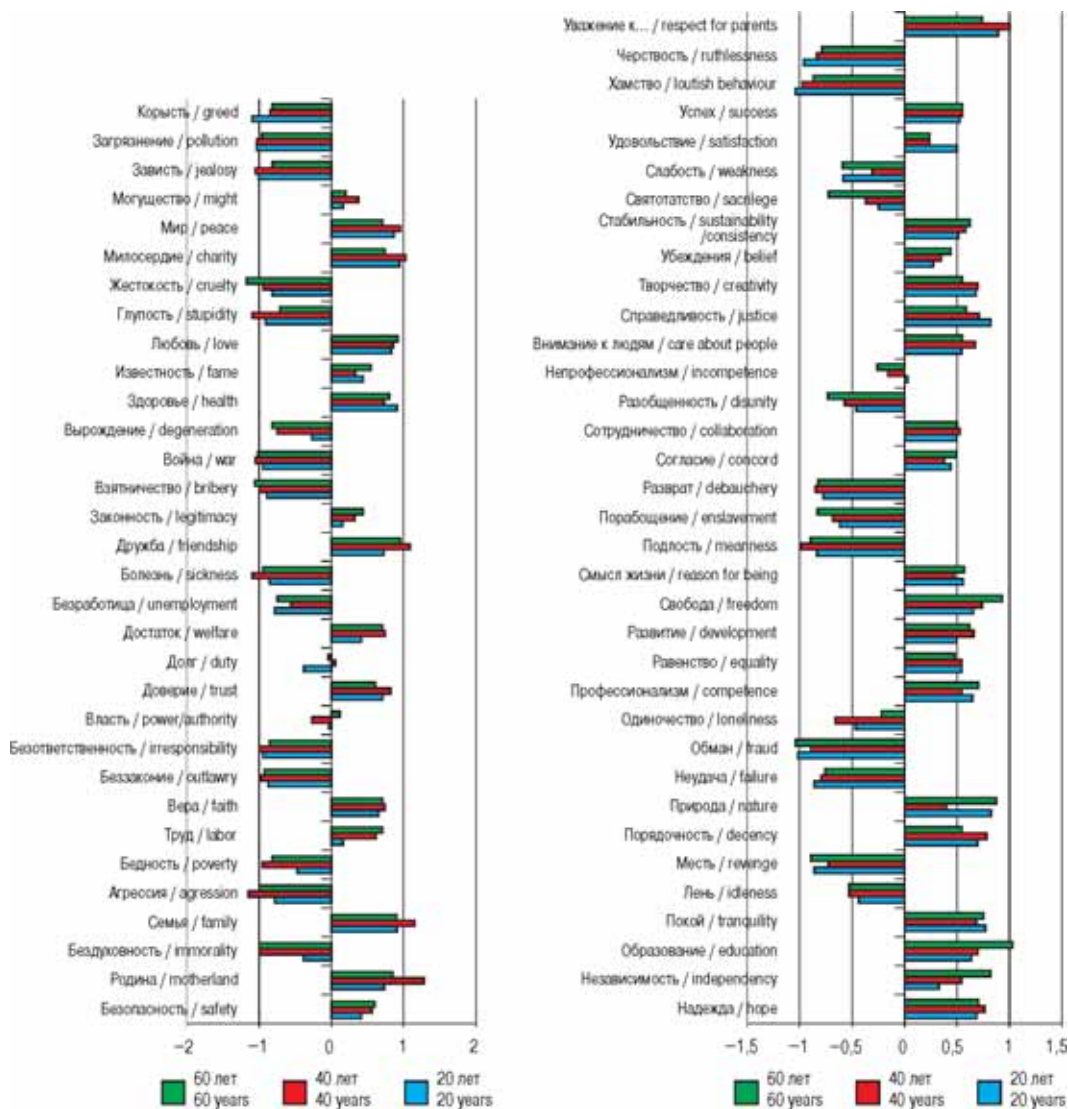

Рис. 1. Кластерная оценка восприятия (анти)ценностей по трем возрастным группам
[Fig. 1. Cluster assessment of perception of (anti) values in three age groups]

Как видно из рис. 1, антиценности показаны над шкалой 2—0, ценности — над 0—2. Испытуемые всех трех возрастов показали относительное единодушие в оценке следующих (анти)ценностей: любовь, успех, сотрудничество («хорошо отношусь»), с одной стороны, война, беззаконие, неудача, разврат, загрязнение («плохо отношусь») — с другой.

Отличие от респондентов двух других возрастных групп в восприятии (анти)ценностей проявилось по следующему ряду: 20-летние: бездуховность, удовольствие, непрофессионализм (оценка выше, чем у двух других групп); долг, труд,

независимость; (оценка ниже, чем у двух других групп); 40-летние: могущество, Родина (выше оценка), власть, природа, одиночество (оценка ниже); 60-летние: власть, свобода, независимость, одиночество, образование (оценка выше); святотатство, жестокость, разобщенность (оценка ниже).

Обсуждение

Данный результат свидетельствует об определенном сдвиге, который имеет место в восприятии и актуализации ценностных ориентиров, при этом некоторые из них имеют явную возрастную детерминацию. Вместе с тем многие респонденты, особенно старшего поколения, в устной беседе отмечали, что им было чрезвычайно сложно присудить те или иные качества некоторым понятиям. Мы объясняем данное положение дел ориентальными особенностями категоризации бурятами внешнего мира. Такие термины, как «равноправие» (тэгшэ эрхэ, досл. равное право), «справедливость» (шударга ёһон, досл. справедливый обычай), «законность» (хуули сахилга) и т.д. изначально трактуются христианским мировоззрением как нечто из абсолютной истины. Другими словами, сама структура деления аксиологем на ценности и антиценности отражает дихотомическое воззрение, присущее европейской мысли. Бурятскому этническому сознанию в целом присуща релятивность суждения, поэтому вышеупомянутые объекты оценки обретают относительный, а нередко и чуждый характер. Вместо критериальной пары «добро-зло» релятивистская дихотомия принимает «зүб-буруу» (правильный/подходящий — неправильный/неподходящий), функция которой зависит прежде всего от исходного пункта референции. Это значит, что один тип физического и ментального поведения может трактоваться и как правильное, и как неправильное в зависимости от конкретной ситуации [2. С. 70]. Так, восприятие ряда ценностей как относительных понятий, невозможность понимания и признания их абсолютного статуса порой приводили респондентов в состояние когнитивного диссонанса.

Весьма любопытна разница в презентации ценностей по фактору *Активность*. Например, у старшего поколения *уважение к родителям* имеет почти нулевой показатель, поскольку они в большинстве своем исходят из того, что уважение к родителям — это по определению естественное перманентное состояние человека (свидетельство — бурятские песни и стихи, где основным лейтмотивом выступает любовь и благодарность к родителям). Соответственно, это состояние не может определяться кратными (материальными) измерителями: уважение как ментальная сущность либо присутствует в сознании, либо отсутствует. Другими словами, фактор *Активность* выступает нерелевантным критерием для ряда ориентально-центрированных ценностей.

Примерно так же можно объяснить оценку 60-летними респондентами святотатства, веры, надежды: человек святотатствует, верит или надеется прежде всего в «своей голове», и здесь нецелесообразно говорить о том, является ли мыслительный акт медленным или быстрым, неподвижным или движущимся объектом. Такая оценка основывается ориентирами *вербальная пассивность/сдержанность* и *скромность* — теми взаимозависимыми ценностями, которые не включены в данный список стимулов-ориентиров, что лишний раз подтверждает их не-

универсальность. Понятно, что высокий порог молчания как порог значимости говорения (термин Э. Честермана) [3] присущ не только ряду восточных, но и западных народов (автор понятия связывает его с финнами). Для бурят старшего поколения, актуализирующих подобное ориентальное мышление, «малое говорение» понимается как некое *надстроечное* ценностное начало, определяющее остальные каноны поведения и оценки, о чем свидетельствует представленный ниже анализ рассказа.

Другим подтверждением доминантного признака *сдержанность речевого поведения* могут служить следующие известные пословицы:

Олые хэлэһэн үлэг, үсөөниие хэлэһэн бэлиг. — Сказанное много — пустословие, сказанное мало — мудрость;

Үгырһэн хойноо баян ябаһанаа бү дурда, үтэлһэн хойноо залуу ябаһанаа бү дурда. — Обеднел — не рассказывай о былом богатстве, состарился — не рассказывай о былой молодости;

Хуурай модон жэмэсгүй, хоохон үгэ туһагүй. — Сухое дерево без плода, также нет пользы в пустословии.

Следующей характеристикой ориентального мышления гиперонимического плана, которая логично не включена в список универсальных ценностей, является холистичность мировоззрения [4]: человек воспринимает вселенную не извне, выводя себя из нее или противопоставляя ей, а изнутри, включая в нее себя как ее малую частицу и веря во взаимодетерминацию человека и природы. Подобная природосообразность заключена в следующих народных мудростях:

Зунай хоолой нарин, үбэлэй хоолой бүдүүн. — досл. Летний голос высокий, зимний — низкий;

Ганса сусал гал болохогүй, ганса хүн хүн болохогүй. — досл. Одно полено не станет огнем, один человек — человеком.

Таким образом, в ориентальном мышлении выделяем два надстроечных признака — (не)вербальную сдержанность и холистичность миропонимания; этноориентированную актуализацию следующих универсальных параметров: свобода, независимость, одиночество, образование (выше оценка); святотатство, жестокость, разобщенность (ниже оценка).

Вторая иерархия семантических связей взята из ответов респондентов старшего поколения, поскольку только зрелые представители этноса представляют в преобладающем большинстве традиционные ценности этноса.

Для усиления доказательной силы обсуждаемых тезисов проиллюстрируем степень их деятельностной репрезентации в аксиологическом сознании персонажа Нимахай¹ из рассказа Д.-Н. Цырендашиева (1923—2011) «Һүүлшын уулзалга» («Последняя встреча»). Выбор материала обусловлен тем, что сам автор отличался высокой степенью ориентальности мышления, обогащенного буддистскими концептуальными идеями. Переводческий комментарий относительно

¹ Сокращенный вариант имени Нима ахай (Нимахай) состоит из двух частей — самого антропонима Нима и номинации «ахай» [akhae] «старший брат/дядя». То, что в переводе на русский язык остается имя без изменения как его транслитерированная версия, лишает читателей осознания изначального присутствия в имени уважения к человеку, однако, следует признать, прием оправдан принципом избегания избыточности комментариев.

способов репрезентации ориентального мышления на русском языке делает более рельефной разницу аксиологических картин мира двух народов.

Сначала рассмотрим то, как *молчание* и *холистичность* могут предопределять (*не*) *вербальную сдержанность* человека на протяжении всей его жизни:

(1) Хүүгэдтээ *нанал бодолоо хэлээшьегүй хүн гээшэ гүб*. Үнэн үгэ хэлэхэ сагнайшые тэрэл *һэн бэээ*. Тийхэдэ «*саг сагаараа, сахилза хүхөөрөө*» гээд, олон юумэ ойлгуулха гэжэ *толгойень эрьюулхэээ залхуурдаг һэн*. Мүнөө болоод *байхада*, захихаар, ойлгуулхаар юумэнүүд яһала байха хэбэртэй.

[Детям *так и не говорил о своих мыслях*. Как-то и *не сыскалось время поделиться с правдивым — глубоко запрятым*. Думая «*всему своё время*», *не решался как-то переворачивать* головы детям. *А сейчас есть что поведать*, о чем хочется сказать: дать наказы, растолковать, объяснить.]

В данном отрывке не нашли объективации в языковом знаке фразы, которые отсылают к внутренней речи сдержанного человека, больше мысленно разговаривающего со вторым Я:

хэлээшьегүй хүн гээшэ гүб досл. *неужели я так и не сказал/не поведал*; *сагнайшые тэрэл һэн бэээ* досл. *время наше таковое и было, видимо*; *толгойень эрьюулхэээ залхуурдаг һэн* досл. *ленился поворачивать им головы*; *саг сагаараа, сахилза хүхөөрөө*, досл. *время временем, ирис синевой*; *мүнөө болоод байхада* досл. *когда сейчас уже наступило*.

Выделенные и другие вкрапления дискурса типа *сэдьхэлээ хүдэлгэдэг, дотороо бусалгадаг* болоод (внутреннее беспокойство и смятение мыслей в голове); *сэдьхэл соохоноо гажараашые* *һаа, хэншые, юуншые гэжэ газашань ямаршые янза гаргабагүй* (но никто из детей *горечь утраты никаким образом не показал наружу*) показывают состояние внутренней борьбы человека, дающего некую оценку своему неговорению, с одной стороны, и оправдывающего пассивный стиль поведения — с другой. В целевом тексте Д. Жигжитова в основном прибегает к стратегии одомашнивания, основным мотивом реализации которой служит следование жанровому узусу русского языка. Однако в некоторых случаях она старается больше приоткрыть завесы ориентального мышления персонажа: удачно найденная модуляция (термин Н.К. Гарбовского) через изменение сигнификативных значений «правдивого слова» в сторону признаков «то, что нужно/можно спрятать», «что нужно/можно не овнешнить в знаке», акцентирует дихотомию взаимоотношений между внутренней и внешней частями семиозиса.

Как выясняется, Нимахай не мог до преклонных лет поведать важнейшую, по крайней мере для него самого, историю рода, почитая и выполняя соответствующие ритуалы которой потомки должны оставаться в рамках этнического восприятия мира, избегая разобщения и осваивая завещанные предками цивилизационно-холистические представления:

(2) Абаһаар хэлэхэдэ, *өөрингөө түрэн тоонто, анханда уг гарбалайнгаа тахидаг обоо хаанаб* гэжэ хэлэхэ хүсэлэнтэй. Нимахайн тоонто, обоонь аяр Бооржо нютагта юм. Гушаад оной үймөөнөөр тэндэхи зон Ага руу ерэнээр, тэндээ нютагжаһан байна...

[Главное — сказать им, *где родное тоонто — место его рождения*, показать древнее место *поклонения предков обоо*. А ведь тоонто и обоо Нимахая в далёкой Борзе! После, в мятежные тридцатые, тамошний борзинский народ перебрался в сторону Аги, и прижился там.]

Здесь сокровенная история Нимахай касается «тоонто» — места его рождения (раньше тоонто помечалось захоронением последа родившегося) и «обоо» — самой высокой и почитаемой горы местности с сакральным значением, посещая которые его дети и внуки должны были видоизменить концептуальную картину мира обозначением, по крайней мере, географических пунктиров родины. Дед свято верит, что эти места — не статичный внешний мир, а живой, заряженный энергией, центр притяжения, куда помыслы членов большой семьи должны быть устремлены. В текст перевода введено толкование данных этнонимов, что оправдано не только непонятной для русского читателя природой заимствований, но и смысловой значимостью реалий.

Другим объектом умолчания является — тайна происхождения Нимахай:

(3) *Ушөөшье нэгэ тиимэхэн, ямарханишье гээшэб, хэлэнгүй орхижо болошогүй юумэн байха.* Нимахай *нагасынгаа нэрээр* энэ боложо ябана. Ганса *хамганай эсэггүй хүбүүнби гэжэ* гажаран голхорбошье, боргожожо *үндыһэн гээшэ*. Теэд хүн *«газарай габанаа гараһан бэшэ, нангин туяаһаа хубилжа, бээе олоо бэшэ»*, заабол нэгэ эсэгэтэй байдаг.

[И ещё есть один вопрос, как бы сказать, щекотливый, что ли, что нельзя ни в коем случае оставить невысказанным. Дело в том, что Нимахай вырос под именем нагаса — родного дяди по материнской линии. И то, что он рос без отца у одной женщины, приносило ему тяжелые душевные муки, однако эти страдания и закаляли его. У человека ведь всегда бывает отец, пусть «где-то там»: «ведь нет у земли части тела, родившей его, равно как и нет святого луча, преобразование которого привело к воплощению в теле.»]

Старику Нимахай особенно тяжело было раскрыть это сведение, и он никогда не пошел бы на это, если бы не риск в будущем породниться с единокровными потомками в качестве сватов. Здесь Д. Жигжитова подошла к переводу очень скрупулезно: объем целевого текста почти вдвое превышает исходный. Неопределенный признак данного вопроса описывается автором словами *тиимэхэн, ямарханишье гээшэб* досл. такой-вот, непонятно, какой, что также указывает на высокий порог молчания и уход от прямого именованя объекта, в переводе же он эксплицируется как *щекотливый*. Примененный здесь метод конкретизации оправдывается более открытым стилем общения во второй культуре в целом, и самим предметом обсуждения в частности.

Универсальные параметры *свобода, независимость, одиночество* в холистическом и релятивистском мышлении обретают целостность как триединство: буддист свободен и независим внутри, потому он одинок в плане самодостаточности бытия:

(4) Нимахай энэ «Алтан-Гэрэлээ» *урдаа дүмхүүхэнээр баряад, боро хараанаар, дүйсэн бүхэндэ* хото хорёогоо гороолдог гуримтай. Талааниинь болоходоо, ото малшанаар онсогой *һууһан, хараад шооложо байха, хүнэй нюдэнһөө зайда ябаһанһаа иигэжэ ябаа һэн бэээ*.

[У Нимахая вошло в привычку затемно в праздничные буддийские дни делать обход вокруг подворья, бережно прижимая к груди эту священную книгу. К счастью, он жил всегда отдалённо от людей, потому что был скотником: некому было насмеяться над его ритуалом.]

Рассказ написан по впечатлениям от реформ конца двадцатого столетия, когда в стране произошли религиозно-обрядовые изменения в сторону раскрепоще-

ния практик верования и в дополнение к внутренней свободе верующие получили и внешнюю свободу совершения ритуалов. Нимахай, как и многие другие жители региона, выполнял обряд сообразно своему пониманию и в годы запрета, как показано в отрывке. Соответственно, *святотатство* в их сознании обретает свою радикально-негативную интерпретацию как антиценность.

В рассказе имплицитно показаны и две другие ценности: *образование* (дети успешны, так как имеют образование) и антипараметр *жестокость*. Второй параметр в антонимической подаче проявляется основной нитью текста как практика деликатного обращения друг к другу:

(5) Хаягты! Хаагты тэрэ телевизорээ! — *гэжэ ядаалгуй юм нэн бэээ*, теэд энэ арай гэжэ суглараад, эбтэй зохид байдалые таһалан, *сэхэ зонхирхохойо нарилба ха*.

[Оставьте! Выключите телевизор! — *хотел громко сказать* Нимахай. Но *постеснялся высказать недовольство прямо*, тем самым нарушить идиллию радости от встречи.]

Здесь основным средством иллюстрации постулата выступает глагол *нарилха* (вести себя «чисто»), концептуальная семантика которого заключается в списке ограничений в поведении, с тем чтобы свести к минимуму вероятность нежесткого/нежестокости внешнего поведения индивида. В переводе данное слово получило метонимический эквивалент *постеснялся*: по причине обладания ограничениями в этике говорящий стесняется их нарушить. В итоге имеет место определенный сдвиг в смысле текста: вместо человека с ярко выраженным внутренним табу на активные и раскрепощенные внешние проявления в голове читателя может появиться неудачник — несмелый, так и не нашедший время для откровенных волеизъявлений и завещаний дед, неожиданно умерший с мыслью «наступит еще завтра».

Данный рассказ весьма поучителен для самих представителей этноса. На примере одной семьи Д.-Н. Цырендашиев показывает потенциал разрыва межпоколенных ценностно-прескриптивных связей, разрыва, имеющего потенциал прихода от единения к разобщению.

Выводы

В связи с тем, что внешняя речь является завершающим этапом семиозиса, увенчивающим¹ под гнетом прагматики мыслительную часть в виде текста, в лингвистике в целом и в переводческой деятельности в частности возникает проблема экспликации этноцентрированной концептуальной семантики текста. При этом прежде всего сам переводчик должен правильно понимать аксиологическую часть содержания сознания автора: ведь не все показывается очевидно и прозрачно в словах и структурах исходного текста. В этом смысле существует потребность моделирования ментального этапа экспликации этносемантики оригинала посредством выявления когнитивных и лингвистических факторов, служащих причинами вероятностного семантического сдвига во вторичном тексте.

¹ Англичане удачно называют завершение действий, в том числе речи, словом *crown* (напр., *Talks were crowned with success*).

В психолингвистическом аспекте перевод является весьма тонкой деятельностью посредничества языков-культур, это значит, что мы должны уходить от обобщений, стереотипов, гиперболизаций относительно миропонимания носителями другой культуры. Далее, проблема поиска и подбора коррелятов в русском языке, наиболее успешно решающих вопрос аутентичного воспроизведения этноцентрированных смыслов вместо механического подбор закономерных — словарных — соответствий, становится сегодня методологической задачей адекватной экспликации подтекстовой информации.

Приступая к переводу на подобном атомарном уровне, следует дать себе две исходные установки:

— не существует тождества в восприятии внешнего мира и в способах самоактуализации индивида в рамках принятых в интракультуре ценностей;

— в исходном тексте описывается чужой культурный опыт, поэтому следует абстрагироваться от своих ориентиров оценки происходящего, постоянно подавляя свои образы и ассоциации, тем самым предотвращая уход в другое русло интерпретации системы смыслов оригинала.

В конце предлагается подытожить обсуждение репрезентации ориентального мышления бурятского этноса в переводе на русский язык в виде следующего алгоритма предпереводческих действий первого приближения:

1) определить степень обремененности исходного текста имплицитным этноцентрированным материалом;

2) соотносить возраст автора с поколением носителей культуры и предполагаемым набором традиционных ценностей этноса;

3) осуществить дальнюю релятивизацию стереотипов стилей ментального и физического поведения представителей заданного поколения посредством сбора сведений об авторе, особенно его социально-личностных характеристик (знакомство с биографией, основными трудами, достижениями другого плана, комментариями и обзорами его деятельности);

4) выделить рельефные слова и фрагменты текста, особенно с затемненной семантикой, которые сигнализируют отличную от доминантных ориентиров целевой культуры специфику миропонимания;

5) осуществить ближнюю релятивизацию посредством суммирования результатов шагов 3, 4 с результатами прогнозирования психотипических характеристик автора;

6) идентифицировать автора как яркого/среднетипичного /периферийного представителя культуры, что позволит, в свою очередь, эксплицировать типичные/среднетипичные/слабо-типичные версии концептуально-семантической системы носителей культуры-1;

7) продумать список способов репрезентации мышления автора как соответствующего представителя этноса, нацеливаясь на минимизацию вариативности понимания аксиологической картины мира представителей соответствующего поколения культуры-1;

8) выбрать в переводе те решения, которые в совокупности актуализируют требование оказывать такое воздействие на получателя другой культуры, которое приблизительно схоже с тем, что оказывается на читателя исходной культуры.

Список литературы

1. *Синячкин В.П.* Общечеловеческие ценности в русской культуре: лингвокультурологический анализ: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2011.
2. *Chesterman A.* In R. The Unbearable Lightness of English Words. In: Jääskeläinen et al. (eds), Text, Processes, and Corpora: Research Inspired by Sonja Tirkkonen-Condit. Joensuu: Joensuun yliopistopaino, 2007. Pp. 231—241.
3. *Tangad O.* Scheda po Czyngis Chanie: Demokracja po mongolsku. Warszawa: TRIO, 2013.
4. *Zhimbeeva S.* The Concept of Vitality and Its Interrelations with Nature in Buryat Traditional Culture // *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*. 2010. No. 134. P. 32—40.

References

1. Sinyachkin, V.P. 2011. Obshchechelovecheskie cennosti v russkoj kul'ture: lingvokul'turologicheskij analiz. Doctoral Thesis. Moscow. Print. (In Russ.)
2. Chesterman, A. 2007. The Unbearable Lightness of English Words. In: Jääskeläinen et al. (eds), Text, Processes, and Corpora: Research Inspired by Sonja Tirkkonen-Condit. Joensuu: Joensuun yliopistopaino. Pp. 231—241. Print.
3. Tangad, O. 2013. Scheda po Czyngis Chanie: Demokracja po mongolsku. Warszawa: TRIO publ. Print.
4. Zhimbeeva, S. 2010. "The Concept of Vitality and Its Interrelations with Nature in Buryat Traditional Culture". *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences* 134: 32—40.

Сведения об авторе

Дашинимаева Полина Пурбуевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры перевода и межкультурной коммуникации Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова. E-mail: polinadash58@mail.ru

Bio Note:

Polina P. Dashinimaeva is a Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Translation and Intercultural Communication, Buryat State University named after Dorzhi Banzarov. E-mail: polinadash58@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4-433-441

Научная статья

Вепсская художественная словесность — путь к возрождению народа («вверх по лестнице, ведущей вниз»?)

Н.Г. Зайцева

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН,
Российская Федерация, 185910, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
✉ zng@ro.ru

Аннотация. Статья посвящена развитию литературы вепсов — младописьменного народа России, язык вепсов помещен в Красную книгу языков народов России (численность вепсов в 2010 году — 5936 человек). Несмотря на отрицательные прогнозы, вепсскаяязычная литература в настоящее время успешно развивается. Наиболее популярна поэзия, представленная стихами народного писателя Карелии Николая Абрамова, известного в финно-угорском мире и за его пределами. Первое поколение авторов развило формы вепсской поэзии, ее рифмы и стиль, а молодые авторы, прежде всего, Ольга Жукова, Галина Бабурова доказали, что и в городских условиях можно найти возможности для поэзии на родном языке. В статье показана связь современной вепсской литературы с устным народным творчеством, мифологией, философией жизни вепсоввепсов, которая проявилась и в вепсском эпосе “Virantanaz” Нины Зайцевой, и в стихах Алевтины Андреевой, напоминающих своеобразные заговоры или молитвы, и в прозе Валентины Лебедевой. Творя в тесном содружестве с учеными, которые утверждают, что вепсский язык прекрасно сохранил и свою грамматику, и лексику, легко пополняющуюся благодаря богатой словообразовательной системе языка вепсов, вепские писатели стремятся, не унывая, идти «вверх по лестнице, ведущей вниз».

Ключевые слова: младописьменный язык, фольклор, вепсская литература, поэзия, проза, эпос, перевод

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 26.07.2021

Дата принятия к печати: 26.09.2021

Модератор: О.А. Валикова

Конфликт интересов: отсутствует

Информация о финансировании:

Статья выполнена в рамках госзадания КарНЦ РАН и его финансировании.

© Зайцева Н.Г., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования:

Зайцева Н.Г. Вепская художественная словесность — путь к возрождению народа («вверх по лестнице, ведущей вниз»?) // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 4. С. 433—441. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4-433-441

Research Article

Vepsian Literature as an Aspiration to the Revival of the People (“Up the Stairs Leading Down”?)

N.G. Zaytseva

Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre,
11, Pushkinskaya Str., Petrozavodsk, 185910, Republic of Karelia

✉ zng@ro.ru

Abstract. The article is devoted to the development of the literature of the Vepsians of the early written people of Russia, whose language is included in the “Red Book of the Languages of the Peoples of Russia” (the number of people in 2010 was 5936 people). Despite the negative forecasts, the Vepsian-language literature is currently successfully developing. The most popular is poetry, represented by the poems of the national writer of Karelia Nikolai Abramov, known in the Finno-Ugric world and beyond. The first generation of authors developed the forms of Vepsian poetry, its rhyme and style, and young authors, first of all Olga Zhukova, Galina Baburova, proved that in urban conditions it is possible to find opportunities for poetry in their native language. The article shows the connection with oral folk art, mythology, philosophy of Vepsian life, which manifested itself in the Vepsian epic “Virantanaz” by Nina Zaitseva, in the verses of Alevtina Andreeva, reminiscent of a kind of conspiracies or prayers, and in the prose of Valentina Lebedeva. Creating in close collaboration with scientists who claim that the Vepsian language has perfectly preserved both its grammar and vocabulary, which is easily replenished thanks to the rich word-formation system of the Vepsian language, they strive, without discouragement, to go “up the stairs leading down”.

Key words: early written language, folklore, Vepsian literature, poetry, prose, epic, translation

Article history:

Received: 26.07.2021

Accepted: 26.09.2021

Moderator: O.A. Valikova

Conflict of interests: none

Funding:

The article was written within the framework of the state assignment of the KarRC RAS and its funding.

For citation:

Zaytseva, N.G. 2021. “Vepsian Literature as an Aspiration to the Revival of the People (“Up the Stairs Leading Down”?)”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (4), 433—441. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4-433-441

Введение

Вепсы, потомки древней веси, издавна проживали совместно с русскими на территории между Ладожским, Онежским и Белым озерами. В настоящее время их территории находятся на границе Республики Карелия, Ленинградской и Вологодской областей. Вепский язык входит в прибалтийско-финскую ветвь уральской языковой семьи. Численность вепсов постоянно сокращается (по переписи 2010 года — 5936 человек), и в настоящее время вепсы отнесены к группе коренных малочисленных народов России [1. С. 13—14].

Вепский язык является языком с прерванной письменной традицией. Письменность для вепсов была создана в 1931 году на основе латинской графики. За несколько лет ее существования было создано более 30 различных учебников; в ряде школ с вепским населением велось преподавание на родном языке; была начата подготовка учительских кадров. В 1937 году вепсская письменность была переведена на кириллицу, а затем через несколько месяцев все школы вепского региона были переведены на обучение на русском языке [2. С. 105—109].

Вепсы уже давно стали двуязычными, и ученые предсказывали их скорую ассимиляцию. Еще в первой половине XIX века финский фольклорист и языковед Э. Леннрот, совершивший в 1842 году поездку к вепсам в поисках эпического наследия, написал в дневнике, что если бы предки вепсов смогли через сотню лет встать из своих могил, то они были бы поражены тем, что их потомки уже в третьем или четвертом поколении не знают ни одного слова из их родного языка [3. С. 197]. После поездки Э. Леннрота прошло почти 180 лет. Язык вепсов внесен в Красную книгу языков народов России [4. С. 21—22], однако, что очень важно, создана и развивается концепция единой формы письменного языка, в основу которой положены диалектные материалы Словаря вепского языка [5], а также материалы электронных источников (Корпус вепского языка; Объединенный корпус вепского и карельского языков), позволяющие наращивать лексический потенциал языка, использовать его в учебниках и учебных пособиях, СМИ, художественной литературе.

Обсуждение

В развитии молодой вепской литературы иногда условно выделяют три периода: 1) 1930-е годы; 2) 1940—1980-е годы; 3) 1990—2010-е годы [6. С. 502], хотя они не все связаны непосредственно с языком вепсов. И если в первый период авторы учебников и хрестоматий по литературе сами создавали небольшие рассказы и стихи, то во второй период развивалось творчество писателей, которые, являясь представителями вепского народа, в отсутствие вепской письменности использовали русский язык. Самыми крупными представителями этого направления мы считаем писателя, члена Союза писателей России А.В. Петухова и учителя В.А. Пулькина. Они выступили своеобразными летописцами «...истории своего народа в бурном XX в., стремясь к изображению его (народа) традиционного образа жизни, основанного на опыте своего поколения и своих родных, особенностей его национального характера» [6. С. 504].

Возможно, в этом ряду еще следует назвать финскую писательницу Р. Лардот, родители которой, вепсы по национальности, выехав в Финляндию во время Вто-

рой мировой войны, вывезли туда в шестилетнем возрасте и свою дочь Раису. Она стала известной финской писательницей. Среди вепсских читателей особенно известна ее книга “Ripaskalinnut” («Птичий перепляс»), которая в русском переводе называется «У чужого порога», в вепсском “Segoinuded lindud” («Заблудшие птицы») [7], где по названию книги отчасти можно судить о поднимаемых в ней проблемах.

Третий период связан непосредственно с вепсской литературой, поскольку именно обращение к родному слову как к самому национальному элементу является основным стержнем формирования и сохранения самобытности народов, развития их литературы.

Вепсская литература, возникнув, привлекает пристальное внимание исследователей как своеобразный эксперимент, как пример развития литературы и малочисленного народа [6. С. 502—512; 8; 9. С. 391—420; 10. С. 420—432; 11. С. 241—264].

Исключительную роль в укреплении и становлении вепсского письменного языка и его художественного стиля сыграли переводы Библии, к которым приступили по предложению Финно-угорского филиала Института перевода Библии (Хельсинки) в самом начале 1990-х годов. Возможность перевода на младописьменный язык подобных знаковых культурных произведений свидетельствует о самостоятельности языка и его готовности принять новый объем лексики [12. С. 121—126]. В переводе автора данной статьи опубликованы Детская Библия (1996), Новый Завет (2006), Псалмы (2012) и некоторые другие книги Ветхого Завета.

Среди произведений вепсской поэзии популярны как стихи, написанные на вепсском языке, так и их переводы на русский язык. В языке вепсов, обладающем и своей философией, и своими словесными образами, имеются выражения, которые трудно перевести на русский язык. Так, выражение *vauged uni* — бессонница, букв. белый сон свидетельствует о том, что вепсский народ не склонен так трагично относиться к этому явлению, как русские; приставка *bes-* придает слову оттенок трагизма и безысходности. Автор данной статьи фразу *Vauktan unen süles, / Magata en tahtoi...* перевела как *Бессонницы объятья / Крепки, но мне не милы...* [13]. Микромотив «крепость объятий» компенсирует негативную коннотацию приставки *bes-*. О.Э. Мошников, поэт из Карелии, нашел иное решение, более адекватно передающее содержание вепсского выражения *vauged uni*: *Бессонниц дождь словесный, / Ночных теней поклон...*, где сочетания *дождь словесный* и *теней поклон* для поэта очень важны, это не простое времяпрепровождение, здесь рождение новых образов, новых стихов, новых идей, что приносит радость творческому человеку.

На начальном этапе оригинальная литература на вепсском языке характеризовалась интенсивным развитием стихотворных жанров. Они были тесно связаны с вепсским устным народным творчеством. Возможно, это объяснялось фигурой первой поэтессы, представительницы прионежских, северных, вепсов А.И. Андреевой, мать которой А.Е. Логачева была известной вепсской сказительницей. К сожалению, вепсское фольклорное наследие почти не сохранилось, очевидно, повлияло и раннее двуязычие вепсов, их близость к центрам русской культуры и их раннее вхождение в состав русского государства. Особое место в

фольклорном наследии занимают вепские плачи и заговоры, которые являются «...одним из наиболее развитых жанров вепского фольклора» [14. С. 492]. А.И. Андреева любила обращаться в своих стихах к этим формам причитаний и заговоров, например:

Veri sinä, verut,
Rustan lepän vedut,
Palab da sol'hiine,
Oled männu sonihe...
Ala voda maha,
Ala paina päha!..

Кровь ты, кровь сырая,
Красная, рудая,
Солёна, горяча,
В венах жизни алчешь...
Не беги землёю
Черною змеёю...

(перевод В. Аганитова)

Позднее она перенесла их и на другие стихи, среди которых особенно известны стихи, посвященные Онежскому озеру. Оно же занимает особое место у северных вепсов. Они жили вдоль его берегов, оно было их кормильцем и поильцем. Корни самого названия *Онего*, *Онежское озеро* (по-вепски *Änine*, *Änižjärvi*, *Äniždärvi*), по мнению исследователей ономастики, пришло, скорее всего, из древнесаамского языка, обладало значением «большой → большое озеро», а затем было заимствовано вепсами и через их посредство вошло в русский язык [15. С. 272—282]. А.И. Андреева, пожалуй, больше всех других была связана с народным вепским словом, поскольку, придя в начале 1990-х годов на радио, по сути дела, создала вепскую радиотеку. Она глубоко переживала опустошение вепских деревень, которые были родиной вепского языка и где одним из самых употребительных вепских слов является *kodi* — родной дом: *kodirad* букв. домашние работы, *kodinik* — член семьи (букв. представитель родного дома), *koditehut* — родная тропинка, *kodipaginik* — собеседник на родном языке и т.д.

К этому же направлению, связанному с фольклором, можно отнести поэтический эпос “*Virantanaz*” (букв. Вотчина, подворье Вира), написанный автором данной статьи [17]. Прологом к созданию эпоса послужил, прежде всего, сборник вепских причитаний, подготовленный Н.Г. Зайцевой и О.Ю. Жуковой [18], который наилучшим образом раскрыл тайны жизненной философии вепсов. Исключительную помощь в сборе материала оказали статьи по вепской мифологии этнолога И.Ю. Винокуровой, объединенные ею в энциклопедию вепской мифологии [19]. Из книги видно, насколько прочно все окружающее жизненное пространство вепсов ранее было мифологизировано. Почти все животные в той или иной степени были участниками мифологических сюжетов, и многие из них даже утратили свои первоначальные именованья, уступив безвозвратно место табуированным названиям. Так, волка вепсы называют *händikaz* букв. хвостатый, змею на южных вепских территориях называют *ujelii* букв. ползающая, плавающая, и даже паук в некоторых вепских ареалах стал мифологическим существом, приносящим в дом различные «новости», получив у белозерских вепсов метафорическое именованье *kalanik* букв. рыбак, рыболов. Все эти знания и сведения помогли создать сюжет эпоса, вплести в него различные песни и плачи, детские потешки, сказки и т.д. Имея опыт перевода рун калевальского размера [20], автор отказалась от длинной восьмисложной строки исходя из довольно коротких вепских слов, и для каждой главы произведения избрала определенный поэтический

размер, который и сам стал двигателем и сюжета, и действия эпоса. Хочется надеяться, что данный эпос также может послужить вепсскому возрождению, со слов о чем он и начинается:

Minä holiš olen,
Minun henged noleb
Vepsän kelen kadond,
Sikš-se otin radon:
Starinoita teile,
Vepsäks, midä eilend...

Не уйдет тревога,
Хоть гоню с порога,
Что язык исчезнет,
Оттого и песня
С самого начала
В сердце зазвучала...

(перевод В. Аганитова)

Почти одновременно с А.И. Андреевой пришел в литературу Н.В. Абрамов, который поднял вепсскую поэзию на довольно высокий уровень. Он родился в селе Ладва (Подпорожский район Ленинградской области), расположенном в Приоятье, на средневепсских территориях, которое представляло собой своеобразное «пассионарное» гнездо, где были записаны в свое время лучшие образцы вепсского устного народного творчества. Он впитал в себя все, чем богато было его село, став поистине народным вепским поэтом, любимым и читаемым, которому, к сожалению, была отмерена короткая жизнь, всего 55 лет. Н.В. Абрамов был двуязычным поэтом, эстетом стиха, любителем изысканной рифмы. Сейчас в финно-угорском мире, особенно в финской среде, популярен так называемый белый стих. Рифма же Абрамова легкая и, кажется, совсем простая, но в этой простоте заключается и талант, и мастерство Н.В. Абрамова как истинного народного писателя — звание которое ему было присвоено в Карелии уже, к сожалению, посмертно. Н.В. Абрамов был одаренным фотографом, умевшим увидеть самое интересное и ценное в одном мгновении и запечатлеть его. И его стихи о природе, их колористика перекликаются с его нелегкой жизнью, с трудной судьбой родного народа. Это тонко подмечено в одной из статей по вепсской литературе: «...синее, зеленое, белое, черное, красное. Это и цвета природы, и цвета трагедии, беды...» [6. С. 507]:

Sinine teivaz
kastken jo oti,
vihandad barbad leviti hab.
Vedudel sel'ktal
purtkut meid joti,
oravan nutab
koir minun hahk...
Pihlöiden marjad
rusttad, ku veri,
kudamban minä
kadotin öl.

Небо впитало росу своей синью,
лает на рыжую белку мой пес.
Плещутся розово ветви осины,
ало струится родник у берез.
Скошенный луг
на рассвете пунцовей,
Белых берез опояски черны.
Гроздь рябины —
как капельки крови,
пролитой ранней зарей с вышины.

(перевод М. Тарасова)

Среди более молодых поэтов можно назвать Михаила Башнина, Галину Бабурову, Ольгу Жукову [16]. Их творчество вызывает большой интерес и является примером отношения к языку, который для них лишь генетически родной, но которому они с душевным трепетом поверяют свои сокровенные тайны и мысли.

Как уже было отмечено выше, вепскоязычная проза развивается больше всего за счет переводов Библии. Кроме того, на вепском языке издан роман “Kalarand” [21], написанный Санкт-Петербургским музыкантом и филологом, преподавателем вепского языка И.В. Бродским, выучившим вепский язык самостоятельно. И.В. Бродский — городской житель, и его повествование и сюжет связаны именно с городом, но и это оказалось под силу вепскому языку, на котором автор книги сумел тонко передать свои лирические переживания.

В ряду прозаиков назовем также имя Валентины Лебедевой, вепсянки, землячки поэта Н.В. Абрамова, родившейся в селе Мягозеро Подпорожского района Ленинградской области. После школы она оказалась в Санкт-Петербурге и прожила там большую часть своей жизни. Но родная земля и родное слово особенно притягивали ее, она возвратилась на родину. Создавая прозу на родном языке, писательница нашла своего благодарного читателя. Она избрала для своего повествования жанр воспоминаний девочки-подростка, и через ее память, ее восприятие окружающего мира сумела поведать о жизни вепской семьи, ее тайнах, связанных с различными поверьями, с особой любовью к природе. Вепсов и действительно иногда называют детьми природы, одушевляющими ее, видящими во всех ее проявлениях живую душу [22. С. 20–21].

Заключение

К сожалению, в первый период вепской письменности, в 1930-е годы, когда вепское население владело родным языком, не успела сложиться высшая форма словесности — вепская литература. Однако история подарила вепсам еще один шанс — в 1989 году была возрождена вепская письменность, и вопреки отрицательным прогнозам появилась и стала набирать силу вепская литература. В свое время финский фольклорист и языковед, автор «Калевалы» Э. Леннрот написал по поводу вепсов: «Отсутствие письменности и официального языка ускоряет его гибель, подобно тому, как отсутствие фундамента и угловых камней сказывается на прочности дома. Основу языка составляет литература, которая способствует его длительному сохранению, и если она не сумеет предотвратить исчезновение языка, то все же сохранит в себе его прекрасные черты» [3. С. 293]. Да, путь вепской литературы нелегок, в ситуации, когда численность народа и знание языка падают, это действительно путь «вверх по лестнице, ведущей вниз» (Б. Кауфман). Но и этот феномен возрождения языка малочисленного народа и появления молодой национальной литературы важен как пример, достойный внимания, и научного осмысления.

Список литературы

1. *Строгальщикова З.И.* Вепсы в этнокультурном пространстве Европейского Севера. Петрозаводск: Периодика, 2016.
2. *Муллонен М.И.* Вепская письменность // Прибалтийско-финское языкознание. Л.: Наука, 1967.
3. *Elias Lönnrotin matkat, II osa.* Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. 1902.
4. Красная книга языков народов России: энциклопедический словарь-справочник. М.: Академия, 1994.

5. Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепского языка. Л.: Наука, 1972.
6. Строгальщикова З.И., Чикина Н.В. Вепская литература // Народы Карелии. Историко-этнографические очерки. Петрозаводск: Периодика, 2019.
7. Lardot R. Ripaskalinnut / перевод на вепский Н. Зайцевой, И. Сотниковой, Г. Бабуровой. Petrozavodsk: Periodika, 2019.
8. Вепская литература: материалы и исследования / сост. В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2011.
9. Спиридонова И.А. Вепская литература: проблемы становления // История литературы Карелии. Т. 3. Петрозаводск, 2000.
10. Зайцева Н.Г. Вепская литература 1990-х годов // История литературы Карелии. Т. 3. Петрозаводск, 2000.
11. Маркова Е.И. Писатели-вепсы // 100 лет литературе Карелии. Время, поиски, портреты. Петрозаводск: Периодика, 2020.
12. Зайцева Н.Г. Христианская терминология в контексте вепской лингвистики: вепское vs русское (этимологический и лингвогеографический аспекты) // Язык и культура. 2019. № 48. С. 121—136.
13. Zaiceva N. Vauktan unen süles. Petroskoi: Periodika, 2008. (В объятиях бессонницы. Стихи на вепском).
14. Жукова О.Ю. Устное поэтическое творчество вепсов // Народы Карелии. Историко-этнографические очерки. Петрозаводск: Периодика, 2019.
15. Муллонен И.И. Топонимия Присвирья. Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. 352 с.
16. Семь берез. Сборник стихов на вепском и русском языках / перевод на русский О. Мошниковой / сост. Н.Г. Зайцева. Петрозаводск: Периодика, 2020.
17. Zaiceva N. Virantanaz («Вирантаназ» — поэтический эпос на вепском языке с переводом на финский, эстонский, русский языки). Petrozavodsk: Periodika, 2016.
18. Обернись-ка милой кукушечкой. Вепские причитания / сост. Н.Г. Зайцева, О.Ю. Жукова. Петрозаводск: Периодика, 2012. 222 с.
19. Винокурова И.Ю. Мифология вепсов. Энциклопедия. Петрозаводск: ПетрГУ, 2015.
20. Kalevala / перевод на вепский язык Н.Г. Зайцевой. Петрозаводск: Карелия, 2003.
21. Brodski I.V. Kalarand. Juminkeko, 2012.
22. Lebedeva V.V. Lendi linduine. Juminkeko, 2012.

References

1. Strogalshnikova, Z.I. 2016. Věpsy v etnokulturnom prostranstve Evropeyskogo Severa. Petrozavodsk: Periodika publ. Print. (In Russ.)
2. Mullonen, M.I. 1967. Věpsskaya pismennost. In Pribaltiisko-finskoye yazykoznaniye. Leningrad: Nauka publ. Pp. 105–109. Print. (In Russ.)
3. Elias Lönnrotin matkat, II osa. 1902. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Print. (In Finn.)
4. Krasnaya kniga yazykov narodov Rossii: entsiklopedicheskiy slovar-spravochnik. 1994. Moscow: Academia publ. 378 p. Print. (In Russ.)
5. Zaytseva, M.I., and M.I. Mullonen. 1972. Slovar vepsskogo yazyka. Leningrad: Nauka publ. Print. (In Věps., in Russ.)
6. Strogalshnikova, Z.I., and N.V. Chikina. 2019. “Věpsskaya literature”. In Narody Karelii. Istoriko-etnograficheskiye ocherki. Petrozavodsk: Periodika publ. Pp. 502–512. Print. (In Russ.)
7. Lardot, R. 2019. Ripaskalinnut. (Perevod na vepsskii s finskogo «Segoinuded lindud» (Zabludshiye ptitsy) N. Zaitsevoi, I. Sotnikovoi, G Baburovoi. Petrozavodsk: Periodika publ. 143 p. Print. (In Věps.)
8. Věpsskaya literatura. 2011. Proceedings. Ed. by V. Ogrzyzko. Moscow: Literaturnaya Rossiya publ. Print. (In Russ.)
9. Spiridonova, I.A. 2000. “Věpsskaya literatura: problemy stanovleniya”. In Istoriya literatury Karelii. Vol. 3. Petrozavodsk: KarNTsRAN publ. Pp. 391–420. Print. (In Russ.).

10. Zaytseva, N.G. 2000. "Vepsskaya literatura 1990-h godov". In *Istoriya literatury Karelii*. Vol. 3. Petrozavodsk: KarNTsRAN publ. Pp. 420–433. Print. (In Russ.)
11. Markova, J.I. 2020. "Pisateli-vepsy". In *100 let literature Karelii. Vremya, poiski, portrety*. Petrozavodsk: Periodika publ. Pp. 241–264. Print. (In Russ.)
12. Zaytseva, N.G. 2019. "Hristianskaya terminologiya v kontekste vepsskoi lingvistiki: vepsskoye vs russkoye (etimologicheskii i lingvogeograficheskii aspekty)". *Yazyk i kultura* 48: 121–136. Print. (In Russ.)
13. Zaiceva, N. 2008. *Vauktan unen süles*. Petroskoi: Periodika publ. Print. (In Veps.)
14. Zhukova, O.J. 2019. "Ustnoye poeticheskoye tvorchestvo vepsov". In *Narody Karelii. Istoriko-etnograficheskiye ocherki*. Petrozavodsk: Periodika publ. Pp. 491–497. Print. (In Russ.)
15. Mullonen, I.I. 2002. *Toponimiya Prisivriya. Problemy etnoyazykovogo kontaktirovaniya*. Petrozavodsk: PetrGU publ. Print. (In Russ.)
16. *Sem beryoz*. *Sbornik stihov na vepsskom i russkom yazykah*. 2020. Translated into Russian by Moshnikova O. Ed. by Zaiceva N.G. Petrozavodsk: Periodika publ. Print. (In Veps., in Russ.)
17. Zaiceva, N. *Virantanaz*. 2016. Petrozavodsk: Periodika publ. Print. (in Veps., in Finn., in Est., in Russ.)
18. *Obernis-ka miloi kukushechkoi. Vepsskiye prichitaniya*. 2012. Ed. by Zaiceva N.G., Zhukova O.J. Petrozavodsk: Periodika publ. Print. (In Veps., in Russ.)
19. Vinokurova, O.J. 2015. *Mifologiya vepsov. Entsiklopediya*. Petrozavodsk: PetrGU publ. Print. (In Russ.)
20. Kalevala. 2003. Petrozavodsk: Periodika publ. Print. (In Veps.)
21. Brodski, I.V. 2012. *Kalarand. Juminkeko*. Print. (In Veps.)
22. Lebedeva, V.V. 2012. *Lendi linduine. Juminkeko*. Print. (In Veps.)

Сведения об авторе:

Зайцева Нина Григорьевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН Российской академии наук. E-mail: zng@ro.ru
ORCID.ORG: 0000-0002-8335-2137

Bio Note:

Nina G. Zaytseva is a Doctor of Philology, Leading Researcher of the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences (ILLH KarRC RAS). E-mail: zng@ro.ru
ORCID. ORG: 0000-0002-8335-2137

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4-442-450

Научная статья

Татарское литературное наследие в аспекте перевода

Г.М. Нуртдинова, С.С. Тахтарова✉, Э.К. Хабибуллина

Казанский федеральный университет,
Российская Федерация, 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18
✉ SStaharova@kpfu.ru

Аннотация. В статье дан обзор татарской национальной литературы, систематизированы сведения о переводах произведений татарских писателей на русский и другие языки. Показано, что татарская литература имеет богатую историю первые (рукописные) произведения датируются Средними веками, а первые печатные издания появились в XVIII веке, так как татарский письменный язык, начиная со Средних веков, был дипломатическим языком общения между народами Востока и Запада. Расцветом татарской литературы считается период XIX—XX веков. В это же время появляется и русскоязычная татарская литература, то есть инонациональная, связанная с билингвизмом, который возник на территории Республики Татарстан по историческим причинам. В советское время произведения татарских писателей и поэтов активно переводятся на русский язык, который является языком-посредником в Российской Федерации. Современная татарская литература продолжает традиции татарской национальной литературы. После распада СССР и открытия границ значительно увеличилось количество переводов произведений татарских авторов на европейские и восточные языки, что позволяет мировой общественности знакомиться с татарской культурой и литературой.

Ключевые слова: национальный язык, татарская литература, инонациональная литература, билингвизм, перевод

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 26.07.2021

Дата принятия к печати: 26.09.2021

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Нуртдинова Г.М., Тахтарова С.С., Хабибуллина Э.К. Татарское литературное наследие в аспекте перевода // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 4. С. 442–450. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4-442-450

© Нуртдинова Г.М., Тахтарова С.С., Хабибуллина Э.К., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Heritage of Tatar Literature from the Aspect of Translation

G.M. Nurtdinova, S.S. Tahtarova✉, E.K. Khabibullina

Kazan Federal University,
18, Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation
✉ SSTahtarova@kpfu.ru

Abstract. The article presents the review of Tatar literature works and their translations into Russian and some other world languages. The Tatar literature has rich heritage, the first works of it (manuscripts) are dated back to the Middle Ages. The first printed works were published in the XVIII century as that time the Tatar language was the diplomatic language used in the communication between western and eastern countries. The time of XIX—XX centuries is considered to be the rise of the Tatar literature. Since that time the Tatar writers started writing their works in Russian that was caused by “natural bilingualism” established on the land of Tatarstan due to historical development. In the Soviet times the works of Tatar writers and poets written in Tatar were translated into Russian which is the intermediate language in the Russian Federation. After the collapse of the USSR Russia opened its boundaries and the number of translations of the Tatar writers’ works into Western and Eastern languages have been growing dramatically. Modern Tatar literature is continuing the traditions of the Tatar literature, the works of Tatar writers have been translating into foreign languages in order to present them to world community.

Key words: national literature, the Tatar literature, bilingualism, intermediate language, translation

Article history:

Received: 26.07.2021

Accepted: 26.09.2021

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Nurtdnova G.M., S.S. Tahtarova, and Khabibullina, E.K. 2021. “Heritage of Tatar Literature from the Aspect of Translation”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (4), 442—450. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4-442-450

...сегодня нет такого языка, который не считался бы достойным изучения
Бодуэн де Куртенэ

Введение

Организация Объединенных Наций объявила 2022—2032 годы Международным десятилетием языков коренных народов. Являясь существенным фактором гармоничного общения между народами, многоязычие имеет особое значение для ООН (по данным сайта ООН от 01.07.21. <https://undocs.org/ru/A/RES/71/328>).

Очень многое для сохранения национальных языков делалось и делается российским правительством. Один из способов сохранения родного языка, который, как известно, является неотъемлемым элементом культуры, состоит в ознакомлении мировой общественности с произведениями национальной литературы. М.И. Ибрагимов, проведя исследование о роли национальной литературы в российском национальном проекте, высказал следующее мнение: «Именно переводы, в конечном итоге, создавали многонациональную советскую литературу, формировали единое литературное пространство. К сожалению, современные переводчики лишены той государственной поддержки, которую имели мастера художественного перевода в прошлом столетии. Приведем один факт: в настоящий момент в Литературном институте им. Горького в Москве обучается лишь один студент, специализирующийся по переводу татарской литературы на русский язык. Между тем, крайне необходимо готовить переводчиков-билингвов, для которых национальные литературы являются родными и которые, в отличие от переводчиков, переводящих по подстрочникам, могут передать важные смысловые нюансы, преодолеть возможные смысловые интерференции» [1. С. 94].

Другой исследователь, Е.А. Жиндеева, отмечает: «В данном случае билингвизм, как одна из разновидностей многоязычия, выступает как компенсирующая система, открывающая доступ к образцам мировой культуры, является условием приобщения к мировым хранилищам знаний. Таким образом, билингвизм целенаправленно стимулируется в образовательной, познавательной сферах жизни общества и находит достойное развитие в культуре национального региона, так как в этом существует потребность» [2. С. 66].

В статье предпринимается попытка систематизировать исследования в области перевода произведений с татарского языка на русский и — опосредованно — через русский язык, который является языком-посредником на территории России, на другие языки мира. В качестве материалов исследования были использованы статьи по литературоведению и опубликованные переводы произведений татарских писателей и поэтов.

Обсуждение

Татарская литература имеет многовековую традицию. В 922 году Волжская Булгария (государство, существовавшее на территории Татарстана в XIII—XV вв.) приняла ислам. Одной из важнейших книг того времени для населения этого государства становится Коран, написанный на арабской графике, которая считается «восточной латынью». До появления печатных книг основным способом распространения текста был способ ручного копирования, который выполнялся арабской графикой. Первое печатное издание на татарском языке вышло в 1722 году. Это был Манифест Петра I в связи с Персидским походом. Татарский письменный язык, начиная со Средних веков, был дипломатическим языком общения между народами Востока и Запада, что, в свою очередь, дало толчок развитию книгопечатания на татарском языке. В XIX веке одной из самых известных типографий, где печатались книги на татарском языке (арабский шрифт), была типография Казанского университета. Типография печатала книги как религиозного, так и светского содержания. В то время татарские издания широко

распространялись среди других тюркских народов, не имевших своих печатных изданий. Во второй половине XIX века в Казани было издано свыше 500 татарских книг общим тиражом около 1,5 млн экземпляров (по данным сайта История возникновения и развития татарской книги от 04.07.2021 <https://tatmsk.tatarstan.ru/istoriya-vozniknoveniya-i-razvitiya-tatarskoy.htm>).

Периодизация развития татарской литературы включает несколько этапов: средневековая литература, литература XIII—XIX веков, литература XX века (в том числе советская литература), литература наших дней.

Широко известны такие имена средневековых татарских писателей, как Кул Гали (булгарский средневековый поэт (1189—1236)), автор поэмы «Сказание о Йусуфе», Кул Шариф (?—1552), татарский поэт, имам и религиозный деятель, Мухаммедьяр (род. в 1496 (или 1497)—1547), Казанский хан Мухаммед Эмин (1469—1518), написавший стихи о разрушении г. Булгара, и др.

Отдельного внимания заслуживает поэма «Сказание о Юсуфе» (Кысса-и Йусуф), написанная Кул Гули, который погиб при захвате Волжской Булгарии. Это произведение стало одним из любимейших произведений татарского народа. К сожалению, оригинал этого произведения не сохранился, но существует около двухсот рукописных копий, благодаря чему современные читатели имеют возможность прочитать это произведение как на русском языке (переводчик С.Н. Иванов, перевод 1985 г.) [3], так и на английском языке (перевод Р. Бухараева, 2010 г.). На основе этого произведения был поставлен одноименный балет, автором либретто является наш современник, известный татарский поэт Ренат Харис.

В XIX веке создавали свои произведения писатели Ибатулла Ишан, Гали Чуриджи (1826—1889), Ризаеддин Фареддин (1859—1936). Конец XIX — начало XX века — период творчества классиков татарской литературы Мажита Гафури (1880—1934), Габдуллы Тукая (1886—1913), Закира Рамеева (псевдоним Дэрдман, 1859—1921). В XX веке писал Галиаскар Камал (1878—1933), основавший в 1901 году газету «Тааракку» («Прогресс») и издатель журнала «Магариф» («Иллюстрация»). Его имя ныне носит национальный театр в Казани, где ставятся пьесы татарских драматургов. Пьесы идут на татарском языке и синхронно переводятся на русский и английский языки.

В конце XIX века понятие «татарская литература» становится известным как в России, так и в Западной Европе. В то время многие переводы восточной литературы преподносились как татарские, хотя лишь небольшая часть из них была татарской, остальные работы относились в действительности к литературе Средней Азии.

В начале XX века в Великобритании появляются первые упоминания о трагической, но успешной творческой судьбе татарского поэта Г. Тукая. В 1914 году журнал “The Russian Review” («Русские известия»), издававшийся в Лондоне, опубликовал небольшое сообщение о самом Г. Тукае и его стихотворение «Парат» («На пароконке») на английском языке. Руководство татарского отделения Международного общества писателей Союза писателей Татарстана добилось перевода поэмы «Шурале» на английский язык и издания сборника стихов Тукая на русском и английском языках. Литературное наследие Г. Тукая изучается и в Германии [4; 5].

Стихотворения Г. Тукая публиковались на уйгурском языке в Китае, на узбекском и казахском — в Средней Азии, в периодических изданиях Тифлиса и Баку — на азербайджанском. В 1910—1920 годах некоторые его стихотворения были опубликованы и на турецком языке, а турецкий ученый Фуад Купрулу напечатал в журнале “Türk Yurdu” («Турецкий очаг») обширную статью о его творчестве. В целом, произведения Г. Тукая были переведены более чем на 40 языков, а над их переводами работало более трехсот человек [6].

Благодаря трудам известного татарского этнографа Каюма Насыри, созданным совместно с Поляковым П.А., известным лингвистом-тюркологом, читатели уже в 1900 году имели возможность ознакомиться со сказками казанских татар на русском языке. Сказки напечатаны в арабско-татарской транскрипции, и здесь же представлены их переводы на русский язык.

Говоря о татарском фольклоре, нельзя не упомянуть имя венгерского лингвиста, тюрколога Куноша Игнаша (1860—1945). Во время Первой мировой войны он записывал фольклорные материалы, рассказанные татарскими военнопленными. На основе их рассказов он составил отчет “Tatar foglyok taboraban: Jelentes a Mohamedan fogolytaborokban Vegzett tanulmanyokrol” («Татарские пленные в лагере. Доклад о работе, проведенной в лагерях для мусульманских военнопленных», Budapest, 1916), опубликованный в ежегоднике “Budapesti szemle” («Будапештский обозреватель»). Собранная им коллекция татарского фольклора была опубликована в различных источниках, там же приведены его переводы данных материалов на немецкий язык (по данным сайта Tatarica от 25.07.2021 <https://tatarica.org/ru/razdely/nauka/personalii/kunosh-ignac>).

После революции в татарской литературе появляются такие имена, как Наки Исанбет (1899—1992), поэт и переводчик Пушкина и Шекспира; Риза Ишмурат (1903—1995), Фатых Карим (1909—1945), Карим Тинчурин (1887—1947), Абдурахман Абсалямов (1911—1979), Адель Кутуй (1903—1945), Хади Такташ (1901—1931), Гумер Баширов (1901—1999), Тази Гиззат (1895—1955), Кави Наджми (1901—1957), Муса Джалиль (1906—1944) и многие другие.

В июле 1934 года был создан Союз писателей Республики Татарстан. Первым председателем Союза стал Кави Наджми (1901—1957), автор романов «Вешние воды» и «Весенние ветры». Произведения были опубликованы на татарском языке, позднее переведены на русский язык. Следует особо отметить произведение Абдурахмана Абсалямова «Белые цветы», написанное на татарском языке и переведенное на русский. Переводчику данного романа, одного из любимейших в республике, Горбунову К.Я. удалось передать культуру татарского народа.

Наши современники Туфан Миннуллин (1935—2012), Разиль Валеев, Ренат Харис, Равиль Бухараев (1951—2012) и многие другие радуют читателей своими произведениями, написанными на разных языках.

Лингвист Е.А. Жиндеева, анализируя структуру литературы национального региона, отмечает: «...сосуществование национальной и русской культур продолжается до настоящего времени, что и привело к мирному сосуществованию национальной литературы с инонациональной (русскоязычной)» [3. С. 70].

Одним из ярких примеров инонациональной литературы может служить произведение Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» (2015). Произведение было

написано на русском языке и переведено на татарский язык (переводчик Ф. Тарханова (2016)), на английский язык (переводчик Л. Хейден (2019)), немецкий язык (переводчик Г. Эттингер (2017)).

Произведения татарских писателей переводились на разные языки. Первые переводы татарской художественной литературы можно отнести к 1930 году, когда П.А. Радимов перевел некоторые стихотворения Г. Тукая. В те же годы были переведены рассказы Ш. Усманова, романы М. Галая «Болганчык еллар» («Годы смуты») и «Мөһажирләр» («Мухаджир»).

В 1940-е годы появляются переводы пьес М. Абдиева «Шәмсекамәр» («Шамсекамар»), «Т. Гиззата «Ташкыннар» («Сель»), Г. Камала «Беренче театр» («Первый спектакль»), романа Ш. Камала «Матур туганда» («Когда рождается прекрасное»), некоторых стихотворений Г. Тукая и Х. Такташа, а также сказок А. Алиша.

В 1960-е годы этот процесс становится еще масштабнее. Это связано также с тем, что в годы СССР все произведения, удостоенные государственных наград, переводились на русский язык в обязательном порядке. Это решение было принято на политическом уровне. Именно в те годы были переведены на русский язык, а также на ряд языков других союзных республик и опубликованы удостоенные Сталинской премии 3-й степени романы Гумера Баширова «Намус» («Честь») и Кави Наджми «Язгы жилләр» («Весенние ветры»). Особого внимания заслуживает перевод Анны Ахматовой с татарского языка на русский стихотворения Мусы Джалиля «Костяника» (1961). В этот период идет активное знакомство читателей с татарским литературным наследием в переводах на болгарский, венгерский, немецкий, польский и другие языки.

На рубеже XX—XXI веков начинается новая эпоха в переводе татарской литературы. В первые годы суверенитета Республики Татарстан расширяются культурные и гуманитарные связи с тюркским миром. Одновременно с переводами турецкой литературы публикуются переводы татарской поэзии и прозы на турецкий язык, связанные с именами Чулпан Зариповой и Фатиха Кутлу. Повесть Аяза Гилязова «Три аршина земли» отмечена в Турции высокой литературной наградой.

Среди произведений татарской литературы, переведенных на турецкий язык, можно также отметить роман Рината Мухаммадиева «Сират күпере» («Мост над адом») и его перевод, выполненный Мустафой Онэром; тексты повестей Аяза Гилязова «Жомга көн кич белән» («В пятницу вечером»), «Өч аршин жир» («Три аршина земли») в переводе Фатиха Кутлу; тексты рассказов Амирхана Еники «Гүзэллек» («Красота») и «Әйтелмәгән васыять» («Невысказанное завещание»), Фатиха Амирхана «Сәмигулла абзый» («Дядя Самигулла»), Галимзяна Ибрагимова «Табигать балалары» («Дети природы»), Фарита Яхина «Ак эбиләр догасы» («Молитвы святых бабушек») и др. Все эти произведения являются яркими образцами классической татарской прозы.

Что касается переводов с татарского языка на русский, то здесь заслуженную известность получили имена таких переводчиков, как С.Н. Иванов (перевод произведений Г. Тукая), С.И. Липкин (перевод произведений Г. Тукая, М. Джалиля), В. Думаева-Валиева (перевод произведений М. Джалиля, Дэрдемнда), М.А. Демидова, М. Чечановский, К.Я. Горбунов (перевод произведений А. Абсалямова),

Г.А. Жарков (перевод трилогии Тази Газзата «Потоки»), Р. Бухараев, А.В. Сахаров (перевод пьесы Т. Минуллина) и др.

В 1990-е годы под влиянием экономических факторов переводческая деятельность в сфере перевода национальных литератур сокращается. Можно перечислить лишь единичные образцы переводных произведений. Однако стоит отметить, что сегодня на государственном уровне в масштабах Республики Татарстан было принято решение восстановить традиции школы литературного перевода. При Союзе писателей Республики Татарстан действует Кружок литературного перевода. Председатель Союза писателей Республики Татарстан Ркаил Зайдулла в своем интервью отметил, что после 1990-х годов угасла деятельность в области переводов художественной литературы на родственных языках, хотя в прежние годы были предприняты успешные попытки переводов тюркских литератур на татарский и, наоборот, с татарского на балкарский, казахский, ногайский и другие языки.

Заключение

Работа над переводом произведений татарских писателей и поэтов требует дальнейшего изучения и систематизации. Татарское литературное наследие обширно по своему объему и многогранно в своей жанровой специфике, что требует исследования переводов литературы каждого жанра с учетом каждого отдельного периода, исследования переводов как национальной, так и инонациональной литературы. Благодаря политике сохранения родного языка, проводимой правительством Республики Татарстан, в республике имеются все возможности для развития школы перевода татарской литературы как на русский язык, так и на языки мира. В задачи этой школы должны войти не только вышеназванные направления исследований, но и перевод произведений современных татарских писателей и поэтов, что, в свою очередь, позволит сохранить лучшие образцы татарского литературного наследия новейшего времени для читателей не только в России, но и за рубежом.

Список литературы

1. *Ибрагимов М.И.* Национальные литературы в российском литературном проекте // Национальные литературы на современном этапе: научные концепции и гипотезы: круглый стол, посвященный 80-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (11 сентября 2019 г., г. Казань): сб. ст. Вып. 1 / сост.: А.Ф. Ганиева, Ф.Х. Миннуллина, Л.Р. Надыршина. Казань: ИЯЛИ, 2019. С. 88—96.
2. *Жиндеева Е.А.* Русскоязычная литература национального региона России: наднациональная идентификация или межлитературные взаимодействия // Национальные литературы на современном этапе: научные концепции и гипотезы: круглый стол, посвященный 80-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (11 сентября 2019 г., Казань): сб. ст. Вып. 1 / сост.: А.Ф. Ганиева, Ф.Х. Миннуллина, Л.Р. Надыршина. Казань: ИЯЛИ, 2019. С. 63—71.
3. Идель. [Электронный ресурс]: URL: <http://idel-tat.ru/news/literatura/kul-gali-skazanie-oyusufe-kyssa-i-yusuf-izbrannye-strofy-perevod-snivanova> (дата обращения: 07.06.2021).

4. Friedrich M. Ghabdulla Tuqaj (1886—1913) — Ein hochgelobter Poet im Dienst von tatarischer Nation und sowjetischem Sozialismus. Wiesbaden, 1998.
5. Georg Scholz (Berlin). Die Rolle der russischen Literatur bei der Entstehung der modernen tatarischen Literatur am Beispiel Ghabdulla Tuqajs // Slavische Literaturen der Gegenwart als Weltliteratur — Hybride Konstellationen. Diana Hitzke, Miriam Finkelstein (Hg.), innsbruck university press, 2018 Universität Innsbruck. P. 93—116.
6. Казан. [Электронный ресурс]: URL: (<https://kzn.ru/meriya/press-tsentr/novosti/6-interesnykh-faktov-iz-zhizni-tukaya-detstvo-druzhba-puteshestviya-i-lyubov-poeta/?lang=ta>) (дата обращения: 27.06.2021).

References

1. Ibragimov, M.I. 2019. “Natsionalnye literatury v natsionalnom rossiyskom proyekte”. In Natsionalnye literatury na sovremennom etape: nauchnyye kontseptsii i gipotezy. Round Table Proceedings. Kazan', Sept. 11, 2019. Vol. 1. Ed. by A.F.Ganieyva, F.Kh. Minnullina, L.R. Nadyrshina. Kazan: IYALI publ. Pp. 88—96. Print. (In Russ)
2. Zhindeyeva, E.A. 2019. “Russkoyazychnaya literature natsionalnogo regiona Rossii: nadnatsionalnaya identifikatsiya ili mezhliteraturniye vzaimodeystviya”. In Natsionalnye literatury na sovremennom etape: nauchnyye kontseptsii i gipotezy. Round Table Proceedings. Kazan', Sept. 11, 2019. Vol. 1. Ed. by A.F. Ganieyva, F.Kh. Minnullina, L.R. Nadyrshina. Kazan: IYALI publ. Pp. 63—71. Print. (In Russ)
3. Idel. Web. Url: <http://idel-tat.ru/news/literatura/kul-gali-skazanie-o-yusufe-kyssa-i-yusuf-izbrannye-strofy-perevod-snivanova/> Access date 07. 06. 2021. (In Russ)
4. Friedrich, M. 1998. Ghabdulla Tuqaj (1886—1913) — Ein hochgelobter Poet im Dienst von tatarischer Nation und sowjetischem Sozialismus. Wiesbaden. Print. (In Ger.)
5. Scholz, G. 2018. “Die Rolle der russischen Literatur bei der Entstehung der modernen tatarischen Literatur am Beispiel Ghabdulla Tuqajs”. In Slavische Literaturen der Gegenwart als Weltliteratur — Hybride Konstellationen. Diana Hitzke, Miriam Finkelstein (Hg.). Innsbruck university press. Pp. 93—116. Print. (In Ger.)
6. Kazan'. Web. Url: <https://kzn.ru/meriya/press-tsentr/novosti/6-interesnykh-faktov-iz-zhizni-tukaya-detstvo-druzhba-puteshestviya-i-lyubov-poeta/?lang=ta/> Access date 07. 06.2021. (In Tatar).

Благодарности:

Авторы выражают благодарность сотрудникам Академии РТ, профессору, внучке татарского писателя Тази Гиззата, Гизатовой Гузель Казбековне и внучке татарского писателя А. Абсалямова, Альбине Абсалямовой, а также сотрудникам кафедры иностранных языков Высшей школы иностранных языков и перевода, Юзмухаметовой Л.Н. и Шамсутдиновой Н.З. за любезно предоставленную информацию.

Acknowledgments:

The authors express their gratitude to the researchers of the Academy of the Republic of Tatarstan, grandchildren of famous Tatar writers and the scholars of Foreign languages department of the Higher school of foreign languages and translation for their contribution to this research.

Сведения об авторах:

Нуртдинова Гульнара Мохтаровна — старший преподаватель кафедры теории и практики перевода Казанского федерального университета. E-mail: gnurtdinva@bk.ru

ORCID 0000-0002-0300-2947

e-library SPIN 9627-8063

Тахтарова Светлана Салаватовна — доктор филологических наук Казанского федерального университета. E-mail: SStahtarova@kpfu.ru
ORCID 0000-0002-9268-6892
e-library SPIN 2849-6530

Хабидуллина Эльмира Камилевна — кандидат филологических наук Казанского федерального университета. E-mail: minabova@mail.ru
ORCID 0000-0003-1709-275X

Bio Notes:

Gulnara M. Nurtdinova is a Head Teacher of Kazan Federal University (Russia). E-mail: gnurtdinva@bk.ru
ORCID 0000-0002-0300-2947
e-library SPIN 9627-8063

Svetlana S. Tahtarova is a Doctor in Philology of Kazan Federal University (Russia). E-mail: SStahtarova@kpfu.ru
ORCID 0000-0002-9268-6892
e-library SPIN 2849-6530

Elmira K. Khabibullina is a Candidate of Sciences in Philology of Kazan Federal University (Russia). E-mail: minabova@mail.ru
ORCID 0000-0003-1709-275X

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4-451-459

Научная статья

Стилистический контраст в организации художественных текстов в аспекте перевода: на материале лезгинского и русского языков

Т.Б. Баранникова^{1,2✉}, Ф.Н. Сулейманова³

¹ Дагестанский государственный педагогический университет,
Российская Федерация, 367003, Махачкала, ул. М. Ярагского, 57

² Дагестанский государственный университет,
Российская Федерация, 367000, Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43-а

³ Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН,
Российская Федерация, 367000, Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45

✉ tatyanabarannikova@mail.ru

Аннотация. Актуальность и новизна настоящей статьи, объектом которой является прием стилистического контраста, определяются его достаточно слабой изученностью и подходом к рассмотрению с позиций переводоведения и сопоставительной лингвистики. **Материалом** исследования послужили примеры стилистического контраста, отобранные из художественных текстов на лезгинском языке, и их переводы на русский, русскоязычные художественные тексты и их переводы на лезгинский. В работе использованы следующие методы: семантико-стилистический и сопоставительный, метод лингвистического описания художественного текста, элементы лингвокультурологического и концептологического анализа, а также частные методики переводоведения: сопоставление перевода и оригинала, сопоставление различных переводов, опрос информантов, учебный перевод, эксперимент. **Результаты** исследования состоят в уточнении исходной трактовки стилистического контраста, определении трудностей, с которыми сталкиваются переводчики при его передаче в художественном тексте, а также в обозначении алгоритма их преодоления. Они могут найти применение в курсах по стилистике, лингвистике текста, теории и практике перевода и др., а также оказаться полезными в развитии переводческого направления в дагестанском языкознании, нуждающегося в более детальных практических разработках и теоретических обобщениях.

Ключевые слова: стилистический контраст, художественный текст, перевод, иностилевой элемент

© Баранникова Т.Б., Сулейманова Ф.Н., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 26.07.2021

Дата принятия к печати: 26.09.2021

Модератор: О.А. Валикова

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Баранникова Т.Б., Сулейманова Ф.Н. Стилистический контраст в организации художественных текстов в аспекте перевода: на материале лезгинского и русского языков // *Полилингвильность и транскультурные практики*. 2021. Т. 18. № 4. С. 451—459. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4-451-459

Research Article

Stylistic Contrast in the Organization of Literary Texts in the Aspect of Translation: Based on the Material of the Lezghin and Russian Languages

T.B. Barannikova^{1,2✉}, F.N. Suleymanova³

¹ Dagestan State Pedagogical University,
57, M. Yaragskogo Str., Makhachkala, 367003, Russian Federation

² Dagestan State University,
45, M. Gadzhiev Str., Makhachkala, 367000, Russian Federation

³ Institute of Language, Literature and Arts n.a. G. Tsadasa
the Dagestan Federal Research Center, Russian Academy of Sciences,
45, M. Gadzhiev Str., Makhachkala, 367000, Russian Federation

✉ tatyanaabarannikova@mail.ru

Abstract. The **topicality** and **novelty** of this article, devoted to the device of stylistic contrast, are predetermined by its rather poor study, as well as by the approach to its investigation from the angle of translation theory and comparative linguistics. The **material** of the research includes the examples of stylistic contrast selected from literary texts in the Lezghin language and their translations into Russian, Russian-language literary texts and their translations into the Lezghin language. The work is based on the semantico-stylistic and comparative **methods**, the method of linguistic description of a literary text, elements of linguoculturological and conceptual analysis, as well as the specific methods of translation studies (comparison of the translation and the original, comparison of various translations, questionnaire of informants, educational translation, an experiment). The **results** of the research consist in clarifying the proceeding interpretation of stylistic contrast, as well as in identifying the difficulties that translators face when transmitting it in a literary text, and indicating the algorithm for overcoming them. They can be used in the courses of Stylistics, Text Linguistics, Translation Theory and Practice, etc., as well as in the development of the translation direction in the Dagestani linguistics, which needs practical developments and theoretical generalizations.

Key words: stylistic contrast, literary text, translation, alien style element

Article history:

Received: 26.07.2021

Accepted: 26.09.2021

Moderator: O.A. Valikova

Conflict of interests: none

For citation:

Barannikova, T.B., Suleymanova, F.N. 2021. “Stylistic Contrast in the Organization of Literary Texts in the Aspect of Translation: Based on the Material of the Lezghin and Russian Languages”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (4), 451—459. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4-451-459

Введение

Контраст, являющийся одним из важнейших способов организации художественного текста, представляет большой интерес при разностороннем анализе, особенно это касается его стилистической стороны, которая в отечественной лингвистической науке обычно исследуется на материале одного языка (Т.Г. Бочина, 2002, 2007, 2010; О.Н. Егорченко, 2006; Л.М. Савина, 2006; В.А. Сазонова, 2011; Ц. Цзин, 2016; И.С. Гришина, 2019 и др.). В современной лингвистической литературе стилистический контраст часто связывают с лексической антонимией, антитезой, оксюмороном и парадоксом. Однако, как отмечают исследователи, он проявляется гораздо шире, возникая в результате использования неожиданного элемента в нейтральном контексте, находя свое выражение в системе разноуровневых оппозиций и функционируя как один из видов семантико-стилистической организации текста. В широком толковании данное явление представляет собой источник синтагматического напряжения, которое проявляется на всех уровнях языковой организации и композиционной структуры художественных текстов [1]. С позиций когнитивной лингвистики стилистический контраст определяется как лингвокогнитивный принцип организации речевого произведения, служащий также общей основой двух частных принципов создания стилистических приемов: 1) противопоставления, реализуемого в антитезе и таких ее разновидностях, как акротеза, амфитеза, диатеза и др.; 2) противоречия, организующего приемы оксюморона, антифразиса, парадокса и др. [2]. Это связано с тем, что людям свойственно мыслить оппозициями [3]. Самый важный стилистический эффект контраста в соответствии с этим подходом — воздействие на восприятие читателя, основная стилистическая функция — интегративная [4].

Наряду с современным толкованием стилистического контраста в стилистике продолжает использоваться и его более ранняя трактовка, разрабатывавшаяся в период становления отечественной стилистики как науки в 50-х — 60-х годах XX века. Выделяют следующие виды контрастов: 1) семантический контраст, когда наблюдается соединение в большинстве случаев не сочетаемых в обыденном сознании понятий; 2) *стилистический контраст, представляющий собой совмещение в тексте разностилевых элементов и служащий приемом создания образности, метафоричности*; 3) ритмико-синтаксический контраст, при котором наблюда-

ется резкое столкновение ритма и синтаксиса; 4) композиционный контраст, заключающийся в чередовании в тексте отрезков с разной метрической структурой [5; 1]. Согласно данной интерпретации, стилистический контраст имеет в стиле художественной литературы статус лексического стилистического приема. Вместе с тем стилисты отмечали его неформленность как такового [6]. На последнее указывало и наличие разнообразных терминов, обозначающих данное явление («бафос (батос)», «стилистические смещения», «лингвистический оксюморон» (в отличие от «логического»), «контаминация стилей», «стилистическая неоднородность» и др.).

Обсуждение

В предлагаемом исследовании мы придерживаемся узкой трактовки стилистического контраста как одной из двух взаимосвязанных общих закономерностей употребления стилистически значимых единиц, заключающейся в несовпадении (контрасте) стилистических окрасок слов/ большинства слов в высказывании [7. С. 483], например:

У тебя муж просто *обворожительный!* — *выталила* Софья Александровна и прибавила: — *не моему михрютке чета* (А.А. Соколов).

Здесь лексические элементы с разговорным оттенком контрастируют с эмоционально-возвышенными книжными единицами.

Основываясь на анализе текстов художественных произведений в работах В.В. Виноградова, Л.В. Щербы, И.Р. Гальперина, В.В. Одинцова и др., мы исходим из понимания текста как выстроенной определенным образом содержательной формы, сложноорганизованного единства, тесно связанного с личностью автора. Вслед за ними полагаем, что рассматриваемое явление может реализоваться как противоположность контактно или дистантно расположенных элементов, а также как стилистический диссонанс речевых компонентов, нарушающий лингвоэтические каноны коммуникации. Актуализация разности стилистических потенциалов как контактно стоящих лексических единиц, так и дистантно размещенных фраз образует стилистический контраст [8], который разрушает монотонность речевого потока.

В настоящей работе мы разделяем следующую точку зрения: создаваясь в высказывании, в живой речи, стилистический контраст относится к явлениям языкового функционирования и нередко служит способом передачи юмора, сатиры, иронии и т.д. Однако, в отличие от стилистических приемов оксюморона, антифразиса, парадокса и других, построенных на контрасте, стилистический контраст, составленный лексическими единицами различной стилистической окраски, выполняет в структуре художественного текста и иные, помимо создания юмористического эффекта, функции, в частности, на нем основывается речевая характеристика персонажа, оценка и др. Сказанное, таким образом, достаточно определено, на наш взгляд, указывает на необходимость уточнения используемых терминов и их разграничения.

Исходя в нашем исследовании из предположения, что в более полной мере лингвистические характеристики стилистического контраста могут актуализи-

роваться при его рассмотрении в сопоставительно-переводческом аспекте на материале языков несходной структурной типологии и культурно-исторических традиций, нами был предпринят переводческий анализ примеров стилистического контраста, отобранных из художественной литературы на лезгинском и русском языках. Данный анализ был предварен определением возможных трудностей, возникающих в процессе перевода исследуемого явления. Заметим, что подобная практика предварительного обозначения переводческих проблем получает в современном переводе достаточно широкое распространение. Выявляются как общие трудности перевода, так и факторы, осложняющие его на уровне определенных типов текста и конкретных языковых единиц, а также конкретной пары языков [9].

Анализ лингвистических работ, в которых тем или иным образом затрагивается вопрос перевода стилистического контраста, свидетельствует о том, что исследователи, сталкиваясь с возникающими сложностями, вполне правомерно связывают их с различиями в функционально-стилевой и лексико-стилистической дифференциации языка оригинала и переводящего языка. Здесь же хотелось бы указать и на некоторые объективные факторы, опосредованно воздействующие на процесс и качество перевода исследуемого явления, выполняемого на материале разносистемных языков. Это различная степень лексикографической разработки стилистически маркированной лексики языков перевода и уровень развития профессионального переводческого дела. В соответствии с ними алгоритм переводческих действий, предпринятых нами при переводе стилистического контраста с лезгинского языка, не имеющего достаточной лексикографической и профессиональной переводческой базы, на русский, имеющий давние традиции лексикографирования стилистически отмеченного вокабуляра, включал следующие шаги: опрос информантов и проведение экспериментальной работы, верификацию полученных данных, учебный перевод, сопоставление профессионального и непрофессиональных переводов и др.

В качестве информантов нами были привлечены студенты лезгинского отделения факультета дагестанской филологии Дагестанского государственного педагогического университета (профили «Родной язык и литература», «Родной язык и литература» и «Русский язык»). Им были предложены «разминочные» учебные задания на распознавание стилистического контраста в отрывках художественных текстов на лезгинском языке и выполнение собственных вариантов перевода на русский, например:

1. Замените в следующих контекстах выделенные стилистически сниженные и стилистически возвышенные единицы стилистически нейтральными синонимами. Прокомментируйте изменения в содержании, вызванные этими заменами, например:

Лацу *катран* *пларла* я вун,
 Ви *сивиз кый*, таза *тайгьун* (Е. Эмин)
 [Белого сокола ты птенец.
 Да умру я за твои уста, нежная красавица]
 (подстрочный перевод Ф.Р. Нагиева).

2. Найдите стилистический контраст в «немых» контекстах, не содержащих под-сказок:

... Дуйня тараш-галан жада,
 Датгур даллай,

Хандин пабни алван жада
Ат1ундаллай... (П. Фатуллаева)

3. Скорректируйте «смещенные» контексты, содержащие стилистически маркированные единицы, неадекватно описывающие референт текста (например: *Къаравулчиди* вичин дустариз са чаяр *тешкил авуна* (книжн., офиц.-дел.) «Сторож устроил своим друзьям прием с чаепитием» / *Къаравулчиди* вичин дустарихъ галаз чай хъвана «Сторож выпил чаю с друзьями». Ср.: Фракциядин регъберди чкадал квалах *тешкил авуна* (книжн.) «Руководитель фракции организовал работу на местах»).

В продолжение темы приведем отрывок текста стихотворения лезгинского писателя С.С. Саидгасанова «Америкадай къведа чаз халу» (букв. Из Америки придет к нам дядя), переведенный С.М. Масловым, а также одним из информантов.

Оригинал	Перевод-1	Перевод-2
Америкадай къведа чаз халу	Дядя-янки	Из Америки придет к нам добрый дядя
Къудратлу уьлкъе авуна паяр, Сас экъисна чал хъуьреза таяр Хкаьх тийизмай кутуна ц1аяр, Ахмакъ халкъариз тарс гуз «акъуллу», Америкадай къведа чаз «халу»! Тарашна къизил — хазина еке! Алат тийидай хъана чал леке. Виридаз виляй аватна уьлкъе, Гуьнгуьна хутаз «хендела шулу», Америкадай къведа чаз «халу»! (С. Саидгасанов / Саидгасанов С.С. Америкадай къведа чаз «халу» URL: https://sajidin.ru/tvorchestvo/stihi/pochemu-ty-prishel-ne-vchera-stihi-i-perevody-raznyh-let-i-raznyh-perevodchikov-s-originalami.html (дата обращения: 10.04.2021))	Если сильная держава На кусочки вдруг разбита — Вы опять, конечно, правы: <i>Дядя-янки</i> был с визитом! Если тихо <i>испарились</i> Всенародные богатства — Сразу ясно: к нам явились <i>Дяди-янки</i> повидаться! (Перевод С.М. Маслова / Маслов С.М. Дядя-янки URL: https://sajidin.ru/tvorchestvo/stihi/pochemu-ty-prishel-ne-vchera-stihi-i-perevody-raznyh-let-i-raznyh-perevodchikov-s-originalami.html (дата обращения: 10.04.2021))	Великую страну разбив на куски, <i>Скала</i> зубами над нами — кони — <i>ржут</i> . <i>Негаснущие</i> поджёгши <i>огни</i> , Глупые народы, уча «уму-разуму», Из Америки придет к нам « <i>дядя</i> »! Разграбили золотую казну — Не отмыться от позора нам. В глазах у всех пала страна, Вновь оправить «искалеченную вдову», Из Америки придет к нам « <i>дядя</i> »! (Перевод З. Селимовой)

Сопоставление переводов, безусловно, свидетельствует в пользу профессионального перевода С.М. Маслова. Тем не менее, представляется, что в предложенном непрофессиональном переводе автору в большей мере удалось сохранить в организации поэтического текста перевода стилистический контраст, создаваемый в оригинале на фоне возвышенной лексики единицей «халу» (1. Брат матери, 2. Дядя — обращение ко взрослому мужчине [10]), воспроизведенной в тексте оригинала в кавычках и воспринимаемой как «разг., ирон.». В переводе З. Селимовой подобрана эквивалентная единица *добрый дядя* (разг.-ирон.) — «человек, щедрый за чужой счет», зафиксированная в словарях русского языка (см. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка, 2005); *сленг* — лицо извне, не будучи работником, контролирующее компанию (см. Экономика и право: словарь-справочник / Л.П. Кураков, В.Л. Кураков, А.Л. Кураков, 2004). У переводчика С.М. Маслова стилистический контраст, создающийся за счет употребления эквивалента *дядя-янки*, на наш взгляд, несколько снижен, хотя его вариант нельзя считать неудачным, так как он определенным образом компенсирован стилистически сниженной единицей *испарились* со значением «исчезли, пропали» (шутл.).

Ярким образом применения разностилевых элементов, к примеру официально-деловой лексики в русской художественной литературе, является «Опись градоначальникам, в разное время в город Глупов от высшего начальства поставленным (1731—1826)» из «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина, где на каждого из двадцати двух градоначальников дается что-то наподобие краткой выписки из досье:

Двадцать второй — Перехват-Залихватский, Архистратиг Стратилатович, майор. О сем умолчу. Въехал в Глупов на белом коне, сжег гимназию и упразднил науки [11].

Перевод на лезгинский язык осуществлялся нами как учебный с привлечением того же контингента студентов в рамках кружковой работы.

Къанни къвед лагъайди — Перехват-Залихватский, Архистратиг Стратилатович, майор. — Идакай зун гъич рахун тийин. Глуповдиз лацу балккландал алаз винелди экъечна, мектеб цай яна кана ва илимар терг авуна».

Форма описи в переводе сохранена.

Стилистический контраст в оригинале создается за счет вкраплений в имитацию официально-делового текста антономазии, основанной на стилистически сниженной лексике: это придуманное название города *Глупов* и фамилия *Перехват-Залихватский* (залихватский — разг. удалой, бесшабашный (см. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка, 2005), контрастирующая с «возвышенными» именем и отчеством *Архистратиг Стратилатович*.

Большинство участников эксперимента перевели данные единицы посредством транскрибирования, в результате чего антономазия, как и их стилистическая сниженность и, соответственно, стилистический контраст в переводе были утрачены. Однако, соглашаясь с тем, что обычно имена собственные, топонимы, этнонимы и отдельные речевые обороты переносятся на фонетику и графику переводящего языка почти в исходном виде, мы считаем возможным также вариант, в котором фамилия и название города переведены дословно и даны в качестве пояснения: Перехват-Залихватский — Алтун-Клубандин (ср.: лезг. *виллик над алтун* — отрезать путь, не давать ходу; *клубан* — залихватский), Глупов — *Ахмакъан* (лезг. *ахмакъ* — глупец, дурак). Их стилистически сниженная окраска позволяет сохранить в переводе стилистический контраст, имеющийся в оригинале.

При переводе единицы *въехал* (в Глупов на белом коне, сжег гимназию и упразднил науки) из двух эквивалентов в лезгинском языке *атун* и (*винел*) *экъечлун*, предпочтение было отдано последнему, имеющему значение не только «въехать», но и «подниматься (наверх)» [10; 12], а в данном контексте еще и «взойти», что, по нашему мнению, способствует передаче контраста, создающегося также за счет негативной характеристики действий градоначальника и описания их возвышенной лексикой.

Заключение

Таким образом, в процессе перевода стилистического контраста актуализируются сложности, связанные с теоретической и практической разработкой вопросов лексико-стилистической дифференциации языков перевода. Пути устранения

возникших трудностей видятся нам в более широком привлечении к решению поставленных переводческих задач приемов экспериментальной методики. Она может способствовать не только более полному раскрытию в стилистическом контрасте заложенных авторами оттенков значений, но и детальнее описывать его характеристики, что позволяет вывести оценку перевода на несколько иной уровень [13], а также судить о переводческих трудностях и неудачах с более объективной точки зрения и избегать их.

Список литературы

1. *Сергеева Е.В.* Стилистический контраст в рассказе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой фарш» // Разработка и решение актуальных научных проблем: вопросы теории и практики, Смоленск, 31 мая 2017 года: сб. научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Смоленск: НОВАЛЕНСО, 2017. С. 165—166.
2. *Бочина Т.Г.* Стилистические приемы контраста как система с полевой структурой // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2010. № 1(19). С. 25—29.
3. *Кожеевникова О.С.* Стилистический контраст // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): Словарь-справочник / Сибирский федеральный университет / под ред. А.П. Сквородникова. 2-е изд., перераб. и доп. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. С. 653—654.
4. *Андреева Г.В.* Языковое выражение контраста и его стилистические функции в художественной прозе (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1984.
5. *Ковтунова И.И.* Некоторые направления эволюции поэтического языка в XX в. // Очерки истории языка русской поэзии XX в. М.: Наука, 1990.
6. *Гальперин И.Р.* Опыты стилистического анализа. М.: Высш. шк., 1968.
7. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта; Наука, 2003.
8. *Славкин В.В.* Стилистический контраст и стилистический диссонанс в современных СМИ // Век информации. 2017. № 2-2. С. 58—59.
9. *Nord C.* Translating as a Purposeful Activity: Functionalist Approaches Explained. Shanghai, “Shanghai Foreign Language Education Press”, 2001. 154 p.
10. *Талибов Б.Б.* Лезгинско-русский словарь / под ред. Р. Гайдарова. М.: Советская энциклопедия, 1966.
11. *Салтыков-Щедрин М.Е.* История одного города. М.: Детская литература, 1981.
12. *Гаджиев М.М.* Русско-лезгинский словарь / под ред. Г.А. Аликберова. Махачкала: Издательство Дагестанского филиала АН СССР, 1950.
13. *Абаева Е.С.* Перевод отрывков текста с юмористическим эффектом: сопоставительный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семантика. Семантика. 2018. Т. 9. № 2. С. 351—364. DOI 10.22363/2313-2299-2018-9-2-351-364.

References

1. Sergeeva, E.V. 2017. “Stilisticheskij kontrast v rasskaze I. Il’fa I.E. Petrova «Zolotoj farsh»”. In *Razrabotka i reshenie aktual’ny’x nauchny’x problem: voprosy’ teorii i praktiki*. Proceedings. Smolensk, May, 31, 2017. Smolensk: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost’yu “Novalenso” publ. Pp. 165—166. Print. (In Russ.)
2. Bochina, T.G. 2010. “Stilisticheskie priemy’ kontrasta kak sistema s polevoj strukturoj”. *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta* 1(19): 25—29. Print. (In Russ.)

3. Kozhevnikova, O.S. 2014. “Stilisticheskij contrast”. In *E’ffektivnoe rechevoe obshhenie (bazovy’e kompetencii): Slovar’-spravochnik. Sibirskij federal’ny’j universitet publ.* Ed. by A.P. Skovorodnikov. Krasnoyarsk: Sibirskij federal’ny’j universitet publ. Pp. 653—654. (In Russ.)
4. Andreeva, G.V. 1984. *Yazykovoe vyrazhenie kontrasta i ego stilisticheskie funktsii v khudozhestvennoi proze (na materiale angliiskogo yazyka): abstract dis. ...* Cand. Philol. Sciences. Leningrad. 25 p. Print. (In Russ.)
5. Kovtunova, I.I. 1990. “Nekotory’e napravleniya e’volucii poe’ticheskogo yazy’ka v XX v.” In *Ocherki istorii yazy’ka russkoj poe’zii XX v.* Moscow: Nauka publ, Pp. 10—15. Print. (In Russ.)
6. Galperin, I.R. 1968. *An Essay in Stylistic Analysis.* Moscow. Print.
7. *Stilisticheskij entsiklopedicheskij slovar russkogo yazyka.* 2003. Ed. by M.N. Kozhina. Moscow: Flinta publ., 2003. Print. (In Russ.)
8. Slavkin, V.V. 2017. “Stilisticheskij kontrast i stilisticheskij dissonans v sovremenny’x SMI”. *Vek informacii* 2(2): 58—59. Print. (In Russ.)
9. Nord, Ch. 2001. *Translating as a Purposeful Activity: Functionalist Approaches Explained.* Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press. Print.
10. *Lezghin-Russian Dictionary.* 1966. Comp. by B.B. Talibov, M.M. Gadzhiev. Ed. by R. Gaydarova. Moscow. Print. (In Lezg. In Russ.)
11. Salty’kov-Shchedrin, M.E. 1981. *Istoriya odnogo goroda.* Moscow: Detskaya literature publ. Print. (In Russ.)
12. Gadzhiev, M.M. 1950. *Russian-Lezghin dictionary.* Ed. by G.A. Alikberov. Makhachkala: Publishing House of the Dagestan branch of the USSR Academy of Sciences. Print. (In Russ. In Lezg.)
13. Abaeva, E.S. 2018. “Perevod otryvkov teksta s yumoristicheskim efektom: sopostavitel’nyj aspect”. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* 9 (2): 351—364. DOI 10.22363/2313-2299-2018-9-2-351-364. Print. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Баранникова Татьяна Борисовна — доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка Дагестанского государственного педагогического университета; профессор кафедры английской филологии Дагестанского государственного университета. E-mail: tatyanaabarannikova@mail.ru

Сулейманова Фатимат Назимовна — кандидат филологических наук, соискатель Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра РАН. E-mail: fsulejmanova@mail.ru

Bio Notes:

Tatyana B. Barannikova is Doctor of Philology, Professor of the Chair of the English Language at the Dagestan State Pedagogical University; Professor of the Chair of the English Philology at the Dagestan State University. E-mail: tatyanaabarannikova@mail.ru

Fatimat N. Suleymanova is Candidate of Philological Sciences, Applicant of the Institute of Language, Literature and Arts n.a. G. Tsadasa, the Dagestan Federal Research Center, Russian Academy of Sciences. E-mail: fsulejmanova@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4-460-467

Научная статья

Трудности при переводе клише официально-делового стиля с русского языка на якутский

А.А. Бурцева, И.В. Собакина

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
Российская Федерация, Республика Саха (Якутия), 677000, Якутск, 58, ул. Белинского, д. 58
 iv.sobakina@s-vfu.ru

Аннотация. В настоящее время активно развивается официально-деловой стиль якутского языка, совершенствуется теория и практика перевода текстов официально-делового стиля. Государственные и муниципальные услуги являются неотъемлемой частью нашей жизни, поэтому важно перевести на якутский язык информационные, регламентирующие документы, в частности стандарты и правила обслуживания заявителей в многофункциональных центрах предоставления государственных и муниципальных услуг в Республике Саха (Якутия). Цель данной работы заключается в анализе трудностей, возникающих при переводе клише официально-делового стиля с русского языка на якутский, и поиске решений этих проблем. В исследовании использовались сравнительно-сопоставительный и описательный методы, метод сплошной выборки. Выявлены лексические и грамматические трудности при переводе клише официально делового стиля с русского языка на якутский.

Ключевые слова: перевод, официально-деловой стиль, клише, перевод клише, клише официально-делового стиля, виды клише, русско-якутский перевод, трудности при переводе

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 03.12.2020

Дата принятия к печати: 14.03.2021

Модератор: О.А. Валикова

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Бурцева А.А., Собакина И.В. Трудности при переводе клише официально-делового стиля с русского языка на якутский // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 4. С. 460–467. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4-460-467

© Бурцева А.А., Собакина И.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The Cliché of the Official Business Style and its Transfer from Russian into the Yakut Language

A.A. Burtseva, I.V. Sobakina✉

North-Eastern Federal University,
58, Belinsky Str., Yakutsk, 677027, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation

✉ iv.sobakina@s-vfu.ru

Abstract. At present, the official business style of the Yakut language is more developed in comparison with the translations of the twentieth century, when this style was just beginning to be practiced. Along with this, the translation of official-business style texts is also developing. As state and municipal services are an integral part of our life and understanding the strengths and merits, which adds the translation to society, it is very important to translate the Yakut language information, regulatory documents of the population of our Republic and members of the institutions, namely the Standard of applicants to the State autonomous institution “Multifunctional center for the provision of state and municipal services in the Republic of Sakha” (Yakutia) Rules of applicants. The aim of this work is to analyze the difficulties of transmission cliché official-business style of Russian into Yakut language and the search approach solutions to these difficulties. The methodological basis of this study is the comparative and descriptive methods based on the data obtained by the continuous sampling method. As a result of the analysis, we identified lexical and grammatical difficulties in translating official-business style cliches from Russian into Yakut. Lexical words include borrowing words, words without equivalent correspondence and abbreviations in the cliché, where the first ones are most often transmitted to the Yakut language by transcription or remain by themselves, the second ones are translated by an adequate replacement, paraphrasing or description, and the third ones with the Russian version in a bracket. Grammatical difficulties include complex sentences with passive constructions and participial turns, which directly affect how the cliché will be translated into them. Cliches in complex sentences occur frequently, sometimes several times in the same sentence.

Key words: the translation, official style, cliché, the translation of a cliché, cliché of official style, types of a cliché, the Russian-Yakut translation, difficulties in translation

Article history:

Received: 03.12.2020

Accepted: 14.03.2021

Moderator: O.A. Valikova

Conflict of interests: none

For citation:

Burtseva, A.A., and I.V. Sobakina. 2021. “The Cliché of the Official Business Style and its Transfer from Russian into the Yakut Language”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (4), 460–467. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4-460-467

Введение

Якутский язык в Республике Саха (Якутия) имеет государственный статус, используется во всех сферах общественной жизни. Согласно закону «О языках в

Республике Саха (Якутия)» якутский язык является языком делопроизводства и документации учреждений, предприятий и организаций, расположенных на территории республики [1]. В настоящее время перевод официальных документов приобретает особую актуальность. С русского языка на якутский ранее были переведены документы судопроизводства и делопроизводства в правоохранительных органах, законодательные документы Правительства РС(Я) и Государственного собрания Ил Тумэн и т.д. Однако работа по переводу документов учреждений, непосредственно взаимодействующих с населением, не ведется, в том числе в государственном автономном учреждении «Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг в Республике Саха (Якутия)» (ГАУ МФЦ РС(Я)), что затрудняет расширение сферы функционирования якутского языка.

ГАУ МФЦ РС(Я) — это одно из самых крупных учреждений в Республике Саха (Якутия), основанное в 2010 году. По последним данным, обновленным на официальном сайте учреждения в 2020 году, за весь период работы офисов «Мои документы» обработано более 4,7 млн обращений граждан. Все это обусловило выбор материала для нашего исследования — Стандарта обслуживания заявителей в ГАУ МФЦ РС(Я) и Правил обслуживания заявителей в ГАУ МФЦ РС(Я). Перевод документов данного учреждения позволил бы расширить информационное поле для населения республики, так как якутский язык — это родной язык подавляющей части населения. В данной работе дается анализ основных трудностей, возникающих при переводе клише официально-делового стиля с русского языка на якутский, намечены подходы к их преодолению, выбраны способы перевода.

Обсуждение

Т.И. Галеева в качестве одной из базовых единиц официально-делового стиля выделяет клише [2]. Г.К. Пуринова определяет клише как «языковые штампы» [3. С. 50]. Она пишет, что в официально-деловом стиле при оформлении документов любого вида набор используемых слов заранее сформулирован, пример оформления, написания стандартизирован, унифицирован и задан. Это позволяет тексту документа быть максимально понятным, точным и удобным. Другой исследователь, А.И. Казанцев, различает клише и штампы. Слово «клише» в словаре С.И. Ожегова определяется как «шаблонная фраза, выражение»; «штамп» определяется как «готовый образец, трафарет, которому слепо следуют (неодобр.)» [4. С. 1; 5. С. 273, 878]. По определению Д.Э. Розенталя, клише — это «речевой стандарт, типичная черта официально-делового стиля, которая в данном стиле воспринимается как вполне естественная его принадлежность» [6. С. 28]. Д.Э. Розенталь отмечает, что если шаблонизированные обороты в других стилях рассматриваются как стилистический недостаток, то клише в официально-деловом стиле, наоборот, выполняют функцию упрощения и ускорения деловой коммуникации.

При переводе клише прибегают к его эквивалентному соответствию. Многие клише официально-делового стиля в русском языке уже имеют свои эквивалентные соответствия в якутском языке, однако существуют клише, у которых их нет.

Многие исследователи предлагают свои классификации перевода клише. Я.И. Рецкер включает в свою классификацию эквивалентные соответствия, аналоги и адекватные соответствия, в том числе лексические, фразеологические и грамматические подгруппы [7]. С.А. Панкратова рассматривает структурное, семантическое, информационное в когнитивном аспекте и прагматическое соответствия [8]. А.Д. Швейцер различает три уровня эквивалентности: синтаксический, семантический и прагматический. Прагматический уровень исследователь дифференцирует на добавления, опущения, описания и другие способы передачи [9].

Несмотря на то, что существуют разные способы перевода клише, для переводчика нередко возникают трудные моменты. На основе личного опыта перевода Стандарта обслуживания заявителей в ГАУ МФЦ РС(Я) и Правил обслуживания заявителей в ГАУ МФЦ РС(Я) мы выделили основные проблемы при переводе клише и предприняли попытку их решения. В теории перевода различают трудности на грамматическом и лексическом уровнях языка в области переводимого материала.

Говоря о трудностях перевода на **лексическом уровне**, стоит отметить **заимствованные слова** в составе клише. В якутском языке достаточно много заимствований из русского языка, которые не имеют эквивалентов в якутском языке. Чаще всего такие слова при переводе передаются транскрипцией, однако бывают случаи, когда они остаются непереуведенными, например: «...для получения талона электронной очереди...». Если слова «талон» и «очередь» можно перевести транскрипцией «толуон» и «уочарат», то «электронный» остается неизменным, лишь окончание приобретает якутский аффикс: «электроннай».

В составе клише встречаются слова, не имеющие **эквивалентного соответствия**. Рассмотрим несколько примеров.

«Обслуживание заявителей производится при предоставлении оригиналов документов, удостоверяющих личность заявителя». В якутском языке нет эквивалентной замены слову «обслуживание», что обуславливает использование при переводе описания или перефразирования. Мы решили, что лучше всего будет перевести данное слово путем перефразирования: «сайабылыанньаалаагы кытта йлэ» досл. «работа с заявителем».

«Соблюдение установленного законодательством норматива по времени ожидания в очереди при обращении заявителя в ГАУ МФЦ РС(Я) за получением государственных и муниципальных услуг...». Из данного примера мы видим, что слово «обращение» подразумевает, что заявитель может обратиться в учреждение лично либо через официальный сайт — виртуально. Так как в якутском языке эквивалентной замены этого слова нет, лучше всего передать его описательным переводом: «...при обращении заявителя в ГАУ МФЦ РС(Я) — Сайабылыанньаалаах САТ “СӨ ЭФК” (ГАУ «МФЦ РС(Я)») кэллэҕинэ эбэтэр туһайыы ыыттаҕына (досл. когда заявитель подходит в ГАУ «МФЦ РС(Я)» или отправляет обращение).

В тексте документа можно встретить **сложные слова**: «...без осуществления документооборота с уполномоченными органами власти...». На якутский язык слово «документооборот» переводится двумя словами, так как одним словом его нельзя перевести. В якутском языке нет эквивалентного соответствия слову «документ», в тексте его переводят путем транскрипции — «докумуон»: «докумуону эргитии», где «эргитии» эквивалентно слову «оборот».

Грамматические трудности перевода обуславливаются грамматическими различиями русского и якутского языков. Основные трудности возникают при переводе клише в синтаксических конструкциях. Предложения официально-делового стиля часто осложняются однородными, обособленными второстепенными членами предложения, в составе которых могут присутствовать несколько клишированных выражений. Рассмотрим примеры.

«Рабочее место сотрудника ГАУ МФЦ РС(Я), ТОСП ГАУ МФЦ РС(Я) оборудуется персональным компьютером, обеспечивающим электронный документооборот, с возможностью доступа к автоматизированной информационной системе ГАУ МФЦ РС(Я), автоматизированной информационной системе «Юридическая консультация ГАУ МФЦ РС(Я)», а также доступом к сети Интернет, печатающим и сканирующим устройствами, терминальным устройством для произведения заявителями оценки качества предоставления государственных и муниципальных услуг для ИАС МКГУ». Перевод: «Рабочее место сотрудника оборудуется — ылэһит ылэлиир сиригэр турар (досл. на рабочем месте работника стоит); с возможностью доступа к системе — тиһиккэ киирэр кыхахтаах (досл. с возможностью войти в систему), доступ к сети Интернет — Интэриниэт ситимҕэ киирэр (досл. Входящий в сеть Интернет), оценка качества услуг — өһө хаачыстыбатын сыаналааһын (досл. оценивание качества услуги).

Рассмотрим трудности при переводе пассивных конструкций. В предыдущем примере мы перевели пассивную конструкцию активной: «Рабочее место сотрудника оборудуется...» — «Үлэһит ылэлиир сиригэр турар...» (досл. ...на рабочем месте работника стоит...). На это повлияло несколько факторов: 1) данное словосочетание-клише является грамматической основой в предложении; 2) в предложении присутствуют придаточные обороты. В якутском языке, как агглютинативном, все основные грамматические значения выражаются с помощью аффиксов, их обилие в предложении усложнило бы коммуникацию, в результате чего предложение стало бы трудным для восприятия. В связи с этим использование при переводе активной конструкции — это наиболее удачное, на наш взгляд, решение, которое упростило и ускорило осмысление текста для читателя. И другой пример перевода пассивной конструкции: «...обращение, поступившее в ГАУ МФЦ РС(Я), подлежит рассмотрению в течение 30 календарных дней со дня регистрации...» — «САТ “СӨ ЭФК” (ГАУ “МФЦ РС(Я)”) киирбит сурук бэлиэтээһин кэнниттэн 30 ылэ күнүн иһигэр көрүллэр...» (досл. письмо, поступившее в ГАУ «МФЦ РС(Я)», рассматривается в течение 30 рабочих дней со дня регистрации»). В этом примере предложение передано пассивной конструкцией в соответствии с формой оригинала. Пассивная конструкция в предложениях часто сохраняется, так как не осложняет восприятие читателем информации.

Предложения с причастными оборотами встречаются довольно часто, и бывают случаи, когда в одном предложении их несколько. На перевод причастных оборотов влияют два фактора:

1) если каждый причастный оборот в одном предложении определяет отдельное слово, то он переводится эквивалентным соответствием, например: «...представление интересов заявителей при взаимодействии с органами, предоставляющими государственные услуги, и органами, предоставляющими муниципальные

услуги, а также с организациями, участвующими в предоставлении государственных и муниципальных услуг...» — «...судаарыстыба օҗотүн օҗорор уорганнары уонна муниципальнай օҗонү օҗорор уорганнары, мань тэҗэ судаарыстыба уонна муниципалитет օҗотүн օҗорууга кыттыһар тэриллииһэри кытта сыһыанҕа сайа-балыанньалаах интэриэһигэр ылэлиир...» (досл. ...в отношениях с органами, выполняющими государственные услуги и с органами, выполняющими муниципальные услуги, а также с организациями, участвующими в выполнении государственных и муниципальных услуг работает в интересах заявителя...). В отличие от русского языка причастный оборот в якутском языке стоит перед определяемым словом;

2) если причастный оборот определяет слово, которое находится в составе другого причастного оборота, возможны опущения, например: «Стандарт обслуживания является документом, устанавливающим основные требования и принципы, касающиеся обслуживания граждан и представителей юридических лиц» — «Үлэ Барыла гражданнары уонна юридическэй сирэйдэр бэрэстэбиитэллэрин кытта ылэҕэ сүрүн ирдэбиллэри уонна бириинсиптэри олохтуур докумуонунан буолар» (досл. Стандарт работы является документом, устанавливающим основные требования и принципы при работе с гражданами и представителями юридических лиц). В этом примере мы опустили слово «касающиеся», так как его понятие передает аффикс -э в слове «ылэҕэ» (досл. при работе).

В качестве ситуативных (контекстуальных) клише могут быть рассмотрены *аббревиатуры* (и исходные словосочетания). В практике перевода аббревиатур с русского на якутский язык их либо переводят, либо оставляют в исходном виде. В первом случае это обычно устоявшиеся, укоренившиеся переводы аббревиатур. Во втором случае перевод аббревиатур читателям не знаком. *Аббревиатуры* могут снабжаться переводом с указанием русского варианта в скобках, с тем чтобы переведенный материал мог включаться в систему документооборота учреждения, что, возможно, стимулирует введение новых аббревиатур в обиход: «...в процессе оказания им услуг на базе МФЦ — ЭФК (МФЦ) баазатыгар օҗонү օҗоруу кэмигэр... (досл. ...во время оказания услуг на базе МФЦ...); В отношении ТОСП ГАУ МФЦ РС(Я) данное положение не применяется — СХТС САТ “СӨ ЭФК” (ТОСП ГАУ «МФЦ РС(Я)») сыһыаран бу балаһыанньа ылэлээбэт (досл. ...прикрепляя к ТОСП ГАУ МФЦ РС(Я) это положение не работает).

Заключение

Таким образом, трудности перевода клише официально-делового стиля с русского на якутский язык затрагивают лексический и грамматический уровни. Заимствованные с русского языка слова передаются либо транскрипцией, либо транслитерируются. Данный подход возможен, когда слов-заимствований немного, так как их обилие засоряет язык. Слова, не имеющие эквивалентного соответствия чаще передаются адекватной заменой, описанием либо перефразированием. При переводе данной категории слов важно учитывать контекст. Трудности в грамматической части затрагивают отличие структуры предложений в русском и якутском языках. Осложненные предложения включают большой объ-

ем информации, в них клише встречается часто. Причастные обороты и пассивные конструкции влияют на структуру предложения.

Аббревиатуры в составе клише можно перевести с указанием в скобках русского варианта. Сам перевод аббревиатур оказался довольно непростой работой, так как он должен точно и четко отражать оригинал, передавать все содержание и значение.

Перевод текстов официально-делового стиля требует максимальной точности. Перевод клише остается его важной составляющей, так как помогает формировать текст перевода, выполняя свою функцию — упорядочить и унифицировать текст. Правильно переведенные клише остаются в языке перевода надолго и становятся уже привычными, принятыми соответствиями, которые функционируют в текстах не только официально-делового, но и остальных функциональных стилях языка.

Список литературы

1. Закон Республики Саха (Якутия) «О языках в Республике Саха (Якутия)». URL: <https://www.sakha.gov.ru/zakon-respubliki-saha-jakutija-o-jazykah-v-respublike-saha-jakutija>
2. *Галева Т.И.* Актуальные требования к адекватному переводу официально-делового текста // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2017. № 2. С. 304—314.
3. *Пуринова Г.К.* Стилистика и литературное редактирование: учеб. пособие. СПб., 2008.
4. *Казанцев А.И.* Особенности перевода клише и штампов официально-делового языка (на материале французского языка). Челябинск: Изд-во ЧГУ, 2002.
5. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Оникс; Мир и Образование, 2008.
6. *Розенталь Д.Э.* Справочник по русскому языку. Практическая стилистика. М.: ОНИКС 21 век: Мир и образование, 2001.
7. *Рецкер Я.И.* О закономерных соответствиях при переводе на родной язык. М., 1950.
8. *Панкратова С.А.* Диалогическая природа локализованных киноназваний // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 830—838.
9. *Швейцер А.Д.* Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, 1973.

References

1. The Law of the Republic of Sakha (Yakutia) “On Languages in the Republic of Sakha (Yakutia)”. Web. URL: <https://www.sakha.gov.ru/zakon-respubliki-saha-jakutija-o-jazykah-v-respublike-saha-jakutija>
2. Galeeva, T.I. 2017. “Current Requirements for Adequate Translation of the Official-Business Text”. Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology 2: 304—314. Print.
3. Purinova, G. K. 2008. Stilistika i literaturnoe redaktirovanie. St. Petersburg: IEO SPbUTU i E publ. Print. (In Russ.)
4. Kazantsev, A.I. 2002. Osobennosti perevoda klishe i shtampov ofitsial’no-delovogo yazyka (na materiale frantsuzskogo yazyka). Chelyabinsk: Izd-vo ChGU publ. Print. (In Russ.)
5. Ozhegov, S.I. Slovar’ russkogo yazyka: Ok. 60 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii. Moscow: OOO «Izdatel’stvo Oniks» publ. Print. (In Russ.)
6. Rozental’, D.E. 2001. Spravochnik po russkomu yazyku. Prakticheskaya stilistika. Moscow: Publishing house «ONIKS 21 vek»: Mir i obrazovanie. Print. (In Russ.)
7. Retsker, Ya. 1950. I. O zakonomernykh sootvetstviyakh pri perevode na rodnoi yazyk. Moscow. Print. (In Russ.)

8. Pankratova, S.A. 2019. “Dialogicheskaya priroda lokalizovannykh kinonazvaniy”. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* 21(3): 830–838. Print. (In Russ.)
9. Shveitser, A.D. 1973. *Perevod i lingvistika*. Moscow: Voenizdat publ. Print. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Бурцева Алина Анатольевна — магистрант кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ СВФУ им. М.К. Аммосова. E-mail: aburtseva97@gmail.com

Собакина Ирина Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ СВФУ им. М.К. Аммосова. E-mail: iv.sobakina@s-vfu.ru

Bio Notes:

Alina A. Burtseva is a Master’s student at the Department of Stylistics of the Yakut Language and Russian-Yakut Translation, the Institute of Languages and Culture of the Peoples the North-East of the Russian Federation, NEFU named after M.K. Ammosov. E-mail: aburtseva97@gmail.com

Irina V. Sobakina is a Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Stylistics of the Yakut Language and Russian-Yakut Translation of the Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, NEFU named after M.K. Ammosov. E-mail: iv.sobakina@s-vfu.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4-468-480

Научная статья

Поэзия Луизы Глик в переводе Екатерины Дайс: на материале стихотворения «Страница Персефона» из поэтического сборника «Аверно»

Е.А. Маркова

Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
✉ markova_ea@pfur.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу перевода первого стихотворения цикла о Персефоне из поэтического сборника Луизы Глик «Аверно», осуществленного Екатериной Дайс. Дается краткий очерк творчества Л. Глик. С помощью метода герменевтического комментария характеризуются лейтмотивы ее поэтических и прозаических произведений. Понимание этих мотивов — важный этап дотекстовой работы с произведением, так как сложные коды (зачастую имплицативные), представленные в стихотворениях о Персефоне, не могут быть адекватно расшифрованы без предварительных знаний, и, следовательно, оценить усилия переводчика, выбранные им тактики не представляется возможным. Материалом анализа послужило стихотворение «Страница Персефона» из поэтического сборника «Аверно». Еще одна задача статьи — познакомить русскоязычного читателя с творчеством самобытной американской поэтессы, которое на сегодня в отрефлексировано в российском научном дискурсе.

Ключевые слова: Луиза Глик, современная американская поэзия, Аверно, переводческие тактики, архетип, миф о Персефоне

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 26.07.2021

Дата принятия к печати: 26.09.2021

Модератор: О.А. Валикова

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Маркова Е.А. Поэзия Луизы Глик в переводе Екатерины Дайс: на материале стихотворения «Страница Персефона» из поэтического сборника «Аверно» // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 4. С. 468—480. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4-468-480

© Маркова Е.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Poetry by Louise Glück, Translated by Ekaterina Dies: “Wanderer Persephone” from the Poetry Collection “Averno”

E.A. Markova

Peoples' Friendship University of Russia,
6, Miklukho-Maklaya Str., 117198, Moscow, Russian Federation
✉ markova_ea@pfur.ru

Abstract. In this paper we've tried to analyze the translation of L. Glück poem about Persephone (poetry collection “Averno”), carried out by Ekaterina Dais. A brief outline of literary work of Louise Glück is given. Using the method of hermeneutic commentary, the leitmotifs of her poetic and prose works are characterized. Understanding these motives is an important stage in the pre-text work, since the complex codes (often implicative) presented in poems about Persephone cannot be adequately deciphered without prior knowledge, and, therefore, it is not possible to evaluate the efforts of the translator, the tactics chosen by her. The material for the analysis is the poem “Wanderer Persephone” from the poetry collection “Averno”. Another goal of the article is to acquaint the Russian-speaking reader with the work of the original American poetess, which is currently reflected in the Russian scientific discourse.

Key words: Louise Glick, contemporary American poetry, Averno, translation tactics, archetype, the myth of Persephone

Article history:

Received: 26.07.2021

Accepted: 26.09.2021

Moderator: O.A. Valikova

Conflict of interests: none

For citation:

Markova, E.A. 2021. “Poetry by Louise Glück, Translated by Ekaterina Dies: “Wanderer Persephone” from the Poetry Collection “Averno””. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (4), 468—480. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4-468-480

Введение

Имя Луизы Глик стало известно широкому русскоязычному читателю в связи с присуждением ей Нобелевской премии в области литературы в 2020 году, хотя для американского литературного сообщества это знаковая фигура. Лауреат многочисленных премий, включая Пулитцеровскую, Национальную книжную премию США, Премию Американской академии поэтов, Боллингеновскую премию и др., Глик известна своим уникальным поэтическим голосом, способным говорить о глубинных переживаниях личности в поистине «профетической» тональности. Стэнли Кьюниц замечательно сказал о ней: «...ее стихи хрупки и страстны,

сплавлены из огня и воздуха и поддерживаются упругой силой, которая маскирует их хрупкость. Они берут начало в ландшафте и погоде, а еще больше, в глубинах сердца. Все, чего она касается, превращается в музыку и легенду»¹. Стэнли Кьюниц — знаменитый поэт старшего поколения, переведившийся на русский. И, что важно для нас, много переведивший на английский Ахматову, Евтушенко, Вознесенского. Луизе Глик повезло с учителем, если, конечно, считать, что поэзии можно научить. Тем не менее переводов ее поэзии на русский язык на сегодня по-прежнему мало. Это обусловлено определенным несоответствием доминирующих в англо- и русскоязычной поэзии систем стихосложения. Силлаботоническая система русской стихотворной традиции (превалирующая до сих пор) ориентирована не только на метрическую соразмерность частей стихов внутри целого (строфы), но и на рифму (точную, ассонансную и пр.) — в ней заложен мощный ресурс «поиска слова», изоморфного идее, а потому принцип «форма = содержание» зачастую неравновесен: рифма выступает своеобразным диктатом содержания. В современной англоязычной традиции преобладает верлибр. Рифма выглядит анахронизмом и производит легковесный комический эффект. Верлибр в современном русском стихосложении есть, и он занимает все большее место, но слишком часто эти верлибры (и в переводах, в частности) выглядят заурядной неорганизованной рассыпчатой речью, просто логически связанными словами. Адекватно перевести формы свободного стиха на русский язык, не утратив связи с концептуальным импульсом автора, — сложная переводческая задача.

Стихотворения Глик переводили Б. Кокотов, А. Нестеров, С. Батонов, В. Чижик, В. Черешня. Так, поэтическую книгу «Дикий ирис», удостоенную Нобелевской премии «за неподражаемый поэтический голос, аскетичная красота которого превращает личный опыт в универсальный», аудитории представил Борис Кокотов; однако большая часть стихотворного фонда Л. Глик по-прежнему ждет своего переводчика. Один из наиболее точных, поэтических и бережных по отношению к оригиналу переводов находим у Екатерины Дайс, поэта, культуролога, специалиста в области античной мифологии, мистериальной традиции в англоязычной прозе, переводчика с древнегреческого и английского языков. Е. Дайс перевела на русский язык книгу стихов «Аверно».

Луиза Глик (род. в 1943 г. в Нью-Йорке), выпускница Колумбийского университета, считается одним из самых талантливых современных поэтов Америки. Лейтмотивы ее творчества — экзистенциальное одиночество, смерть, жизненные перипетии (развод, крах любовных отношений, преломленные в категориях тут-бытия и там-бытия) кристаллизованы в безупречных, технически точных синтаксисах белого стиха. Ее поэзия высоко оценена современниками. Роберт Хасс считает ее одним из самых «чистых и мудрых ныне пишущих поэтов» [1]. Хелен Вендлер полагает, что поэзия Глик приглашает читателя к со-творчеству: ему предстоит не только разгадать заложенные в тексте аллегии, но и выстроить собственный ситуативный сценарий, заполняя собой пространство стихотворения [1].

¹ <https://www.encyclopedia.com/arts/culture-magazines/gluck-louise-1943>

Глик — автор множества поэтических сборников, среди которых «Стихотворения 1962—2012 гг.» (2012), «Деревенская жизнь» (2009), «Аверно» (2006), «Семь возрастов» (2001), «Vita Nova» (1999), «Луга» (1996), «Дикий ирис» (1992), «Арабат» (1990), «Триумф Ахилла» (1985), «Нисходящая фигура» (1980), «Дом на болотах» (1975), «Первенец» (1968). Ключевая тема ранних поэтических книг — агония личности, переживающей внутреннюю энтропию как последствие неудавшейся любви, семейных столкновений, по эмоциональной градации близких к катастрофе, и отчаяние.

Обсуждение

Этому немало способствовали события «внешней жизни» Глик. Она пережила два развода, потеряла при пожаре дом вместе со всеми сбережениями и рукописями, страдала психическими расстройствами, в том числе нервной анорексией. Одна из причин психоэмоциональной нестабильности Глик заключается в ее сложных отношениях с родителями, в особенности с матерью, которая потеряла первого ребенка в раннем возрасте. Отсутствие сестры всегда ощущалось Глик болезненно, хотя писательница родилась уже после смерти первенца. В стихотворении «Летний дождь» из сборника «Семь возрастов» лирическая героиня вспоминает, как сестра дотягивается до ее руки через «вышитые цветами» подушки: «она была испугана, она доверяла мне».

В сборнике «Дикий ирис» [2] Глик пишет:

Моя сестра всю жизнь провела в земле.
Она родилась, она умерла.
А в промежутке между
Ни одного тревожного взгляда, ни одного предложения.
Она делала то, что и все дети:
плакала. Но она не хотела, чтобы ее кормили. [перевод наш]

В эссе «Смерть и Отсутствие» Глик резюмирует: «Ее смерть не была моим жизненным опытом, но ее отсутствие — было» [Цит. по: 3. Р. 19].

Со смертью сестры Глик была вынуждена бороться за любовь матери, чье сердце «навсегда осталось похороненным в земле». Она «причиняла себе боль», чтобы разделить надвое живущую и умершую дочерей, показать матери, которая из них «настоящая».

Эмоциональной насыщенности при этом сопутствует внешняя лингвистическая аскетичность, точность, техничность, способная создать дистанцию между «я-субъектом», переживаемым им эмпирическим материалом и читателем.

Поэзия Глик направлена на внутреннее преображение читателя, путешествующего по собственным психическим ландшафтам. Их интимная тональность и простота аккомпанированы особой ритмикой, повторениями существенно значимого, идиоматикой.

Доминанты тематического диапазона Глик — разочарование, отверженность, чувство утраты, изоляция — дают критикам основания называть ее поэзию «мрачной». Так, Дэн Боген пишет, что предательство, смертность, сопутствующее ей

чувство потери делают Глик «поэтом падшего мира» [1]. Нисхождение в «падший мир» — лейтмотив сборника «Аверно», ключевой фигурой которого становится Персефона — дочь Деметры, похищенная богом подземного царства Аидом. Этот сборник перевела на русский язык Екатерина Дайс. Тема личностной сепарации от матери, которая стала для сборника «Аверно» главенствующей, была подготовлена задолго до этого. Уже в сборнике «Арарат», конфликт которого построен на отношениях лирической героини с отцом, звучат слова:

«As I saw it,
all my mother's life, my father
held her down, like
lead strapped to her ankles» [4].

«На протяжении всей жизни матери, — пишет Глик, — отец удерживал ее, будто свинец, привязанный к ее лодыжкам». Случаен ли здесь образ *лодыжек*? Вспомним гомеровские гимны: *тонколодыжной девой* аэд называет в своих стихах Персефону. Эта интертекстуальная переключка для нас интерпретативно значима: описывая в стихотворении свою мать как жизнерадостную по натуре девушку, готовую исследовать мир, но вынужденную разделить жизнь с отцом, *лежащим на кресле и прикрывающим свое лицо выпуском «Таймс»*, Глик резюмирует: «Когда пришла смерть, очевидной перемены [в жизни матери] не произошло». Это своего рода пролептический скачок к будущему сборнику «Аверно», где разницу между жизнью и смертью, *бытием и отсутствием* не ощущает уже сама Персефона-Глик.

Сложные отношения с матерью прослеживаются и в стихотворении «Мать и дитя» из сборника «Семь возрастов» (2001). Лирическая героиня рассуждает о том, что все мы — мечтатели, не знающие, кто мы такие. Порожденные *какой-то машиной*, ограниченные собственной семьей, мы *возвращаемся в мир, мечтая, но не помня. Машины семейства: темный мех, леса материнского тела* [5]. Тело матери уподоблено в этом стихотворении самой земле, образ которой в «Аверно» персонифицирован в древнегреческой богине плодородия Деметре. Симптоматично и то, что в мир мы *возвращаемся*: по верованиям древних греков, жизнь на Земле — лишь миг, куда смертные возвращаются, испив воды реки забвения Леты. Истинное же бытие протекает в безвремяе подземного царства. Этот смысл также важен нам для разрешения будущего конфликта стихотворения из «Аверно» «Страница Персефона», где два уровня бытия соединяются и ни один из них не может быть воспринят как реальный или ирреальный полностью.

В эссе «Образование поэта» Глик называет мать «судьей», ревностно читающей каждую рукопись дочери: только тексты могли служить для той основанием, что Глик действительно «живет» [6. Рр. 4—5]. «Как и каждый член моей семьи, я испытывала непреодолимое желание *говорить*, но это желание регулярно пресекалось: мои предложения, будучи “отсеченными”, всегда изменялись — то есть полностью трансформировались, а не пересказывались» [6. Р. 5].

По словам Е. Дайс, стихотворение о Персефоне стало творческим стимулом для перевода всего поэтического сборника. Переводчице близка тема Элевсинских мистерий. Само заглавие книги — «Аверно» — натолкнуло ее на ассоциацию

гидонима с вратами в Аид: в древности верили, что именно там расположен один из порталов в загробный мир. Античное царство мертвых представляло собой вполне реальный топос, куда можно было попасть при исключительных обстоятельствах. Первые врата в загробный мир, по верованиям древних греков, располагались близ города Феспротия в греческой области Эпир, где воедино сливались три реки: Ахерон (река Скорби), Коцит (река Стенаний) и Пирифлегетон (Огненная река). Там находился Некромантикон, оракул мертвых, куда, по сведениям писателя Павсания, отправился Одиссей для свершения своего обряда. Вторые врата располагались в священном городе Иераполе (на территории современной Турции), где в честь бога подземного мира был воздвигнут храм Плутонов. Озеро Аверно на юге Италии, близ Флигрейских полей, образовалось на месте вулканического кратера. В древности оно испускало ядовитые газы, убивавшие птиц, откуда, по мнению римлян, и происходит его название (*a-ornis*, «лишенный птиц»). Неподалеку от озера, в городе Кумы — первом греческом поселении на материковой части Италии — пророчествовала Сивилла, к которой обращались многие поколения римлян. По версии Вергилия, именно к Аверно с его развитой системой подземных туннелей отправился герой Эней для беседы с покойным отцом. Ему предстояло совершить катабасис — нисхождение в подземное царство для разговора с умершими на их территории. Наконец, еще один портал располагался возле мыса Матапан на юге Греции: именно им воспользовались Геракл и Орфей [7. С. 28—34].

«Я предполагала, что в книге будут еще стихотворения о Персефоне, и действительно — там оказалось еще четыре крупных вещи об этой богине. Они перемежались воспоминаниями автора о своем детстве, так же написанными верлибром, создавая ощущение размытости. Автор и героиня мифа словно бы перетекали одна в другую. Эта книга не была написана о Персефоне, она была написана Персефоновой. Полное вхождение в образ, театральная игра, где роль начинает преобладать над личностью актера.

В поэзии Глюк/Глик есть нечто неуловимо юнгианское» [8. С. 7].

Миф о Персефоне мы впервые находим в гомеровском «Гимне к Деметре», согласно которому юная дева, единственная дочь Зевса и Деметры, прельщенная прекрасным цветком нарцисса, с позволения верховного олимпийца была похищена богом подземного царства Аидом: разверзлась почва Нисийской долины, и «тонколодыжную деву», «насильно схватив», в золотой колеснице умчал «сын Кроноса многоименный» [9. С. 10—20]. Криков похищенной девы не слышал никто, кроме Гекаты, Гелиоса и матери, Деметры, которая в длительном странствии в поисках дочери обрушила на род людской невыносимые беды: земля перестала плодоносить, и человечеству грозила гибель. Зевсу пришлось отправить в Аид вестника богов, Гермеса, чтобы вызволить Персефону; однако перед тем, как выйти на свет, она вкусила зернышко граната и навсегда связала себя с миром мертвых. Треть года Персефона должна была проводить в Аиде, а остальные две трети — в мире богов и людей.

Двойственность Персефоны как богини-девы (Коры) и повелительницы подземного царства делают ее архетипически сложной фигурой. В первой ипостаси она предстает вечно юной девушкой, ассоциируемой с символами плодородия:

зерном, гранатом, хлебными злаками. Ее символом выступает также нарцисс. Во второй ипостаси это зрелая богиня, повелевающая душами умерших и являющаяся проводником для живых, посещающих подземное царство. Именно Персефона показывает Одиссею души легендарных женщин прошлого, помогает Психее выполнить поручение Афродиты и дает позволение Гераклу увести из Аида Цербера, трехглавого стража. Ее фигура — одна из главных в Элевсинских мистериях, важнейшем культе древних греков: возвращение Персефоны в мир переживалось ими как возрождение земли после смерти в циклическом паттерне.

Как отмечает юнгианский аналитик Джин Шинода Болен, Персефона как личностный паттерн не предполагает активности: женщина, в психической структуре которой актуализирован архетип Персефоны-Коры, вынужденно пассивна, податлива, находится под влиянием или воздействием других людей. В этой роли еще не проявлены осознаваемые инстинкты, силы и желания. Связь с матерью в этом случае очень тесна: «Персефона-Деметра» образуют единый психический комплекс «дочь-мать», в котором фигуре матери отведена доминирующая функция. Фигура дочери служит здесь для амплификации (расширения) или компенсации материнского бытования [10. С. 178]. Юнгианский аналитик Эстер Хардинг называет такой тип женщин, как Персефона, «женщиной-Анимой», которая недостаточно осознает себя, чтобы понять, чем является ее собственная жизнь [11]. Сексуальность Персефоны-Коры еще не пробуждена, однако в процессе опыта и роста формируется другая ее ипостась — повелительницы подземного царства. Подземный мир в символическом плане — глубинные структуры души, личное бессознательное, пересекающееся с коллективным опытом: именно там «захоронены» чувства, воспоминания, архетипы, инстинкты и паттерны, зачастую эксплицируемые вовне через сновидения.

Персефона-психопомп наделена способностью перемещаться между эго-реальностью и бессознательным миром души. Оба эти уровня могут быть интегрированы, связаны между собой ее фигурой. «Персефона-проводник представляет часть души, архетип, ответственный за ощущение знания, которое человек получает, внезапно встречаясь с символическим языком, ритуалом, безумием, видениями и экстатическим мистическим переживанием» [10. С. 182].

Рассмотрим первое стихотворение о Персефоне, написанное Л. Глик¹ и переведенное Е. Дайс² на русский язык.

Persephone the Wanderer	Страница Персефона
In the first version, Persephone is taken from her mother and the goddess of the earth punishes the earth — this is consistent with what we know of human behavior,	В первой версии мифа Персефону отнимают у матери, и богиня земли наказывает землю — это согласуется с тем, что мы знаем о человеческом поведении,

¹ <https://thefloatinglibrary.com/2009/10/03/persephone-the-wanderer-louise-gluck-2/>

² https://syg.ma/@eka-dais/luiza-glik-chietyrie-stikhotvorieniia-o-piersiefonie-iz-knigi-avierno?fbclid=IwAR1Y0_TMVIWIPGjj6lYEwAKMnnCAoID4nkKhAk7g56iKQAY3U9B1e5LB13o

that human beings take profound satisfaction
in doing harm, particularly
unconscious harm:

we may call this
negative creation.

Persephone's initial
sojourn in hell continues to be
pawed over by scholars who dispute
the sensations of the virgin:

did she cooperate in her rape,
or was she drugged, violated against her will,
as happens so often now to modern girls.

As is well known, the return of the beloved
does not correct
the loss of the beloved: Persephone
returns home
stained with red juice like
a character in Hawthorne —

I am not certain I will
keep this word: is earth
"home" to Persephone? Is she at home, conceivable,
in the bed of the god? Is she
at home nowhere? Is she
a born wanderer, in other words
an existential
replica of her own mother, less
hamstrung by ideas of causality?

You are allowed to like
no one, you know. The characters
are not people.
They are aspects of a dilemma or conflict.

Three parts: just as the soul is divided,
ego, superego, id. Likewise
the three levels of the known world,
a kind of diagram that separates
heaven from earth from hell.

You must ask yourself:
where is it snowing?

White of forgetfulness, of desecration —
It is snowing on earth; the cold wind says
Persephone is having sex in hell.
Unlike the rest of us, she doesn't know
what winter is, only that
she is what causes it.

She is lying in the bed of Hades.
What is in her mind?
Is she afraid? Has something
blotted out the idea
of mind?

что люди получают глубокое удовлетворение
от причинения вреда,
особенно бессознательно:

мы можем назвать это
отрицательным творчеством.

Первоначальное
пребывание Персефоны в аду
по-прежнему обсуждается учеными, которые
оспаривают
ощущения девственности:

участвовала ли она в похищении,
или ее накачали наркотиками и изнасиловали,
как это часто случается с современными девушками.

Как известно, возвращение
возлюбленной
не замещает
потерю возлюбленной: Персефона
возвращается домой
испачканная красным соком
как
персонаж из сериала
«Сестра Готорн»

Я не уверена, что
сдержу это слово: является ли земля
«домом» для Персефоны? Может быть,
она дома в постели бога? Или она бездомна?
Является ли она
прирожденной странницей, иными словами,
экзистенциальной
копией своей матери, менее
обремененной идеями причинности?

Ты же
знаешь, что тебе не должен никто
нравиться.
Персонажи —
это не люди.
Это аспекты дилеммы или конфликта.

Три части: точно так же, как душа разделена
На Я, Сверх-Я и Оно.
Точно так же
Как три уровня мироздания, своего
рода диаграмма, которая отделяет
Небо от Земли и от Ада.

Вы должны спросить себя:
где идет снег?

Белый цвет забвения, осквернения
На Земле идет снег, молвил холодный ветер.

Персефона занимается сексом в аду.
В отличие ото всех нас, она не знает,
что такое зима, только то,
что она — причина зимы.

Лежа в постели Аида,
О чем она думает?
Неужели она боится? Неужели что-то
заслонило идею разума?

<p>She does know the earth is run by mothers, this much is certain. She also knows she is not what is called a girl any longer. Regarding incarceration, she believes</p>	<p>Она действительно знает, Что земля управляется матерями, это уж точно. Она также знает, что она больше не та, кого называют девой. Что касается лишения свободы, то она считает, что</p>
<p>she has been a prisoner since she has been a daughter. The terrible reunions in store for her will take up the rest of her life. When the passion for expiation is chronic, fierce, you do not choose the way you live. You do not live; you are not allowed to die.</p>	<p>она была пленницей с тех пор, как стала дочерью. Ужасные воссоединения займут всю ее оставшуюся жизнь. Когда страсть к искуплению становится хронической, яростной, вы не выбираете свой образ жизни. Вы не живете; вам не позволено умереть.</p>
<p>You drift between earth and death which seem, finally, strangely alike. Scholars tell us</p>	<p>Вы дрейфуете между землей и смертью, которые становятся, наконец, странно похожими. Ученые говорят нам</p>
<p>That there is no point in knowing what you want when the forces contending over you could kill you.</p>	<p>что нет смысла знать, чего ты желаешь, когда сильные борются за тебя и могут тебя убить.</p>
<p>White of forgetfulness, white of safety —</p>	<p>Белый цвет забвения, белый цвет безопасности.</p>
<p>They say there is a rift in the human soul which was not constructed to belong entirely to life.</p>	<p>Они говорят, что в человеческой душе есть щель, в душе, созданной не для того, чтобы полностью принадлежать жизни.</p>
<p>Earth Asks us to deny this rift, a threat disguised as suggestion — As we have seen in the tale of Persephone which should be read</p>	<p>Земля просит нас отрицать эту щель, угрозу, замаскированную под рекомендацию — Как мы уже видели в сказке о Персефоне, которую следует прочесть</p>
<p>As an argument between the mother and the lover — the daughter is just meat.</p>	<p>как спор между матерью и любовником — дочь просто мясо.</p>
<p>When death confronts her, she has never seen the meadow without the daisies. Suddenly she is no longer singing her maidenly songs. about her mother's beauty and fecundity. Where the rift is, the break is.</p>	<p>Когда смерть встречает ее, она никогда не видела луга без маргариток. Больше она не поет девичьи песни о красоте и плодovitости своей матери. Где щель, там и разрыв.</p>
<p>Song of the earth, song of the mystic vision of eternal life —</p>	<p>Песнь земли, песнь мистического видения вечной жизни —</p>
<p>My soul shattered with the strain of trying to belong to earth —</p>	<p>Моя душа разбилась от напряжения, пытаясь принадлежать земле.</p>
<p>What will you do, when it is your turn in the field with the god?</p>	<p>Что ты будешь делать, когда окажешься на одном поле с Богом?</p>

Как отмечает Дэниэл Моррис, за лаконичным тоном «Аверно» скрывается желание автора отгородиться от внешнего мира: это ее *Via Negativa*. «Глик смотрит на все свои попытки завоевать расположение матери, следуя паттернам и скриптам, установленным для женщины: влюбиться, выйти замуж, разделять ее взгляды, ублажать супруга — с позиции уже зрелой женщины. Мифологическая канва становится для нее нарративом: треугольные отношения Персефоны, Деметры и Аида переживаются и рассказываются как личная история, в которых дочери отведена не большая роль, чем куску мяса в противостоянии более сильных и доминантных фигур. Язык «Аверно» мрачен, апокалиптичен, он символически отражает саму ее тяжелую депрессию» [3. Р. 44].

Попробуем проанализировать перевод, предложенный Е. Дайс, в формально-техническом и идейно-тематическом аспектах. Первое, на что вдумчивый читатель обратит внимание при чтении перевода Дайс, — это авторское изменение строфики, акцентуация отдельных слов и использование приема синтаксической синонимии (Золотова). На уровне синтактики прослеживается также формальная амплификация: смыслы приращиваются за счет инкорпорированных элементов, не присутствующих в тексте оригинала. Так, в первой строфе видим добавочное слово «миф», выполняющее в контексте отрезка экспланаторную функцию.

Дайс важно подчеркнуть, что действие разворачивается в мифе: таким образом, наррация расслаивается, заполняя два модуса: реального и ирреального изображаемого. Вставочный элемент позволяет воспринимающему сознанию адресата отождествить образ Персефоны с биореконструктивной маской, за которой скрывается личность реального автора-творца.

Прием синонимической замены характерен для Дайс. *Human beings, человеческие существа*, у нее представлены супплетивной формой *люди*, что сообщает объекту описания большую *типичность, характерность, приземленность*. Интересна и вариация в переводе слова *creation*: его можно представить и как творчество, и как творение. Но так как речь в стихотворении идет о поэтическом альтер-эго Глик, первый вариант оказывается предпочтительнее, представляя собой своего рода импликатуру.

В четвертой строфе слово *initial*, обладающее в английском языке говорящей внутренней формой (связь с инициацией, посвящением и последующей трансформацией), в русском варианте нейтрализовано, в то время как следующая строфа смягчена («похищение», а не «изнасилование») и несколько редуцирована: исключен избыточный для русского языка сегмент «против ее воли», который в данном контексте выступил бы как плеоназм. Экспланаторным является элемент сериала «Сестра Готорн», адаптированный под восприятие русскоязычной аудитории и коррелирующий с прецедентным феноменом, уже вошедшим в ее когнитивную базу (сериал известен в России как «Сестра Готорн» и повествует о буднях руководителя младшего медицинского персонала в клинике Ричмонда).

Эквиваленты, более понятные русскому читателю, найдены для фрейдовских терминов: Я, Сверх-Я, Оно. Лексемы, имеющие символическое значение, даны с прописных: этот прием сообщает им семантику символа с широкой интертекстуальностью и палимпсестной природой (Земля, Небо, Ад). Двукратное повторение слова «зима», эпифора 13-й строфы, также оправданно: лексический повтор

интенсифицирует символическую нагрузку фрагмента, акцентируя внимание читателя на его экзистенциальной сущности: цикличность паттерна, наступление смерти на земле, вызванное похищением Персефоны, активизирует вторую часть комплекса (фигура Деметры), однако самой Персефой не осознается.

Автор, дистанцированный от лирической героини техникой наррации от третьего лица, задается вопросом: неужели она боится? Неужели что-то заслонило идею разума? Персефона погружена в восприятие чувств и инстинктов; она *чувствует* более, чем *мыслит*. Перевод дальнейших строф стихотворения у Дайс синтаксически точен, за исключением одного лишь элемента: слово «Бог» так же, как и предыдущие экзистенциалы, дано с прописной буквы, что имеет в данном случае значение онтологического обобщения.

На идейно-тематическом уровне перевод Е. Дайс полностью передает смыслы первоисточника. Деметра ни разу не названа в произведении открыто: ее фигура как одного из агентов имплицирована в кономинациях «земля», «мать», «богиня» — и в переводе, и в оригинальном тексте авторы следуют предписанию не называния священного образа, он в каком-то смысле табуирован. Однако образ матери и в этом случае двойственен: это и мать-земля, и реальный прототип Беатрис Глик, матери поэтессы, которая, утратив свое влияние на дочь, ведет себя так, и как и все люди: стремится причинить вред. Глик задается вопросом: не участвовала ли Персефона в собственном похищении? С соответствием с гомеровским гимном «К Деметре», как мы помним, Аид умчал ее в свое царство «насильно». Но наличие вопроса в тема-рематическом аспекте — всегда импульс. Возможно, дочь хотела быть похищенной? Дальнейшие строфы подтверждают это предположение: Персефона была пленницей с того самого момента, как родилась. Не так важно, в какой из неволь она пребывает: разницей между жизнью человека внешнего и человека внутреннего (Е. Эткинд) она ощутить не в силах. Пройдя через инициацию, Персефона возвращается к матери навсегда измененной: трансформация затрагивает ее аспект Кору и сообщает ей новую роль: отныне она владычица подземного царства, то есть душа, прошедшая через индивидуацию. Становясь посредником между мирами, медиумом в экзистенциальном смысле, Персефона не может принадлежать какому-либо из них полностью. Отныне она — личность психологического (и шире — экзистенциального) пограничья, странница, которой доступна новая функция: перемещения. Из непосредственного пассива Персефона становится полноправным агентом, хотя поначалу может казаться, что ее роль исключительно объекта.

Смена местоименных модусов — содержательно важная техника стихотворения. Изначально повествование ведется в третьем лице — степень максимального дистанцирования автора от объекта изображения. Затем происходит смена третьего лица на инклюзивное «ты» — это и обращение автора к лирической героине, и знак кооперации автора с читателем («Ты же знаешь, что тебе не должен никто нравиться»). Далее «ты» — в переводе Дайс — ставится в форму множественного числа: «Вы». Таким образом, вопрос о том, где идет снег, задается уже коллективному читателю, происходит расширение, индукция в авторской коммуникации с адресатом. Вопрос задается целому миру, и это сущностно необходимо. Ветер рассказывает нам, что снег идет на земле — мотив умирания внеш-

него мира, тем не менее, не осознается внутренней личностью героини. Цветом забвения и осквернения *белый* становится для внешнего наблюдателя — ее матери. Для Персефоны это цвет забвения — но и *безопасности*. Смена местоименных модусов происходит в стихотворении не единожды, пока в предпоследней строфе Персефона-Глик не говорит:

Моя душа
разбилась от напряжения,
пытаясь принадлежать земле.

Щель в душе, трещина, разрыв — рекуррентные образы стихотворения, свидетельствующие не только о дефекцитарности героини, но и о ее готовности существовать в ином, не над-материнском, топосе.

Для того, чтобы представить архетипический паттерн «Персефона-Деметра» более репрезентативно, нам следует обратиться и к другим стихотворениям сборника «Аверно», переведенным Е. Дайс, в частности «Мифу Преданности», «Мифу Невинности», «Странице Персефоне II», которые будут подробно рассмотрены в следующей статье.

Заключение

Книга стихов «Аверно» Луизы Глик — один из значимых фактов современного мирового литературного процесса. Продолжая исследовать в стихотворениях «Аверно» тему семейных и личных отношений, Глик создает автобиоореконструктивную маску — образ Персефоны, которая находится в промежуточном положении между пленницей матери и жертвой похищения. Тем не менее, пройдя инициацию и соприкоснувшись с подземным царством (архетип, коррелирующий с индивидуальным и коллективным бессознательным), Персефона обретает способность к перемещению (функция трансфера). Ее положение между мирами свидетельствует о трансформации Девы-Коры в будущую правительницу Аида, ипостась, пока еще не осознаваемую лирической героиней.

Екатерина Дайс, использовавшая при переводе такие приемы, как синтаксическая синонимия, амплификация, инкорпорация добавочных элементов и редукция избыточных, графическая акцентуация отдельных лексем, смогла адекватно передать содержательно-тематический план оригинала. На сегодня она является одним из наиболее перспективных переводчиков поэзии Луизы Глик на русский язык.

Список литературы

1. *Louise Glück*. Poetry Foundation. Web. URL: <https://www.poetryfoundation.org/poets/louise-gluck>
2. *Glück L.* Wild Iris. New York: Ecco, 1993.
3. *Morris D.* The Poetry of Louise Glück: A Thematic Introduction. University of Missouri Press, 2006.
4. *Glück, L.* As I saw it. Web. <https://www.goodreads.com/quotes/674333-as-i-saw-it-all-my-mother-s-life-my-father>

5. Glück, L. Mother and Child. Web. <https://www.poetryfoundation.org/poems/49617/mother-and-child>
6. Glück L. Education of the Poet: Proofs & Theories: Essays on Poetry. New York: Ecco. 1994.
7. Матышак Ф. Древняя магия. М.: Манн, Иванов и Фебер. 2021.
8. Дайс Е. Настоящая хиппи-скво // Троицкий вариант. Наука. 2020. № 315. С. 7.
9. Эллинские поэты. Гомеровы гимны. К Деметре / пер. В.В. Вересаева. М.: Художественная литература, 1963.
10. Болен Д.Ш. Богини в каждой женщине. Новая психология женщины. Архетипы богинь. М.: София, 2007.
11. Хардинг Э. Пути женщин М.: Касталия, 2021.
12. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Эдиториал УРСС, 2005.

References

1. Louise Glück. Poetry Foundation. Web. URL: <https://www.poetryfoundation.org/poets/louise-gluck>
2. Glück, L. 1993. Wild Iris. New York: Ecco, 1993. 63 p. Print.
3. Morris, D. 2006. The Poetry of Louise Glück: A Thematic Introduction. University of Missouri Press.
4. Glück, L. As I saw it. Web. <https://www.goodreads.com/quotes/674333-as-i-saw-it-all-my-mother-s-life-my-father>
5. Glück, L. Mother and Child. Web. <https://www.poetryfoundation.org/poems/49617/mother-and-child>
6. Glück, L. 1994. Education of the Poet: Proofs & Theories: Essays on Poetry. New York: Ecco.
7. Matyshak, F. 2021. Drevnyaya magiya. Moscow: Mann, Ivanov i Feber publ. Print. (In Russ.)
8. Dajs, E. 2020. "Nastoyashchaya hippy-skvo". Troickij variant. Nauka 315: 7. Print. (In Russ.)
9. Ellinskie poety. 1963. Gomerovy gimny. K Demetre. Translated by V.V. Veresaev. Moscow: Hudozhestvennaya literature publ.
10. Bolen, D.Sh. 2007. Bogini v kazhdoj zhenshchine. Novaya psihologiya zhenshchiny. Arhetipy bogin'. Moscow: Sofiya publ. Print. (In Russ.)
11. Harding, E. 2021. Puti zhenshchin Moscow: Kastaliya publ. Print. (In Russ.)
12. Zolotova, G.A. 2005. Ocherk funktsional'nogo sintaksisa russkogo yazyka. Moscow: Editorial URSS publ. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Маркова Елена Андреевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов. E-mail: markova_ea@pfur.ru

Bio Note:

Elena A. Markova is a Candidate of Philology, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia. E-mail: markova_ea@pfur.ru

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

20830

(индекс издания)

**«Полилингвильность
и транскультурные
практики»**

Количество
комплектов:

на 2022 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

20830

(индекс издания)

ПВ	место	литер

**«Полилингвильность
и транскультурные практики»**

Стои- мость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2022 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДЛЯ ЗАМЕТОК